

А.И.МАЗИН

ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА ПРИАМУРЬЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

А.И. МАЗИН

ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА ПРИАМУРЬЯ

Ответственный редактор
академик *Ал. Деревянко*

ВО "НАУКА"
НОВОСИБИРСК
1994

УДК 903.2.27. → 7.031.1

ББК 63.4(2)

М13

Рецензенты

член-корреспондент РАН *В.И. Молодин*
доктор исторических наук *И.И. Кириллов*

Утверждено к печати

Институтом археологии и этнографии СО РАН

Мазин А.И.

М13 Древние святилища Приамурья. — Новосибирск:
"Наука". Сибирская издательская фирма, 1994. —
241 с.

ISBN 5—02—030743—2.

В монографии, завершающей исследования автора по петроглифам Забайкалья и Верхнего Приамурья, дается стилистический анализ рисунков; проводятся классификация и описание жертвенников и жертвоприношений, сопутствующих писаницам. Подробно прослеживаются особенности наскальной живописи; определяется место наскальных рисунков в духовной культуре древнего человека; выявляется связь петроглифов тасжой зоны Приамурья и Забайкалья с петроглифами сопредельных территорий.

Книга предназначена археологам, этнографам, краеведам, историкам.

0504000000—080

М $\frac{042(02)—94}{75—94}$ I полугодие

ББК 63.4(2)

ISBN 5—02—030743—2

© А.И. Мазин, 1994
© Российская Академия
наук, 1994

В археологии Приамурья и Восточного Забайкалья достигнуты значительные успехи. Следует отметить наличие обобщающих публикаций А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, И.И. Кириллова, Е.И. Деревянко, В.Е. Медведева, Ю.С. Гришина, Е.В. Ковычева, О.В. Дьяковой, посвященных различным проблемам древней и средневековой истории региона. Но в этих работах речь идет в основном о различных аспектах быта, хозяйства и материальной культуры местного населения. Проблемы, связанные с духовной культурой, если и затрагивались, то вскользь [3; 14—27; 29; 35; 61; 62; 85]. Данное обстоятельство и явилось одной из главных причин выбора темы исследования.

Представленная работа в основном завершает исследование автором петроглифов Приамурья и Восточного Забайкалья. В результате проведенных здесь многолетних исследований получен большой фактический материал, что позволяет предпринять попытку рассмотрения в географическом и историческом аспектах картины формирования древнего наскального искусства в этом регионе, показать отношение к нему местного населения края.

Поставленные и решаемые проблемы неразрывно связаны с актуальными задачами современной исторической науки, поскольку речь идет о духовной культуре предков современных народов Приамурья и Восточного Забайкалья и ее истоках. Названный регион в силу своего географического положения в древности входил в зону формирования крупных этнических общностей. Поэтому изучение древнего наскального искусства края помогает глубже понять многие узловые проблемы, связанные с духовной культурой многих народов Центральной и Северо-Восточной Азии. Это тем более важно, что древнее наскальное искусство Приамурья и Восточного Забайкалья до настоящего времени остается одной из наименее изученных тем.

По рассматриваемой тематике автором опубликованы две монографии ("Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья" в соавторстве с А.П. Окладниковым и "Таежные

писаницы Приамурья“) и ряд статей, в которых приведен обзор работ предшественников по избранной теме, указаны места расположения и охарактеризованы все учтенные памятники с наскальными рисунками, осуществлен критический анализ методов датировки петроглифов Северной Азии, разработана хронология петроглифов таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья и выделены их культурно-стилистические особенности, предложено гипотетическое решение проблемы этнокультурной привязки петроглифов.

Основная цель исследования состоит в том, чтобы ввести в научный оборот все материалы, имеющие отношение к наскальным изображениям Приамурья и Восточного Забайкалья и жертвенникам, связанным с ними, определить этапы формирования наскального искусства, показать его своеобразие, выявить общие закономерности развития наскального искусства на рассматриваемой и сопредельных территориях, оценить высказывавшиеся по данной проблеме идеи. Для достижения цели решаются следующие задачи:

описывается экологическая среда региона с позднего плейстоцена до современности и ее отражение в наскальном искусстве;

осуществляется стилистический анализ петроглифов;

характеризуются и классифицируются жертвенники, сопутствующие наскальным рисункам;

предлагается гипотетическое заключение о роли скал с петроглифами в духовной культуре древнего человека;

выясняется связь петроглифов таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья с петроглифами сопредельных территорий.

В ходе полевых исследований памятников наскального искусства использовалась отработанная методика. Вначале детально осматривалась местность, выявлялись жертвенные места (в том числе и предполагаемые), проводились топографическая съемка и фотографирование местности. Затем выявленные наскальные рисунки разграничивались по плоскостям, фотографировались, копировались и, наконец, описывались. Все рисунки на рассматриваемой территории, нанесенные красной охрой, снимались на тушевую, высветленную кальку или полиэтилен (для красочных рисунков это самый приемлемый способ фиксации).

Раскопки жертвенных мест производились на заключительном этапе исследования памятника. Для грунтовых жертвенников использовалась методика, применяемая при раскопках стоянок. Жертвенники, огороженные каменными плитами и легко фиксируемые, раскапывались в соответ-

ствии с методикой, принятой для исследования поминальных и погребальных сооружений.

Изучение эволюционно-хронологических особенностей стиля петроглифов и основных типов орудий труда из жертвенников производилось с учетом общих устойчивых тенденций на основе статистических, метрических и экспериментальных данных.

Петроглифы, там, где это возможно, датировались на основе материалов из культурных слоев жертвенников, расположенных у скал с наскальными рисунками, сопоставлений с датированными аналогиями с сопредельных территорий, по произведениям мелкой пластики и изображениям на сосудах, найденных в ходе археологических раскопок, по расположению фигур на плоскостях, по порядку последнего нанесения рисунков с помощью палеонтологических данных.

Датировка материалов из культурных слоев жертвенников базировалась на радиоуглеродном анализе с привлечением датированных аналогий с других памятников.

Для определения этнической принадлежности древних художников, оставивших наскальные рисунки в таежной зоне Приамурья и Восточного Забайкалья, использован ретроспективный метод.

Новизна работы заключается во введении в научный оборот ранее не известных материалов по петроглифам Восточного Забайкалья и таежной зоны Приамурья. Выявлен новый тип жертвенников, связанных с писаницами. Разработан новый подход к проблеме периодизации и хронологии петроглифов: за основу взяты материалы жертвенников, которые позволили разделить наскальные рисунки хронологически, проанализировать культурно-стилистические особенности и тематику изображений по периодам. Разработана теория формирования наскального искусства в Восточном Забайкалье и таежной зоне Приамурья, отражающая самобытность развития этих регионов. Сделана попытка определения связей петроглифов таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья с петроглифами сопредельных территорий.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПРИРОДЫ ПРИАМУРЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ

Природа всегда, а особенно на ранних ступенях развития человечества, оказывает существенное влияние на формирование материальной и духовной культуры населения. В наскальной живописи Приамурья и Восточного Забайкалья благодаря большой протяженности территории и заметным различиям в географической среде влияние природного фактора прослеживается со всей определенностью.

Приамурье и Восточное Забайкалье — это более 1 млн км² Северной Азии. Данные земли расположены в системе р. Амур в границах России. Амур — одна из крупнейших рек мира. Эвенки называют его Мэнэ-Амар (Большая река), коренные жители низовьев Амура — Маму, китайцы — Хейлунцзян (Река Черного Дракона) или Хэйхэ (Черная река), монголы — Хара-Мурень или Хар-Морон (Черная река), маньчжуры — Сахолян-ула (Черная река) [12, с. 42].

Амур образуется слиянием Аргуни и Шилки и впадает в Амурский лиман Охотского моря. Длина от истока Аргуни (Хайлар) — 4444 км, от истока Онона — 4354 км. Система Амура на территории нашей страны включает 172 233 реки, из них 8787 — длиной более 10 км. Наиболее крупные притоки — Аргунь (1620 км), Шилка (560 км от слияния Онона и Ингоды), Зея (1242 км), Бурей (623 км), Уссури (588 км), Амгунь (723 км). Рельеф долины Амура определен тектоникой: от верховьев до устья Зеи он течет по глубоко врезанной долине, ниже — по равнине. Питание Амура преимущественно дождевое, с летним стоком: на апрель — октябрь приходится 96 % стока [12, с. 40—42].

Территория бассейна Амура неоднородна и контрастна по рельефу. Системы низких и средневысоких гор чередуются с денудационными и аккумулятивными равнинами, нарушаемыми местами остовными сопками выведенных на поверхность интрузий.

Бугристые и кочкарные болота, осложненные на севере криогенными формами, занимают значительную площадь бассейна, тяготея к его восточной части. В юго-западной части бассейна в сухих степях и полупустыне прослежива-

ются обширные территории типично аридных форм рельефа. Вся территория бассейна пересечена сетью эрозионно-аллювиальных образований речных долин самого Амура и его притоков разных порядков. В приморской части современного бассейна на рельеф повлияла морфогенетическая деятельность моря. На участках распространения растворимых пород проявляется карст. В районах молодого вулканизма прослеживаются пепловые и лавовые равнины.

Бассейн Амура гористый. Площадь гор в его пределах составляет 66 %, площадь равнины — 34 %. Преобладают средневысокие и низкие горы. Лишь немногие вершины имеют абсолютную высоту свыше 2500 м.

Орография бассейна Амура сложна, тем не менее в распределении горных хребтов и плоскогорий можно уловить некоторые общие закономерности. Отмечается чередование простираний хребтов в северо-восточном и широтном направлениях. Так, на юго-востоке и западе бассейна Амура хребты (в общем параллельные друг другу) Сихотэ-Алинь, Баджальский, Малый Хинган, Буреинский, Дуссе-Алинь, Аргунский, Нерчинский, Ононо-Газимурский, Борщовочный, Даурский, Шилкинский, Черского, Яблоновый простираются на северо-восток. Это направление на широте 53° сменяется северо-западным и широтным в хребтах Тукурингра — Джагды и еще севернее — в Становом хребте, что связано с геологическим строением — здесь располагаются края докембрийских плит.

Горы в бассейне Амура отличаются сглаженностью вершин. Редкие следы ледниковой скульптурной деятельности характерны для верхних третей склонов. Альпийский облик имеют лишь отдельные острова хребтов.

Наиболее крупные равнины расположены в верховьях Зеи (Верхне-Зейская); от устья Зеи до Малого Хингана (Зейско-Буреинская); ниже в среднем течении Амура (Средне-Амурская); в верховьях Амура (Приононская), а от широты Комсомольска на север в меридианальном направлении простирается Эверон-Чукчагирская депрессия, занятая озерно-аллювиальной равниной [70, с. 5].

На сложный орографический план бассейна Амура наложилась не менее сложная физико-географическая обстановка, связанная со сменой засушливых и влажных сезонов года и разной степенью океанического и континентального влияний на востоке и западе территории. В северной и особенно северо-западной части бассейна Амура фиксируется сплошная вечная мерзлота грунтов, южнее и восточнее по левобережью Амура — вечная мерзлота с островами талого грунта. Зейско-Буреинскую и Средне-Амурскую равнины с севера окаймляет зона островной вечной мерзлоты,

которая также распространена в водораздельных частях на севере Большого Хингана и Сихотэ-Алиня. На остальной территории в разной степени проявляется сезонная мерзлота [37, с. 4—5; 68, с. 28—39; 2, с. 27—40; 92, с. 5—9].

По климатическим условиям, особенностям растительности и животного мира в Приамурье можно выделить три зоны. Это бассейн Шилки и Аргуни, левобережье бассейна Амура от слияния Шилки с Аргунью до Буреинского хребта и от Буреинского хребта до устья.

Климат первой зоны в большой мере континентальный. Для зимы типичны континентальные воздушные потоки, вызывающие ясную морозную погоду. Летом, поскольку территория примыкает к соседним пустынным областям Центральной Азии, воздух сильно прогревается, что вызывает неустойчивую погоду. Зима продолжительная и суровая. Температура самого холодного месяца (январь) от минус 26 до 33°. лето теплое. Температура в июле доходит до плюс 16—18°, в северных районах — до плюс 19—21°. Максимальные температуры воздуха достигают плюс 35—38°, минимальные — до минус 55—60°. Около 80 % осадков выпадает в теплое время года [37, с. 22—27].

Климат второй зоны умеренно-континентальный, подверженный влиянию дальневосточных муссонов. Средняя температура воздуха колеблется от минус 8° на севере до 0° на юге. Летняя температура достигает в отдельные годы плюс 35—38°, а в южных районах — до плюс 38—40°. Зимой температура падает до минус 55—60° на севере и до минус 45—50° на юге. Около 96 % осадков приходится на теплый период года [36, с. 13; 92, с. 13].

Восточнее Буреинского хребта климат муссонный, с суровой малоснежной зимой и теплым влажным летом. Средняя температура января — от минус 22° на юге до минус 40° на севере, на морском побережье — от минус 15 до 25°. Средняя температура июля колеблется от плюс 12—16° в приморской части до плюс 21° во внутренних южных районах. До 75 % осадков выпадает в теплый период года [103, с. 17—18].

В аргуно-шилкинском бассейне лесами покрыто меньше половины территории. Хвойные леса представлены главным образом даурской лиственницей, которая в горах распространяется далеко на юг. Сосна растет по обе стороны железнодорожной магистрали и на южных склонах гор. По левым притокам Онона и в верховьях Ингоды встречается сибирский кедр. В затененных долинах произрастает ель. На склонах гор в лесостепных районах и на бывших гарях встречаются береза и осина. В подлесках хвойных лесов много кустарников — даурского рододендрона, шиповника и

ягодных. В лесостепных районах растут представители монгольской флоры — дикий абрикос, монгольский дуб, ильм. Для степей характерен злаково-разнотравный покров.

Животный мир состоит из обитателей тайги и степей. В тайге водятся пушные звери: белка, горностай, ласка, колонок, россомаха, рысь, бурый медведь, лисица и соболь, а из копытных — лось, изюбр, сибирская косуля, северный олень, кабарга; в лесостепи и на степных участках живут барсук, волк, степной хорек, кабан, много грызунов. Копытные представлены монгольской антилопой — здереном. Из рыб распространены осетр, таймень, ленок, сиг, а также частиковые породы: окунь, карась, елец, чебак [37, с. 28—37].

Растительный и животный мир второй зоны Приамурья представлен пограничными между сибирским таежным, китайско-гималайским и дауро-монгольским типами.

Флора насчитывает свыше 1500 видов высших сосудистых растений. В растительном покрове преобладают древесные и кустарниковые формации, значительное распространение имеют также болотные и луговые. Леса делятся на три зоны: тайга, хвойно-широколиственные и широколиственные [33, с. 1—12].

Зона тайги охватывает территорию приблизительно от 52° с.ш. до Станового хребта. Таежные леса состоят преимущественно из лиственницы даурской, встречаются береза плосколистная, сосна, а на северо-востоке — ель аянская и пихта. В поймах рек растут тополь душистый, чозения (ива древовидная), рябина, ольха, а в подлеске — багульник. В тайге, особенно в северной ее части, частое явление — мари, на которых хорошо развиваются береза кустарниковая (ерник), овальнолистная и Миддендорфа. В тайге много ягодников — смородины, голубики, брусники. Склоны гор покрыты кедровым стлаником.

Зона тайги делится на полосы средней и южной тайги. В полосе южной тайги, кроме названных растений, встречаются виды, обычные для южных районов Дальнего Востока — ясень, клен, ильм, дуб. Луга, главным образом вейниковые, встречаются только в поймах рек.

Южнее тайги расположена зона смешанных, или широколиственно-хвойно-таежных лесов. Она охватывает южную часть Амуро-Зейской равнины и часть Зейско-Буринской равнины и образована дубово-лиственными и дубово-сосновыми сообществами. Дубравы здесь редкостойны, кустарниковый ярус также имеет незначительную сомкнутость, поэтому травянистый покров хорошо развит и включает множество видов. Широко распространена береза даурская (черная). Для подлеска типичны лещина разнолистная и леспедеца двуцветная.

Своеобразна растительность юго-востока. Здесь встречаются кедр корейский, орех маньчжурский, бархат амурский. Часты ясень, липа, клены. В этой зоне произрастает несколько видов лиан — актинидия Коломикта, виноград амурский, лимонник.

Самый юг Приамурья входит в зону широколиственных лесов. В настоящее время он почти безлесен, лишь кое-где сохранились рощи, образованные дубом и березой черной. Небольшими участками встречаются сосновые леса. На лугах разнотравье, произрастают злаковые и бобовые растения.

Богат и разнообразен животный мир второй зоны Приамурья. Только млекопитающих, птиц и рыб насчитывается 330 видов. В составе фауны сочетаются северные и южные элементы. Эту особенность подметил еще в 1844 г. А.Ф. Миддендорф.

На территории района зарегистрировано до 57 видов млекопитающих. Наиболее важными в промысловом хозяйстве являются: лось, изюбр, северный олень, косуля, кабарга, кабан, снежный баран, бурый и гималайский медведи, волк, лиса, енотовидная собака, барсук, рысь, соболь, белка и др. Харза, черный гималайский медведь, маньчжурский заяц и некоторые другие животные встречаются только здесь.

Из птиц наибольшее промысловое значение имеют тетерев, каменный глухарь, рябчик, дикуша, белая, тундровая и бородастая куропатки, маньчжурский фазан.

В водоемах насчитывается до 60 видов рыб. Здесь, как в фауне и флоре, наблюдается смешение южных и северных видов. Так, змееголов, амурский сазан, желтошек, толстолоб, восьмиусый пескарь и другие представители юга уживаются с хариусом, тайменем, ленком — обитателями более северных районов. Есть рыбы, которые нигде на земном шаре, кроме Амура, не встречаются. К ним относятся калуга, амурский осетр, амурская щука, краснопер, сом Солдато-ва и др. [34, с. 2—4].

Леса третьей зоны Приамурья включают представителей дальневосточной (амурской), охотско-камчатской и восточно-сибирской флористических областей. На севере, северо-западе и востоке преобладают хвойные леса, подразделяющиеся на светлохвойные, состоящие из даурской лиственницы, и темнохвойные, включающие аянскую ель и белокорую пихту. На юге края и на средне-амурской низменности распространены смешанные кедрово-широколиственные леса. Их основной фон образуют кедр корейский с примесью ели аянской и пихты белокорой. Второй ярус этих лесов представлен широколиственными деревьями: дубом монгольским, несколькими видами кленов, ильмов и лип,

маньчжурским ясенем, маньчжурским орехом, бархатным деревом и березами — белой, черной, желтой, железной. Густой подлесок состоит из сирени амурской, леспедецы, лещин маньчжурской и разнолистной, аралии маньчжурской, элеутерококка колючего, лимонника и других видов. Обильный травяной покров образуют папоротники, злаки, особи. В этих же лесах встречается знаменитый женьшень.

Предгорья возвышенностей Сихотэ-Алиня и Станового хребта, окаймляющие Зейско-Буреинскую и Приханкайскую равнины, занимают широколиственные леса, в составе которых преобладают дубы с небольшой примесью лип и кленов, а в подлеске — леспедеца.

Из промысловых животных для зоны хвойного леса характерны лось, северный олень, изюбр, кабарга, бурый медведь, соболь, белка, горностай, рысь, волк, бурундук, а также рябчик и куропатка. Богаты промысловым зверем хвойно-широколиственные леса. В них водятся изюбр, пятнистый олень, кабан, тигр, черный медведь, колонок, соболь, белка, дальневосточный лесной кот, леопард и харза. В лесостепях низовьев Приамурья встречаются длиннохвостый суслик, маньчжурский заяц, солонгой, степной хорек, енотовидная собака, лисица, волк, косуля, фазан и дрофа.

В озерах и реках нижнего бассейна Амура насчитывается свыше 100 видов рыб. Промысловое значение имеют осетр, калуга, амур, амурская щука, сом, верхогляд, налим, сазан, карась, хариус, ленок, таймень и из проходных — горбуша и кета [34, 7—8; 68, с. 93—170; 107, с. 40—45].

Рассмотрев особенности современной природы Приамурья, необходимо отметить, что она в течение четвертичного периода испытывала направленные ритмические изменения, характеризующиеся существенным местным своеобразием. Растительный и животный мир сохранял здесь на протяжении всего четвертичного периода много реликтовых черт, которые ярко прослеживаются как в растительном, так и в животном мире. Такое своеобразие по сравнению с прилегающими районами, как предполагает большинство исследователей, связано с покровным оледенением северо-запада Евразии и отсутствием его на Дальнем Востоке [102, с. 70—80; 69, с. 200—267; 31, с. 79—80; 5, с. 33—39].

Формирование флоры и фауны, типичной для настоящего времени, происходит в голоцене — современном геологическом периоде.

Начало голоцена было связано с потеплением климата, происшедшим после деградации последнего верхнеплейстоценового оледенения. К началу голоцена была восстановлена широтная зональность растительного покрова, нарушенная сартанским оледенением. В оптимальную климатичес-

кую фазу голоцена на территории Сибири широко распространилась лесная растительность, которая продвигалась к северу от современной границы лесной зоны на 150—300 км. И, наконец, в позднем голоцене растительный покров сформировался в его современных границах.

Изучая растительность Северной Азии в голоцене, Е.В. Коренева пришла к заключению, что климатические условия раннего голоцена, судя по составу растительности, были близки к современным. К этому времени лесная растительность занимала значительные территории. На Дальнем Востоке в депрессиях рельефа росли в основном березовые и ольховые леса. Склоны гор были покрыты хвойными лесами. В наиболее благоприятных местообитаниях появилась небольшая примесь широколиственных пород — дуба и вяза.

В раннем голоцене юго-западное Приамурье характеризуется распространением в долинах ольховых и березовых лесов, нижнее и среднее течение Амура — березовых лесов с небольшой примесью широколиственных пород. В среднем течении преобладали березовые и кедровые леса.

В среднем голоцене (его продолжительность более 5 тыс. лет) климатические условия были наиболее благоприятными для растительности. Сопоставление растительности среднего голоцена с современной показывает, что в оптимум голоцена граница лесной зоны и лесотундры находилась севернее современной на 250—300 км. В этот период в юго-западном Приамурье произрастали мелколиственные и хвойные леса, в наиболее благоприятных местообитаниях встречаются широколиственные. Для нижнего и среднего течения Амура характерны смешанные леса с небольшой примесью различных широколиственных пород.

После фазы климатического оптимума голоцена вновь произошло значительное похолодание, приведшее к увеличению площадей, занятых тундровой растительностью, и отступлению границ леса к югу, к сокращению ареалов широколиственных пород, понижению границы леса в горах. В этот период растительность сформировалась в ее современных границах [13, с. 230—237]. К близким выводам относительно формирования лесов в голоцене пришли М.И. Нейштадт [66, с. 371—374] и В.В. Никольская [67, с. 73—77; 70, с. 17—18]. М.И. Нейштадт, рассматривая историю лесов в голоцене, вывел последовательность развития лесов в Приамурье и установил четыре фазы [66, с. 385—388]:

мелколистных лесов и кустарников (береза, ольха);

смешанных мелко-широколиственных лесов (береза и вяз);

широколиственных лесов (монгольский дуб);
хвойно-широколиственных лесов (корейский кедр и монгольский дуб).

Необходимо отметить, что на протяжении всего периода развития растительности сохранялись и реликтовые растения: маньчжурский орех, бархатное дерево, дикий виноград и др.

Животный мир в голоцене формируется, за небольшим исключением, из представителей плейстоценовой фауны. Это различные хищные (волк, медведь, росомаха, тигр), непарнокопытные (лошадь), парнокопытные — косуля, олень, изюбр, лось.

Проведенные Н.Д. Оводовым исследования пещер Приморья позволили достаточно полно восстановить видовое разнообразие позднечетвертичной фауны, включавшей тех животных, которые и в настоящее время распространены в восточно-сибирской тайге: бурый медведь, росомаха, рысь, благородный олень, лось, тигр, снотовидная собака, барс, пятнистый олень, горал [71, с. 157—177].

В верховьях Амура и в Приононье совершенно иная климатическая ситуация. В сартанское время здесь были безлесные пространства типа пригляциальной полупустыни. Растительный покров состоял почти исключительно из ксерофитов — полыни, лебедовых, эфедры. Отличительной особенностью фауны западного Приаргуны в сартанский период являлось отсутствие арктических и высокобореальных видов. Полностью отсутствовали здесь лесные виды. На археологических стоянках обнаружены костные останки шерстистого носорога, кулана, лошади. Значительно реже встречаются кости дзерена, северного оленя, мамонта, верблюда, барана. Фауну этого района можно охарактеризовать как типичную для холодных полупустынь, где отмечается обилие сухолюбивых видов млекопитающих, приспособленных к резко выраженным континентальным условиям, — очень суровым холодным зимам с чрезвычайно скудным снежным покровом и жаркому лету [93, с. 240, 256; 91, с. 57—58].

В первой половине IV тыс. до н.э. в Приононье сохранялись степные пространства с видами животных, характерными для конца плейстоцена. В конце IV тыс. — начале III тыс. до н.э. происходило некоторое увлажнение климата. Шире распространялись лесные массивы с преобладанием сосны и березы. В приречной части встречались ольха и ива, но большую часть Аргуно-Шилкинского бассейна по-прежнему занимали степи с преобладанием различных видов полыни и лебеды. Анализ фаунистических остатков подтверждает наличие здесь степных и лесостепных ландшафтов. Видовой состав фауны был гораздо богаче, чем в предыду-

щем периоде, и включал таких животных, как кулан, лошадь, зубр, олень северный, олень благородный, лось, сайга, косуля, кабан, заяц, собака, барсук, хорь. По-прежнему, как и в предшествующий период, преобладала фауна открытых ландшафтов, но разнообразнее было сочетание степных и лесных видов. Конец III тыс. — начало II тыс. до н.э. характеризуется климатическими колебаниями: сравнительно влажные периоды чередуются с более засушливыми, однако в целом серьезных климатических изменений не наблюдается. В конце II тыс. до н.э. происходит некоторое похолодание и климат приближается к современному [91, с. 141, 149, 161—162].

В целом климат Приамурья в конце плейстоцена был близок к современному. Климатические колебания в голоцене определяющей роли в формировании современной флоры и фауны не сыграли. То же можно сказать о сопредельных районах Якутии [64, с. 241—242; 12].

Подводя итог характеристике природных условий Приамурья в голоцене, необходимо отметить, что климатические условия наложили отпечаток на хозяйственную деятельность древнего человека, а через них — и на формирование материальной и духовной культуры. Это прослеживается по наскальным рисункам Приамурья. Если в плейстоцене основным объектом писаниц были крупные промысловые животные и животные, ведущие стадный образ жизни (носорог, бизон, лошадь и т.д.), то в раннем голоцене с изменением климатических условий меняются и сюжеты наскального искусства. Появляются изображения современной голоценовой фауны и выходит на арену сам человек с духами-помощниками в зооморфном, зооантропоморфном и птицеобразном обликах.

В среднем голоцене при благоприятных климатических условиях в наскальных рисунках Приамурья четко прослеживаются две тенденции, которые впоследствии более четко оформляются и выделяются в самостоятельные историко-культурные общности "степняков" и "таежников".

Г л а в а II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСАНИЦ

В таежной зоне Приамурья и Восточного Забайкалья (бассейны Ингоды, Шилки, Амура, Зеи и Олёкмы) известны 52 памятника древнего наскального искусства (рис. 1). Мес-

торасположение памятников и рисунки нами уже описаны [42—56; 87]. Остановимся сейчас на стилистических особенностях изображений.

Часто встречающиеся антропоморфные фигурки выполнены так: голова, шея и туловище у них переданы вертикальной сплошной линией, ноги расставлены, руки приподняты. При описании будем указывать, что они выполнены в традиционной манере. Отклонения от этой традиции будем отмечать.

Титовская сопка. Памятник открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым вблизи г. Читы у мясокомбината. Рисунки, представленные точками, аморфными пятнами, ломаными линиями, антропоморфными изображениями, нанесены на отвесные скалы красной охрой. Памятник не датирован. В настоящее время не существует — разрушен карьерной выработкой [81, с. 44].

Сохатинный камень. Открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым в юго-западной оконечности Титовской сопки, над Ингодой у г. Читы. Красной охрой на отвесных скалах изображены антропоморфные фигурки, точки, черточки, крестики и аморфные пятна. Писаница не датирована. В настоящее время изображения утрачены из-за надписей туристов и маркировки плоскостей гидрологами [81, с. 44—45].

Бутиха. Памятник открыт в 1957 г. жителем пос. Верхняя Хила И.Р. Рязанцевым в Шилкинском районе Читинской области, в вершине первого левого распадка ключа Попова (левый приток р. Оли), в 1959 г. обследован М.И. Рижским. По материалам М.И. Рижского часть рисунков опубликована А.П. Окладниковым [81, с. 50, 51]. Писаница не датирована. В 1984 г. памятник исследован автором. Расположен он на восьмиметровом скальном гранитном обнажении серого цвета (рис. 2). На двух плоскостях темно-красной охрой изображены изюбры, кабаны, антропоморфная фигура с луком, изгородь из вертикальных сплошных линий, красочные аморфные пятна, схематические изображения птиц (рис. 3).

Изображения изюбров выполнены двумя стилистическими манерами. Одно животное показано в движении (рис. 4). У него чуть приподнятая эллипсовидная голова, намечена холка, спина с небольшой горбинкой. Круп и задние ноги описаны дугообразной линией, грудина приопущена, живот подтянут, ноги раскинуты в стороны. Профильное изображение по контуру залито охрой [56, табл. 1, б]. Другое животное показано в статике, строго в профиль (рис. 5). У него клинообразная заovalенная голова с четко характерными для изюбров ветвистыми рогами. Четко очерчены ухо, тонкая шея, крутая холка и прямая спина, круп

описан под прямым углом. Грудина и брюхо чуть провисают, прямые ноги слегка расширяются к копытам. По контуру изображение залито охрой. Ветвистые рога и тонкая шея характерны для изюбра весной или ранним летом: в августе изюбр накачивает шею и в сентябре, ко времени гона, она у него делается мощной и толстой [56, табл. 2, 17].

Кабаны с клинообразными головами, небольшими подтреугольными ушами. Верхние части туловища выпуклые. У двух брюшины приопущены, у третьего она подтянута. Ноги (они показаны по две) прямые, чуть расставленные. Профильные изображения по контуру залиты охрой [56, табл. 2, 18, 19, 21].

Изображение лучника довольно реалистично. Он повернут спиной к зрителю. Голова его овальная, туловище от плеч и поясу сужено, левая нога прямая, правая согнута в коленном суставе. В правой руке он держит слегка изогнутый лук, левая не видна, но, судя по вставленной в лук стреле, он натягивает тетиву [56, табл. 2, 18].

Особого внимания заслуживают изображения птиц. У них тяжелые овальные головы, длинные шеи и небольшие клиновидные крылья [56, табл. 1, 8; 3, 1]. Подобные изображения встречаются в шаманской атрибутике эвенков-орочонов и символизируют вместилище шаманской души [53, табл. 15, 8, 9].

Кара. Памятник открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым (в отчете указано только его месторасположение), в 1984 г. исследован автором. Расположен он в Стретенском районе Читинской области по левому берегу р. Кары (левый приток Шилки), в 10 км от ее устья, на 10-метровом гранитном останце серого цвета (рис. 6). Рисунки, выполненные сплошными линиями вишневой охрой, нанесены на четырех плоскостях. Изображены антропоморфные, зооантропоморфные и змееобразные фигуры, округлые пятна, расположенные строчками и сплошными линиями [56, табл. 6; 7 (I—III)].

Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере с выставленными вперед руками и фаллосом. Зооантропоморфные существа изображены в сходной манере, их звериные головки имеют клиновидные очертания. Особый интерес представляет сцена, где мифическое змееобразное существо с повисшим хвостом лежит на головах трех антропоморфных фигурок. Первая фигурка без рук с расставленными ногами, вторая — с выставленными вперед сведенными руками и ногами, третья — с выставленными вперед руками и расставленными ногами [56, табл. 6, 12].

Джалинда. Первые сведения о памятнике получены в 1954 г. от бакенщика М.Б. Иванова, жившего на скале "По-

лосатик" выше пос. Усть-Карска по р. Шилке. В том же году по поручению А.П. Окладникова памятник обследован Ю.А. Завитухиным, а в 1968 г. — автором. Расположен в Стретенском районе Читинской области в распадке р. Бечиги (левый приток Джалинды) на 8-метровом сером гранитном останце. Здесь на одной плоскости нанесены схематически антропоморфные фигурки, изображения животных, крестообразные знаки, вертикально расположенные линии; у некоторых линий на концах трезубцы [87, табл. 62].

Животные изображены в двух стилистических манерах. У одних головы, шеи, туловища очерчены изогнутой вверх линией, ноги подрисованы вертикальными мазками (в некоторых случаях добавлялись ветвистые рога или клиновидные уши). У других подпрямоугольное туловище описано контурной линией, небольшая голова на длинной шее приопущена, ноги переданы вертикальными мазками.

Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере. У одной к руке подрисована вертикальная линия. У трех имеются головные уборы в виде шапки-ушанки, рогатой короны и гриба.

Средне-Шайкино. Памятник открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым (в отчете имеется лишь описание местонахождения), в 1983 г. обследован автором. Расположен в Могочинском районе Читинской области на 162-м км створного знака по р. Шилке, на 200 м ниже устья р. Средне-Шайкино. Рисунки размещены на отвесных гранитных скалах серого цвета (рис. 7) на десяти плоскостях. Судя по оттенкам охры и стилистическим особенностям рисунков памятник разновременный. Здесь выделяются два стилистико-тематических пласта.

К первой группе нами отнесены выполненные бордовой охрой сплошные линии, пятна, изображения козла, двух лошадей и животных без видовых признаков [56, табл. 7 (IV); 10 (II—III); 12 (II)]. Козел изображен в движении. У него округлая голова с саблеобразным рогом, выделена шея, холка и спина показаны одним прямым начертанием, круп заovalен. Брюшина чуть провисает, передняя нога подана вперед, задняя отброшена. Изображение нанесено как бы одним взмахом руки. Художнику пришлось сделать второй мазок лишь для того, чтобы добавить рог. У лошадей приподнятые массивные головы, морды заovalены, верхняя часть туловища прямая, брюшины приопущены, ноги расставлены, хвосты отброшены назад. Головы и шеи животных по контуру залиты краской. Туловища обозначены по контуру. Фигуры показаны в профиль.

Изображения животных неопределенного вида расположены по вертикали, головой вверх и вниз, под углом.

Древний человек наносил изображения в два приема: вначале очерчивал голову и туловище, затем подрисовывал ноги. Параболоидные головы приопущены, уши и рога не показаны, туловища длинные и массивные, ноги непропорционально короткие. У одной фигуры на конце морды имеется подтреугольный выступ.

Рисунки второго стилистико-тематического пласта нанесены светло-красной охрой. Изображены пятна, сплошные линии, переплетения сплошных линий, окружности, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере. Некоторые из них с округлыми головками, рожками на голове или без рук. Личины овальных очертаний с двумя глазами, ртом и носом. У животных голова, шея, холка, спина и хвост очерчены одной выпукло-изогнутой линией, ноги обозначены вертикальными мазками [56, табл. 7 (IV), рис. 2; 9 (I—IV); 10 (I)].

Бараун Чулутай. Памятник открыт в 1950 г. и частично обработан А.П. Окладниковым [81, с. 45—47]. В 1984 г. автором были уточнены и досняты наскальные рисунки и обнаружен жертвенник. Писаница расположена в Агинском районе Агинского Бурятского автономного округа Читинской области на левом берегу р. Бараун Чулутай в 12 км от пос. Судунтуй. Рисунки нанесены на гранитном останце 15-метровой высоты (рис. 8) сплошными линиями и заливкой по контуру вишневой, светло-красной и темно-бордовой охрой. На 15 плоскостях нанесены изображения животных, антропо-, зоо- и зооантропоморфных фигур, Х-образные знаки, точки, сплошные линии, птицы и скопления округлых пятен [56, табл. 17—19]. Несмотря на разные оттенки охры, по стилистико-тематическим особенностям петроглифы отнесены к одному хронологическому этапу.

Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере, объемно, расположены в фас и профиль. У многих головки округлых очертаний с рожками. Встречаются изображения без рук.

Для изображений животных характерны три стилистические манеры. В одних случаях головы, шеи, туловища и хвосты очерчены прогнутой сплошной линией, ноги обозначены вертикальными мазками. В других головы, шеи и туловища имеют эллипсовидное начертание, на задней ноге подчеркнут коленный сустав, передняя намечена вертикальным мазком, по шее и туловищу подрисованы вертикальные линии. Третий вариант: животные изображены в реалистической манере. У них клиновидные головки, два уха, верхняя часть шеи, холка и спина показаны прямой линией, намечен хвост, брюшина подтянута, ноги расставлены. По контуру изображения залиты краской или заштрихованы

вертикальными сплошными линиями. Все изображения профильные.

Зооморфные существа с непомерно вытянутыми шеями и длинными хвостами, у них головы, шеи, туловища и хвосты очерчены изогнутыми сплошными линиями, ноги переданы вертикальными мазками. По своему внешнему облику эти существа напоминают земноводных.

Кирочи. Памятник открыт в 1967 г. И.И. Кирилловым в Шилкинском районе Читинской области на правом берегу р. Онон в 1,5 км выше с. Кирочи на лобовой части грота. Красной охрой нанесены антропоморфные изображения и группы округлых пятен. По фотографиям И.И. Кириллова материалы памятника опубликованы А.П. Окладниковым. Памятник не датирован [81, с. 78]. При попытке обследования писаницы в 1983 г. автором выяснилось, что грот с наскальными рисунками взорван.

Токтуй. Памятник открыт А.П. Окладниковым. По его сведениям, расположен севернее поселка колхоза Ахтогочан Оловянинского района Агинского Бурятского автономного округа Читинской области. В 1983—1984 гг. была сделана попытка отыскать местонахождение памятника. Выяснилось, что Оловянинский район никогда не входил в Агинский национальный округ, а пос. Ахтогочан не существовал. Во время революции была Ахтогочанская партизанская коммуна в Борзинском районе Читинской области. Опубликованные А.П. Окладниковым рисунки представлены антропоморфными фигурками и ломаными линиями. По антропоморфным фигуркам с рожками петроглифы датированы эпохой бронзы [81, с. 47, 48].

Чандайча. Памятник открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области на 155-м км по трассе Александровский завод — Нерчинский завод в устье распадка Чандайча. Рисунки нанесены на лобовой Известняковый останец у самой вершины сопки на семи небольших плоскостях сплошными линиями коричневой охрой. Изображены пятна, линии, антропоморфные фигурки в традиционной манере и животные, у которых шеи, туловища и хвосты описаны выпукло-изогнутой линией, головы и ноги подрисованы вертикальными мазками [56, табл. II (II—IV); 12 (I)].

Доно. Памятник открыт в 1983 г. автором в Нерчинско-Заводском районе Читинской области на 95-м км по трассе Нерчинский Завод — Александровский Завод на лобовом останце в вершине сопки по правому берегу р. Доновской Борзи. Местность называют Доно. Эвенки-орочоны так именуют духов и божеств, ранее враждебных, но покоренных шаманом и ставших его помощниками. У входа в грот

бордовой охрой нанесены аморфные пятна, сплошные линии и личина овальных очертаний с двумя глазами, носом и ртом [56, табл. 20 (I)].

Копчинский. Памятник открыт в 1984 г. автором в Борзинском районе Читинской области у с. Цаган-Олуй по левую сторону устья распадка Копчинский на лобовом гранитном останце. На четырех плоскостях вишневой охрой нанесены изображения антропоморфных фигурок. Выполненные в традиционной манере, они расположены поодиночке и цепочками [56, табл. 20 (II—V)].

Кончил. Памятник открыт в 1984 г. автором в Борзинском районе Читинской области на 20-м км по трассе Кондуй — Цаган-Олуй в распадке Кончил на двух гранитных останцах высотой 6 и 7 м (рис. 9). Здесь на 19 плоскостях сплошными линиями светло-красной, ярко-красной, бордовой и малинового оттенка охрой изображены антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, расположенные цепочками, группами и поодиночке, Х-образные знаки, пятна и сплошные линии [56, табл. 21—24; рис. 10].

Кондуй 16 км. Памятник открыт в 1984 г. автором в Борзинском районе Читинской области в устье небольшого безымянного распадка на 16-м км по трассе Кондуй — Цаган-Олуй. Писаницы обнаружены в двух пунктах: на обнажениях в овраге и на скале (рис. 11—13). Судя по стилистическим особенностям и цвету краски рисунки разновременные. Изображения в овраге нанесены светло-красной охрой. Это точки, сплошные линии, солярные знаки, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, и животные с высоко поднятыми овальными головами [56, табл. 29, 30].

Рисунки второго пункта расположены на пяти плоскостях в 100 м северо-западнее первого скопления, нанесены сплошными линиями красной охрой. Здесь изображены пятна, линии, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере (у одной головка овальная) и животные, у которых голова, шея, туловище и задняя нога переданы одним клиновидным начертанием, передняя нога подрисована мазком [56, табл. 31 (I—IV); 32].

Цорон I. Памятник открыт в 1984 г. автором в Борзинском районе Читинской области по правую сторону распадка Цорон, в 6,5 км от его устья на 12-метровом гранитном останце (рис. 14). Своим устьем распадок выходит на 9-й км трассы Кондуй — Цаган-Олуй. Писаница нанесена на одной плоскости с юго-западной стороны скалы на высоте 2 м. Красной охрой изображены округлые пятна,

одна небольшая полоска, извилистая линия и безрукая антропоморфная фигурка [56, табл. 31 (V)].

Цорон II. Памятник открыт в 1984 г. автором по соседству с памятником Цорон I, также по левую сторону распадка Цорон в 6,5 км от его устья, на 4-метровом гранитном останце (рис. 15). Здесь на одной плоскости нанесены сплошными линиями светло-красной охрой овальные пятна, вертикальная полоса и антропоморфная фигурка в традиционной манере [56, табл. 31 (VI)].

Цорон III. Открыт в 1984 г. автором в Борзинском районе Читинской области по левую сторону распадка Цорон в 5 км от его устья на гранитном 8-метровом останце, стоящем на лобном месте сопки (рис. 16). На 16 плоскостях ярко-красной охрой изображены скопления и цепочки округлых пятен, сплошные линии, подковообразные фигурки, антропоморфные изображения, выполненные в традиционной манере, расположенные поодиночке и рядами, и животные [56, табл. 34—37; 38 (I—VI); 39].

Усть-Цорон. Открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым, частично опубликован. Памятник не датирован [81, с. 48—50]. В 1983 г. обследован автором. Расположен в Борзинском районе Читинской области с левой стороны распадка Цорон, в самом его устье, на гранитном обнажении террасы (рис. 17). Петроглифы нанесены на 20 плоскостях. Из-за обвала скалы много рисунков погибло. По стилистико-тематическим особенностям изображений можно выделить три хронологических пласта.

К наиболее древнему хронологическому пласту усть-цоронских петроглифов отнесены изображения трех лосей на седьмой плоскости (рис. 18), выполненные вишневой и бордовой охрой. По манере написания они схожи, но цвет краски и техника указывают на то, что нарисованы они разными художниками. У лосей подчеркнуты характерные для этих животных признаки: отвислая верхняя губа, приподнятая холка, приопущенная грудина, но такая существенная деталь, как подшейный клочок, не указана [56, табл. 43, 4, 17, 18].

Второй хронологический пласт составляют округлые пятна, сплошные линии, переплетение сплошных линий, окружности, Х-образные знаки и антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере — некоторые из них со звериными головками и рожками на голове. У двух фигурок к рукам подрисованы округлые предметы; есть изображения и без рук [56, табл. 41 (II); 42 (I, IV); 43, 1—3, 5—16, 19; 44 (III—V); 45 (II—IV); 46].

Наскальные изображения третьего хронологического пласта представлены пятнами, сплошными линиями, прямо-

угольными и округлыми начертаниями, Х-образными знаками и антропоморфными фигурками, выполненными в традиционной манере; у многих из них к рукам подрисованы вертикальные линии, напоминающие луки. Имеются изображения антропоморфных фигурок с эллипсоидными туловищами и округлыми головами, некоторые из них без рук [56, табл. 41 (I); 42 (III); 44 (I, II, VI); 45 (I, V)].

Бараун Кондуй I. Памятник открыт в 1983 г. автором в Борзинском районе Читинской области по левую сторону распадка Бараун Кондуй, в 8 км от его устья, на гранитном останце серого цвета — лобовом камне сопки (рис. 19). Рисунки нанесены на шести плоскостях коричневой охрой. Это изображения пятен, линий, Х-образных знаков и антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере, расположенных поодиночке и цепочками, у некоторых из них имеются рожки на головах и руки с трехпалыми кистями [56, табл. 47 (IV—VI); 48 (I—III)].

Бараун Кондуй II. Открыт в 1983 г. автором в Борзинском районе Читинской области по левую сторону распадка Бараун Кондуй, в 4 км от его устья. Рисунки сосредоточены в двух пунктах: на гранитном лобовом останце сопки и на останце по ее хребту (рис. 20).

В первом пункте на одной плоскости с западной стороны скалы на высоте 0,5 м сплошными линиями светло-красной охрой нанесены антропоморфные фигурки, животные и знак, напоминающий цифру 1. Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере, расположены поодиночке и цепочками, у некоторых крылообразные руки. У животных головы, шеи, туловища и хвосты нанесены выпукло-изогнутой линией, ноги подрисованы вертикальными мазками [56, табл. 49 (I—II)].

Второй пункт с рисунками расположен на расстоянии 200 м от первого по хребту сопки. Здесь изображены антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, и животное, у которого голова, шея и туловище очерчены удлинненно-треугольным клином. Ухо и небольшие ножки подрисованы овальными мазками [56, табл. 47 (II—III)].

Усть-Бараун Кондуй. Памятник открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым в Борзинском районе Читинской области с левой стороны распадка Бараун Кондуй в самом его устье, на обнаженных плоскостях сопки. Здесь изображены аморфные пятна, черточки, сплетения ломаных линий и животные. Рисунки нанесены красной охрой, не датированы [81, с. 48] . При обследовании этой местности в 1983 г. петроглифов не оказалось, скалу взорвали на камень.

Могойтуй. Памятник открыт в 1984 г. автором в Приаргунском районе Читинской области с левой стороны распад-

ка Могойтуй в самом его устье на гранитных обнаженных плоскостях сопки (рис. 21). Рисунки нанесены на восьми плоскостях темно-красной и бордовой охрой. По стилистическим особенностям и цвету краски делятся на две хронологические группы.

К первой группе отнесены аморфные пятна и антропоморфные фигурки, выполненные бордовой охрой. Антропоморфные фигурки с крылеобразными руками, полукруглыми головами; у них подчеркнуты плечи, ноги расставлены, фаллосы преувеличены. У одной фигурки (рис. 22) валенкообразные ноги и от головы отходят девять лучей [56, табл. 50 (I, III)].

Рисунки второй группы нанесены темно-красной охрой. Это округлые пятна, линии, змееобразное существо с открытой пастью, антропоморфные фигурки, изображенные в традиционной манере, и животные, у которых головы, шеи, туловища и задние ноги описаны дугообразной линией, а передние ноги подставлены вертикальными мазками [56, табл. 48 (IV—VIII); 50 (II, IV)].

Мехачиниха. Памятник расположен в Приаргунском районе Читинской области в трех верстах севернее Коноваловки, с левой стороны распадка Мехачиниха, открыт и исследован А.К. Кузнецовым. Красной охрой нанесены округлые пятна и ряд антропоморфных фигурок, животные [38, с. 55, 56]. По публикации А.К. Кузнецова рисунки были вторично опубликованы А.П. Окладниковым [81, с. 50]. Памятник не датирован. Во время обследования автором в 1983 г. петроглифов не оказалось — скала взорвана местным населением на камень.

Калашниково. Памятник открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области в устье распадка Калашниково, с левой стороны, на четырех обнаженных плоскостях сопки (рис. 23). Светло-красной охрой нанесены округлые пятна, сплошные линии, птицы и антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере. У одной фигурки (рис. 24) округлая голова образована контурной линией [56, табл. 50 (VI); 51 (I—II)].

Малый Улистай. Открыт в 1984 г. автором в Приаргунском районе Читинской области с левой стороны в устье распадка Малый Улистай на обнажениях сопки (рис. 25). Рисунки выполнены на пяти плоскостях сплошными линиями. Судя по цвету охры и стилистическим особенностям нанесения рисунков памятник разновременный. К первому хронологическому пласту отнесены округлые пятна, мазки и антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, расположенные поодиночке и парами. Все они в

состоянии движения. У некоторых головки округлых очертаний [56, табл. 51 (III—IV)].

Второй хронологический пласт наскальных изображений составляют систематизированные ряды округлых пятен и антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, расположенные поодиночке, группами и цепочками (рис. 26). Специфическая деталь всех антропоморфных фигурок этой группы — крылообразные руки [56, табл. 52 (I—II)].

Маргуцек. Открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области на лобовом останце сопки (рис. 27) по левому берегу р. Урулюнгуй, около водонапорной станции, в 5 км выше пос. Маргуцек. Рисунки нанесены на восьми плоскостях сплошными линиями светло-красной охрой. Изображены Х-образные знаки, сплошные линии, пятна, нанесенные скоплениями, строчками и рядами, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, расположенные поодиночке, группами, цепочками, и животные, у которых голова, шея и задняя нога переданы дугообразным начертанием, а передняя нога — вертикальным мазком [56, табл. 54—56; 57 (I)].

Урулюнгуй I. Памятник открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области по левую сторону р. Урулюнгуйчик, в 1 км выше пос. Урулюнгуй, на скальных обнажениях сопки (рис. 28). На трех плоскостях светло-красной охрой изображены группы и строчки округлых пятен, оградки с вписанными по контуру антропоморфными фигурками, змееобразные существа. Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере (многие с фаллосами) и расположены поодиночке и цепочками; птицы и животные стилизованы сплошными линиями [56, табл. 57 (II); 59; 60 (II—IV)].

Урулюнгуй II. Памятник открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области в 2 км выше пос. Урулюнгуй на 8-метровом останце. Сплошными линиями красной охрой изображены антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, расположенные поодиночке и рядами, у некоторых из них крылообразные руки [56, табл. 60 (I); 61 (I)].

Урулюнгуй III. Открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области выше пос. Урулюнгуй, по правому берегу р. Урулюнгуйчик на 5-метровом гранитном останце. Рисунки нанесены на одну плоскость на высоте 1,5 м сплошными линиями светло-красной охрой. В традиционной манере изображены антропоморфные фигурки, стоящие друг за другом с небольшим интервалом. У всех, за исключением одной фигурки, показан фаллос [56, табл. 61 (II)].

Нортуй I. Памятник открыт в 1984 г. автором. Расположен в Приаргунском районе Читинской области по левому берегу ключа Нортуй на обнаженных плоскостях сопки в 2 км от вершины (рис. 29). На одной плоскости обнаружено несколько композиций. Сплошными линиями ярко-красной охрой изображены выполненные в традиционной манере антропоморфные фигурки (многие с фаллосами), расположенные цепочками, строчки округлых линий, сплошные пятна и животные, у которых головы, шеи, туловища и хвосты прорисованы заovalенной линией, а ноги — вертикальными мазками [56, табл. 57 (III—IV); 62].

Нортуй II. Открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области на обнаженных плоскостях сопки, с левой стороны устья распадка Нортуй (рис. 30). Рисунки нанесены на трех плоскостях сплошными линиями красной охрой. Изображены антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере (некоторые с крыльеобразными руками), крестовидные знаки, пятна, расположенные строчками и скоплениями [56, табл. 60 (I); 63 (I—II)].

Казачий I. Открыт в 1983 г. автором. Расположен в Приаргунском районе Читинской области на перевале между ключами Дровяным и Казачьим, на 8-метровом гранитном останце. На одной плоскости сплошными линиями светло-красной охрой на высоте 1 м с юго-восточной стороны скалы нанесены антропоморфные фигурки, клинообразный знак и два округлых пятна [56, табл. 64 (I)]. Антропоморфные фигурки с округлыми головами, перечерчены крестовидными начертаниями. Шеи и туловища обозначены сплошными вертикальными линиями, ноги расставлены, руки не прорисованы.

Казачий II. Открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области на перевале между ключами Дровяным и Казачьим, на 6-метровом останце, в 300 м к северо-востоку от памятника Казачий I. На одной плоскости темно-красной охрой изображены солярный знак, антропоморфная фигурка, выполненная в традиционной манере, и семь вертикальных сплошных линий [56, табл. 64 (II)].

Казачий III. Открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области на 12-метровом останце при слиянии ключей Казачьего и Безымянного. Рисунки нанесены на пяти плоскостях сплошными линиями темно-красной охрой. Изображены антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, нанесенные поодиночке и цепочками, строчки округлых пятен [56, табл. 65].

Казачий IV. Открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области на 7-метровом гранитном останце (рис. 31) по левому берегу ключа Казачьего, ниже его слия-

ния с Безымянным. Светло-красной охрой с западной стороны скалы на высоте 2 м нанесены ряд округлых пятен и две антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере.

Бырка. Памятник открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области в 6 км от пос. Бырка, на перевале между ключами Ноготуй и Дровяным (рис. 32, 33). Рисунки нанесены на северной части гранитного останца, стоящего вертикально на вершине перевала. Длина останца около 200 м, ширина до 15, высота 30 м. Ориентирован он с севера на юг. С северо-восточной стороны останца имеются площадки, удобные для обитания человека. На памятнике обнаружено 20 плоскостей с изображениями. По стилистическим особенностям и цвету краски быркинские петроглифы можно разделить на шесть стилистико-хронологических групп.

К первой группе — наиболее древних — отнесены профильные изображения бизонов на 4-й и 20-й плоскостях. В способе их нанесения прослеживаются три стилистические манеры. 1. Животное изображено тремя начертаниями. Вначале круто очерчивали рог, верхнюю часть головы, шеи, холку, спину и хвост. Затем одной линией изображали морду, нижнюю часть шеи, грудь, брюшную часть, круп. Прорисовка силуэта завершалась двумя мазками, обозначавшими прямые ноги (рис. 34) [56, табл. 72, 17, 18, 23, 24, 26, 27, 29, 31]. 2. Голова, туловище и хвост животного очерчены одним взмахом руки, а затем добавлены ноги и рог (рис. 34) [56, табл. 72, 30]. 3. Голова и шея описаны в виде закругляющегося клина. Холка слегка приподнята, спина с небольшим изгибом, круп овальный. Грудина приопущена, брюхо подтянуто. Короткий хвост нанесен прямой линией. Длинный рог на конце заострен. Ноги лишь намечены (рис. 35) [56, табл. 67 (I—II)].

Ко второй группе рисунков отнесены два изображения носорогов. От одного сохранилась только задняя часть туловища с хвостом и ногой. Второе изображение (рис. 36) хорошей сохранности. Животное показано в профиль, у него массивное туловище, высокая холка, короткая шея. Небольшим утолщением выделена длинная голова с клинообразным рогом, который как бы пронизывает изогнутую линию с пятью отростками. Сверху у носорога обозначен еще один рог [56, табл. 72, 74].

К третьей группе рисунков на быркинских петроглифах отнесены округлые пятна, круги, вертикальные сплошные линии, изображение оленя [56, табл. 72, 4, 6 — 10, 12, 13, 15, 16, 19, 20, 25, 28, 32, 33, 36: 71]. У оленя (рис. 37) высоко поднятая голова, вставистые длинные рога, почти

прямоугольное вытянутое туловище, расставленные короткие ноги. По контуру это профильное изображение залито охрой [56, табл. 72, 32].

Четвертая группа рисунков расположена на 20-й плоскости быркинского памятника [56, табл. 72, 1—3, 5, 11, 34]. Контуры тел животных очерчены сплошными линиями. У них параболические головы, туловища почти прямоугольные, чуть закругленные, уши обозначены небольшими треугольными выступами. Зооантропоморфные и антропоморфные фигурки, преследующие животных, нанесены сплошными линиями и выполнены в традиционной манере. Изображения окружены красочными пятнами и линиями.

Пятая группа рисунков — это сплошные линии, аморфные пятна с отростками, окружности, антропоморфные фигурки, выполненные в профиль, и животные с параболоидными головами, массивными туловищами, прорисованные как бы одним взмахом руки [56, табл. 69 (I); 70 (I)].

Шестая группа рисунков (рис. 34, 38) включает аморфные пятна, сплошные линии, окружности, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере (некоторые без рук), стилизованные изображения птиц и животных [56, табл. 66, 67 (IV—VI); 68; 69 (II—IV)].

Дровяной. Памятник открыт в 1983 г. автором в Приаргунском районе Читинской области на среднем останце по левую сторону ключа Дровяного. Рисунки нанесены на одной плоскости сплошными линиями желтоватой охрой. Это пять антропоморфных фигурок, выполненных в традиционной манере. Три средние соединены между собой в области рук. Между головами фигурок изображены четыре округлых пятна, выше — две наклонные линии [56, табл. 70 (II)].

Онёни. Первые сообщения об этом памятнике получены от эвенков пос. Бомнак В.Е. Евдокимовым в 1959 г. [30, с. 75]. В 1964 г. памятник отыскал и исследовал автор данной работы. Писаница расположена в Зейском районе Амурской области по правому берегу р. Онёни, в 70 км от ее впадения в Зею, на 20-метровом гранитном останце. На семи плоскостях красной охрой нанесены пятна, мазки, переплетения сплошных линий, изображения животных, антропо- и зооантропоморфные фигурки.

Животные изображены в одной стилистической манере. У них головы, шеи и туловища переданы как бы одним взмахом кисти, ноги — вертикальными линиями, уши — небольшими подтреугольными мазками. Головы у животных параболоидные или клиновидные [45, табл. 44—46].

У зооантропоморфного существа стилизованная звериная головка с двумя выставленными вперед рогами или ушами.

Шея и туловище слегка изогнуты, ноги расставлены, руки поданы вперед. На груди виден Т-образный знак. Фигура изображена в профиль [87, табл. 44 (I)].

Антропоморфные фигурки четырех разновидностей. 1. В традиционной манере, руки расположены под разным углом. 2. Эллипсовидные голова и туловище очерчены по контуру, ноги расставлены, руки не намечены, подчеркнут фаллос [87, табл. 46 (I)]. 3. Округлая голова и эллипсовидное туловище рассечены вертикальной линией, трехпалые руки расставлены, ноги не обозначены [87, табл. 44 (II)]. 4. Округлая голова с отходящими от нее лучами залита по контуру, шея и грудная клетка очерчены по контуру, руки с трехпалыми кистями расставлены, маленькие кривые ноги разбросаны, подчеркнут фаллос [87, табл. 44 (II)].

Горелый. Памятник открыт в 1968 г. автором в Тындинском районе Амурской области с правой стороны ключа Горелого (левый приток р. Геткан), на 10-метровом останце. Петроглифы, нанесенные на двух плоскостях красной охрой, содержат крестообразные знаки, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, изображение животного с небольшой подтреугольной головкой. Передняя нога животного подрисована к начертанию из переплетения сплошных линий [87, табл. 47 (I)].

С западной стороны скалы было обнаружено около 50 идолов, сделанных на концах березовых, лиственничных и сосновых палок, длиной 1,5—3 м. По способу оформления голов идолов можно разделить на пять групп. Они изготовлены: а) одним косым стесом, примерно под углом 50° к поперечному сечению длинной оси; б) двумя косыми стесами, образующими ребро; стесы сделаны примерно под углом 65° к поперечному сечению длинной оси; в) при помощи одного косого стеса, примерно под углом 45° к поперечному сечению длинной оси; в основании стеса сделан круговой горизонтальный желобок, отделяющий голову идола от остальной части палки; г) одним косым стесом, примерно под углом 70° к поперечному сечению длинной оси; в основании стеса сделан круговой горизонтальный желобок, на 3 см ниже — второй, параллельный первому; д) в виде двойной равносторонней пирамиды: верхняя стоит на вершине нижней. У основания последней сделан круговой горизонтальный срез. Ребра пирамид расположены примерно под углом 45° к поперечному сечению длинной оси.

Геткан. Открыт в 1960 г. В.А. Туголуковым [112, с. 85, 86]. В 1967 г. обследован автором. Расположен в Тындинском районе Амурской области по правому берегу р. Геткан (правый приток Тынды), на 8-метровом гранитном останце

(рис. 39), в 40 км от г. Тында. На четырех плоскостях красной охрой нанесены красочные пятна, полосы, антропоморфные фигурки, изображения животных и солярные символы (рис. 40). Животные (рис. 41, 42) изображены в одной стилистической манере, с вытянутыми туловищами, короткими шеями, как бы обрезанными крупами; у них от двух до четырех ног, в зависимости от проекции. Фигурки различаются очертаниями голов, параболических, клиновидных и клиновидных, заovalенных на конце [87, табл. 48—50].

Антропоморфные фигурки выполнены четырьмя способами. 1. В традиционной манере. 2. Округлая головка и эллипсовидное туловище оконтурены, руки приподняты, единственная нога расположена по центру [87, табл. 48, 3]. 3. Округлая голова и эллипсовидное туловище обозначены по контуру, ноги и руки расставлены [87, табл. 49, 13]. 4. Округлая голова залита по контуру, шея и туловище изображены вертикальной линией, руки с трехпальными кистями, ноги расставлены, показаны фаллосы [87, табл. 50, 2, 3, 17].

Большой Онон. Памятник открыт в 1968 г. автором в Тындинском районе Амурской области по правому берегу р. Большой Онон, в 500 м от трассы Большой Невер — Якутск, на 8-метровом останце. Рисунки нанесены красной охрой на двух плоскостях. Изображены пятна, полосы, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, и зооантропоморфное существо с округлой рогатой головой. Туловище и единственная нога его переданы изогнутой линией, подрисованы к тазу антропоморфной фигурки. Руки приподняты [87, табл. 47 (II)].

Арби. Открыт в 1967 г. автором в Зейском районе Амурской области на обнаженных плоскостях (рис. 43) левого берега р. Арби (левый приток Уркана, в 17 км выше устья). Рисунки нанесены красной охрой на 27 плоскостях. Основные сюжеты — изображения людей, животных, птиц, лодок, линий, змей, изгородей, сцен ловли животных при помощи сетей, антропо- и зооморфных существ.

Для арбинских петроглифов характерно обилие стилизованных змееобразных существ. Туловища у них переданы волнообразными линиями, к ним пририсованы по две или четыре ноги; у некоторых изображены небольшие уши, пасти широко раскрыты [87, табл. 52; 53; 58; 59].

Животные изображены в четырех стилистических манерах. 1. Головы, шеи, туловища показаны прямой горизонтальной линией, ноги — вертикальными мазками, у многих животных раскрыты пасти [87, табл. 52 (I), 1; 53, 2; 60, 3, 5, 17]. 2. Верхняя часть головы, шея, спина изображены одной изогнутой линией, морда и четыре ноги — угловид-

ными мазками [87, табл. 54, 4]. 3. У животного опущенная клинообразно-вытянутая голова, подчеркнуты холка и мягкий прогиб спины, брюшина подтянута, задняя нога отброшена, передняя согнута в коленном суставе и поджата. По туловищу просматриваются неокрашенные пятна [87, табл. 54, 6]. 4. Животное как бы отлито из металла. У него округлая голова, ухо прижато к шее. Подпрямоугольное туловище заштриховано вертикальными линиями. Ноги в области стоп слиты между собой [87, табл. 53, 5].

Зооморфные существа представлены пятью разновидностями. 1. Клиновидная стилизовано вытянутая головка с открытой пастью и двумя подтреугольными ушами. Шея, туловище и хвост изображены прогнуто-выпуклым начертанием, четыре ноги переданы вертикальными мазками. По всей верхней части туловища нанесены слегка наклонные линии, создающие впечатление оголенных позвонков [87, табл. 59 (I), 1]. 2. Черепаший голова слегка приподнята, эллипсовидное туловище залито по контуру, шесть ног выполнены вертикальными мазками. На спине животного сидит птицеобразное существо с распростертыми крыльями [87, табл. 60, 8]. 3. Голова с огромной открытой пастью приподнята, на ней два заovalенных уха. Туловище очерчено одной прогнутой линией, утолщенной в области грудной клетки. Показано семь ног. На спине разместилось птицеобразное существо с короной на голове и распростертыми крыльями [87, табл. 60, 12]. 4. У существа огромная эллипсовидная голова со сжатыми челюстями, длинная тонкая шея, квадратное туловище, рассеченное вертикальной линией, две ноги [87, табл. 53, 4]. 5. Эллипсовидная голова с огромной открытой пастью, спина прямая, две короткие ноги, по голове, шее, туловищу проходят наклонные линии, создающие впечатление оголенных позвонков [87, табл. 54, 1].

Антропоморфные фигуры на арбинских петроглифах изображены довольно схематично. У них шеи и туловища обозначены прямыми вертикальными линиями, головы округлые, эллипсовидные или являются продолжением прямой линии шеи и туловища, руки опущены вниз, разведены в стороны или подняты вверх (есть фигурки и без рук). Ноги у всех расставлены в стороны. Встречаются фигурки с опущенными вниз или с приподнятыми преувеличенными фаллосами. У двух человечков на голове рога. Многие фигурки пририсованы к сплетению сплошных линий и сгруппированы, некоторые держат в руках непонятные предметы [87, табл. 52—60].

Зооантропоморфные существа схожи с антропоморфными, но имеют звериные или птичьи головки.

Калиновка. Памятник открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым в Магдагачинском районе Амурской области в устье р. Калиновки (левый приток Амура) на прибрежных останцах. На трех плоскостях красной охрой нанесены переплетения сплошных линий, геометрические фигуры, аморфные пятна, трезубец, змееобразные существа с открытыми пастьми, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, зооантропоморфные существа [87, табл. 63, 64].

Смирновка. Памятник открыт в 1954 г. А.П. Окладниковым в Шимановском районе в 112 м ниже р. Смирновки, на берегу Амура. Рисунки нанесены красной охрой на трех каменных плоскостях. Изображены сплошные линии, трезубцы, окружность, змееобразные существа с волнистыми туловищами и небольшими ножками, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере с округлыми головками, лунарный символ и животные [87, табл. 65]. В изображении животных просматриваются две стилистические манеры. 1. Шея, туловище и хвост очерчены одной линией, голова подана вперед, пасть открыта, небольшие треугольные уши, ноги показаны вертикальными мазками [87, табл. 65, 3]. 2. Животное изображено вертикально, головка клинообразная с изогнутым рогом и небольшим овальным ухом, спина с горбинкой, клиновидными выступами, ноги показаны вразброс [87, табл. 60, 9].

Архара. Памятник открыт в 1930 г. Саенко [90, с. 34]. В 1954 г. обследован А.П. Окладниковым, а в 1968 г. — автором данной работы. Расположен в Архаринском районе Амурской области на скальных обнажениях (рис. 44) правого берега р. Архары в 17 км выше пос. Татыкан. Рисунки нанесены на 21 плоскости сплошными линиями, в редких случаях — с заливкой по контуру, красной или светло-красной охрой. Несмотря на некоторые различия в технике рисунка и цветовую неоднородность охры, памятник по стилистической манере однороден и все изображения относятся к одному временному этапу. Здесь встречаются антро-, зоо- и зооантропоморфные фигуры, люди, едущие верхом, птицы, геометрические фигуры, X-образные знаки, аморфные пятна, отдельные линии и переплетения линий [56, табл. 82—96].

Средняя Нюкжа. Памятник открыт в 1931 г. Н.В. Кякшто [42, с. 29, 30]. В 1960 г. писаницу осматривал В.А. Туголуков [118, с. 82—90], а в 1968 г. — автор данной работы. Расположен на трех гранитных останцах (рис. 45, 46) с правой стороны ключа Онён (приток Уркимы), в 6 км от бывшего районного центра Средняя Нюкжа (Тындинский район Амурской области). По оттенкам охры и стилистиче-

ской манере рисунки делятся на четыре хронологические группы.

К первой группе рисунков относится олень [87, табл. 1, 17]. На плоскости он занимает центральное место (рис. 47). Недаром люди в более поздние времена рядом с ним поместили изображение шамана, совершающего магический обряд. Это самое большое изображение: 90 см в длину и 60 в высоту. Это контурное изображение, нанесенное, как и все рисунки памятника, сплошной контурной линией, остальные здесь резко отличаются малиновым отливом краски. К сожалению, голова оленя подправлена в более позднее время. Люди, которые изображали шамана и рисунки, входящие в третью, по нашей нумерации, группу, подрисовали и голову оленя. Это хорошо видно по краске и манере изображения голов некоторых животных из этой хронологической группы. Голова оленя по сравнению с туловищем мала, слегка вытянута вперед; на ней ветвистые рога, морда с небольшой горбинкой, показан подшейный клок; туловище массивное, с мягким плавным очертанием холки и небольшим прогибом на спине. Хорошо выражены глубокая грудная клетка и подтянутая брюшина. Очень реалистично изображены три ноги (одна передняя, две задние). Передняя часть животного немного приподнята и слегка развернута к зрителю. Создается впечатление, что олень вот-вот придет в движение.

Ко второй группе относятся рисунки на первой плоскости [87, табл. 1, 53, 54, 59, 67—69, 71—79], расположенные на высоте от 1 до 2 м и нанесенные красной охрой особого оттенка. В этой группе, за исключением четырех фигур, изображаются животные, идущие цепочкой друг за другом в восточном направлении. Крупы их посажены назад, передние части тела приподняты, головы высоко вскинуты. По манере написания их можно разделить на три типа. 1. Животные с клинообразными, на конце заovalенными мордами, с закругленными крупами (рис. 48). У всех ярко выражены холки, глубокие грудные клетки и вервистые рога. У каждого животного изображено по две — три ноги и по одному направленному вперед уху [87, табл. 1, 68, 73, 76—78]. 2. Животные, изображенные в такой же стилистической манере, только без рогов и гораздо меньших размеров [87, табл. 1, 67, 71, 72, 75, 79]. 3. Животное с массивным квадратным туловищем, хорошо выраженной холкой и тонкой короткой шеей. Круп как бы обрублен, брюшина слегка приопущена. Две ноги — задняя прямая, передняя изогнута в коленном суставе — изображены линиями. Маленькая по сравнению с туловищем голова эллипсовидной формы за-

лита по контуру. Прорисованы круглый глаз и два длинных повисших уха [87, табл. I, 69].

К третьей группе относятся рисунки, расположенные на первой плоскости [87, табл. I, 1—16, 18—45, 47—49, 56, 60—63] на высоте от 2 до 5 м. Они нанесены темно-бордовой охрой и хорошо сохранились. Изображены солнце, луна и звезды, схематически — человеческие фигурки, животные, птицы (рис. 47, 49). Люди изображены в движении, а животные, наоборот, как бы застыли на месте, даже те, у которых показано по четыре ноги. По стилистической манере можно выделить два типа изображений животных. 1. Животные с выпукло-дугообразными спинами, клинообразными, на конце заovalенными, или тупыми, как бы обрубленными мордами. Шеи и головы их вытянуты вперед и только у одного животного голова приподнята. Крупы округлые, показаны ветвистые рога и от двух до четырех ног, прочерченных прямыми линиями [87, табл. I, 16, 21, 40—42, 44]. 2. Животные, выполненные в такой же стилистической манере, только без рогов и гораздо меньших размеров [87, табл. I, 20, 33, 36, 45, 47].

Солярные знаки — третья группа рисунков — представлены двумя видами. К первому виду (см. рис. 47) мы относим контурные округлые изображения с отходящими в стороны четыремя залитыми по контуру овальными плоскостями и четыремя прямыми линиями-лучами. Внутри каждого круга изображены антропоморфные маски [87, табл. I, 5, 9]. Ко второму виду относятся солярные знаки округлой формы, прорисованные по контуру, с отходящими в стороны лучами [87, табл. I, 26].

Лунарные знаки очерчены по контуру в виде полумесяца (см. рис. 47, 49) [87, табл. I, 28, 7], звезды изображены как залитые по контуру круги с отходящими в стороны лучами. Количество лучей в каждом случае разное [87, табл. I, 1—4, 6, 8, 13, 22—25, 29, 31]. Здесь же четыре реалистично выполненных изображения глухарей (два в полете, один спокойно сидящий и один токующий) (см. рис. 47; 49) [87, табл. I, 10, 14, 19, 43].

Человеческие фигуры максимально стилизованы: голова, шея и туловище прочерчены одной прямой линией; ноги и руки показаны линиями, нанесенными под углом к туловищу [87, табл. I, 11, 12, 18, 34, 35, 38, 39, 48, 56, 60—63], за исключением фигур 30 и 49, которые выполнены в реалистической манере (рис. 49, 50).

Вверху слева на плоскости (см. рис. 47) изображен пляшущий шаман в ритуальном костюме. В левой руке он держит бубен, в правой — колотушку. Неокрашенными

контурами изображены подвески, а сплошными — ленты [87, табл. I, 15].

Рисунки четвертой группы расположены на всех трех плоскостях на высоте человеческого роста от основания скал или уступов. Все рисунки, нанесенные на второй и третьей плоскостях, входят в четвертую группу, а на первой плоскости [87, табл. I] сюда относятся фигуры 46, 50—52, 57, 58, 65, 70. Сделаны они красной охрой, которая гораздо темнее той, что использовалась для рисунков третьей группы. Это (рис. 51, 52) антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, окружности, сплошные линии и изображения животных [87, табл. 2; 3].

У животных этой группы туловища и шеи очерчены одной эллипсовидной линией, небольшие клинообразные головы как бы приращены к туловищу и залиты по контуру, изображено по одному уху, по две — три ноги, некоторые животные с рогами.

Нюкжа. Памятник открыт в 1968 г. автором. Расположен в Тындинском районе Амурской области в 70 км от пос. Усть-Уркима, в 200 м ниже р. Онёни, по правому берегу Нюкжи. На 13 обнажениях скальных плоскостей (рис. 53) нанесены рисунки, которые по стилю и цвету охры делятся на две хронологические группы.

К первой группе отнесены рисунки, выполненные темно-красной охрой с заливкой по контуру: линии, пятна, окружности, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, животные и многоликое зооморфное существо. Все животные изображены в одной стилистической манере. У них реалистично показаны короткие мощные шеи, холки и уши, глубоко опущенные грудные клетки, подтянутые животы. Клинообразные головы на конце слегка заовалены, у некоторых есть рога [87, табл. 7 (I), 1—8; 8 (II); 4, 5].

У зооморфной фигуры звериная голова, хорошо видно треугольное ухо, конец морды не сохранился. Тонкая шея переходит в птичье туловище с хорошо намеченными сложенными крыльями и опущенным хвостом. Фигура как бы подана вперед и сидит на непонятном ребристом изображении [87, табл. 8 (II), 2].

Вторая группа рисунков сделана светло-красной охрой. Изображены пятна, полосы, окружности с отходящими лучами, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, и животные.

По стилистической манере можно выделить три типа изображения животных. 1. Животные с параболоидными головами, очерченные как бы одним взмахом кисти. У них головы приопущены, шеи и туловища описаны прогнуто-вы-

пуклой линией. Ноги показаны небольшими овальными выступами [87, табл. 7 (II), 10; табл. 9 (I), 1]. 2. Контуры животных, описанные как бы одним взмахом руки, но с массивными головами и приоткрытым ртом. Туловища у них квадратные, уши в виде небольших треугольных выступов, указаны пищеводы. Ноги переданы вертикальными сплошными мазками или в виде выступов [87, табл. 9 (I), 2, 3]. 3. Животные, изображенные в реалистической манере. У них небольшие клиновидные головки поданы вперед, овальными выступами отмечены уши, холки приподняты, спины с небольшим прогибом, глубокие грудные клетки и подтянутые брюшины, ноги показаны вертикальными мазками [87, табл. 7 (II), 6, 8, 12, 14; 9 (I), 4].

Ковуйбут. Открыт в 1969 г. автором в Тындинском районе Амурской области на правом берегу р. Ковуйбут (левый приток Дырын-Юрях) на семиметровом останце. На одной плоскости сплошными линиями нарисованы две крестообразные фигуры. У памятника обнаружены деревянные идолы-ментая (рис. 54).

Олекма. Памятник открыт в 1967 г. автором. Расположен в Тындинском районе Амурской области в 18 км ниже пос. Усть-Нюкжа на трехметровом гранитном останце (рис. 55) на левом берегу Олёкмы. На двух плоскостях ярко-красной охрой изображены пятна, сплошные линии, окружности с отходящими лучами, антропоморфные фигурки, выполненные в традиционной манере, стилизовано — лодки и животные [87, табл. 12, 13].

Контуры лодок (рис. 56) очерчены прямыми и изогнутыми горизонтально расположенными линиями. По центру одной лодки вписан рассеченный на две части круг. В лодках размещены антропо- и зооантропоморфные стилизованные фигурки как бы в полусидячих позах, выполненные вертикальными полосами. Руки сидящих в лодках расставлены в стороны, поданы вперед или вовсе не указаны. У многих звериные или птичьи головки [87, табл. 12, 4, 7, 11, 14].

Животные (рис. 56—58) выполнены в одной стилистической манере. Головы, шеи, туловища обрисованы как бы одним начертанием, ноги подрисованы вертикальными мазками, у некоторых показаны рога. Отличаются эти животные только передачей голов: у одних головы параболоидные, у других — клиновидные [87, табл. 12, 9, 10, 12, 16, 21].

Тунгурчакан. Памятник открыт в 1897 г. Н.А. Виташевским, в 1970 г. исследован автором. Расположен в Олёкминском районе Якутии на скальных плоскостях правого берега р. Тунгурчакан, в 18 км выше ее устья. На четырех плоскостях темно-красной охрой изображены пятна, сплошными линиями пикообразные начертания, антропо- и

зооантропоморфные фигурки, животные [87, табл. 15]. Антропоморфные фигурки выполнены в традиционной манере, некоторые из них без рук, у части фигурок показаны фаллосы. У зооморфного существа птичья голова и крыльеобразные руки.

Животные изображены в трех стилистических манерах. 1. Головы, шеи, туловища и хвосты прорисованы одной сплошной линией, ноги — вертикальными мазками. 2. Уши, шеи, туловища намечены сплошной линией, головы и ноги — вертикальными мазками. 3. Клинообразная голова, шея и туловище выполнены одним овальным начертанием, небольшие уши и ноги подрисованы вертикальными мазками.

Тунгурча. Памятник открыт в 1970 г. автором в Олёкминском районе Якутии на шестиметровом останце по левому берегу р. Тунгурча, в 12 км от ее устья. Сплошные линии красной охры изображают животных и крестообразные фигуры. Животные выполнены в одной стилистической манере. У них контуры головы, шеи и туловища переданы сплошной линией, ноги — вертикальными мазками.

Средняя Нюкжа II. Памятник открыт в 1989 г. автором. Расположен в Тындинском районе Амурской области на гранитном останце (рис. 59) с левой стороны ключа Онён (приток Уркими), в 500 м южнее писаницы Средняя Нюкжа. Здесь обнаружена одна антропоморфная фигурка, нанесенная бледно-розовой охрой.

Г л а в а III

ЖЕРТВЕННЫЕ МЕСТА У ПИСАНИЦ

В настоящей работе рассматриваются 52 разновременных памятника наскальной живописи. Жертвенные места обнаружены у 37 из них. Часть их [56; 87] уже опубликована. Попробуем дать общую классификацию жертвенников.

Бутиха. Жертвенник у плоскостей с рисунками (см. рис. 2)* исследован в 1984 г. Прослежены три культурных горизонта. В первом обнаружены железный черешковый наконечник стрелы с иволистным пером и три фрагмента керамики ручной лепки [56, табл. 4, 1, 2]. Во втором — пять каменных двусторонне-ретушированных наконечников стрел: три удлинённых с дугообразной выемкой в основании, один — такой же формы с небольшим черешком и один —

* Белые стрелки на фотографиях с общим видом скал с наскальными рисунками указывают на месторасположение жертвенников.

подтреугольной формы в асимметричной дугообразной выемкой в основании [56, табл. 4, 3—6; 5, 24]. Третий слой содержал долотовидное орудие и 22 наконечника стрел с черешковым насадом, изготовленных из ножевидных пластин (из них два наконечника целые, остальные представлены фрагментарно) один наконечник стрелы иволистной формы, изготовленный из ножевидной пластины; шесть ножевидных пластин и два подработанных отщепа [56, табл. 5, 1—23].

Кара. Жертвенник у скалы вдоль первой плоскости (см. рис. 6) исследован в 1984 г. Во время разборки завала над жертвенником на разной глубине обнаружены части оленьей сбруи, восемь фрагментов трубчатых костей лося, 12 фрагментов костей косули, 13 железных пластинок, кованый гвоздь, железный черешковый наконечник стрелы с раздвоенным жалом, бронзовая подвеска [56, табл. 4, 8, 12, 14]. У основания завала найдены 24 фрагмента керамики, некоторые из них с орнаментом из отпечатков параллельных рядов гребенчатого штампа, затертых прямоугольников и типа вафельного [56, табл. 8, 2, 3, 5].

В нижнем слое жертвенника найдены три бронзовые пуговицы, два костяных наконечника стрел с насадом и двусторонне ретушированный наконечник стрелы иволистной формы [56, табл. 4, 7, 9—11; 8, 6, 7].

Средне-Шайкино. Жертвенники у восьмой и десятой плоскостей (см. рис. 7) исследованы в 1983 г. У восьмой плоскости материал представлен 243 артефактами, найденными на двух ярко выраженных горизонтах. В первом обнаружена основная масса находок (198 предметов из железа: наконечники стрел, обломки ножей, предметы искусства, пуговица, подвески, стержни, заклепки, накладки и большое количество кусочков железа различных форм).

Все наконечники черешковые. По форме их можно отнести к пяти типам: четырехгранные с удлиненно-треугольным пером, ромбические в сечении; двухжальные, плоские в поперечном сечении; шилообразные, ромбические или прямоугольные в поперечном сечении; листовидные, плоские в поперечном сечении; долотовидные, плоские в поперечном сечении [56, табл. 13, 1—12].

Обнаруженные части от ножей все с односторонней заточкой [56, табл. 13, 15—17].

Предметы искусства представлены двумя лунарными знаками; двумя рыбками, у одной сохранилась часть хвоста, у второй хвост полностью обломан; птицей, напоминающей орла; фигуркой духа-охранителя (ментая) со звериной клинообразной головой, которая отделена от туловища двумя небольшими насечками; двумя безголовыми антропоморф-

ными фигурками (головы отломаны), одна напоминает, по представлениям эвенков-орочонов, хозяйку огня (энекан того), вторая —местилище души умершего предка (мугдыгра); летящей птицей с обломанным крылом [56, табл. 13, 21—26; 14, 1, 4, 5].

Обнаружены также подвески различной формы, которые пришивались или привязывались [56, табл. 13, 18—20; 14, 19, 20, 25] и зажимались [56, табл. 14, 3, 6—9].

Стерженьки все прямоугольные или квадратные в поперечном сечении, основная их масса с одной стороны заострена; у одних концы расклепаны, у других — тупые [56, табл. 14, 11, 13—16, 26].

Артефакты второго горизонта залегали в серой супеси. Здесь обнаружено 29 фрагментов керамики ручной лепки от двух сосудов, шесть латных пластин, три бусины, бронзовая накладка, нашивка, одна колотая галька и четыре бронзовых обломка [56, табл. 8, 1, 4, 11, 14—17; 13, 13, 14].

Находки у десятой плоскости располагались в двух горизонтах. В первом обнаружены: одна бронзовая пряжка или подвеска, две бронзовые пуговицы, бронзовый наконечник стрелы, бронзовая бусина, скребочек и обломок наконечника стрелы [56, табл. 8, 9—13, 18; 15, 3, 4].

Во втором горизонте обнаружены сгруппированные в одном месте явно в связи с каким-то ритуалом пять одноплощадочных заготовок нуклеусов с хорошо оформленными клиньями по бокам для зажима, сильно патинизированные и пришлифованные [56, табл. 15, 1, 2, 5; 16, 1, 2].

Бараун Чулутай. Жертвенники (см. рис. 8) исследованы в 1984 г. Жертвенник с юго-западной стороны скалы по контуру ограничен каменной кладкой 1,2 × 1,4 м. Залегает у первой — пятой плоскостей (рис. 60). До нашего исследования был нарушен и материалов в нем практически не осталось, за исключением пяти фрагментов керамики. Один из них по краю орнаментирован двумя рядами слегка наклоненных вертикальных вдавлений [56, табл. 5, 10].

Жертвенник с южной стороны расположен на карнизе в трещине. В нем обнаружено 12 отщепов (два из них с подправкой), ножевидная пластина, подработанная с одной стороны, и три фрагмента керамики ручной лепки, орнаментированной отпечатками перевитого шнура [56, табл. 16, 3, 4, 6].

Копчил. Жертвенники исследовались в 1984—1986 гг. Расположены у плоскостей с рисунками, в трещине на скале и в трех плиточных оградках (рис. 61, см. также рис. 9). В трещине на скале обнаружены две железные фигурки орлов и железный предмет неизвестного назначения [56, рис. 6; 7; 8, 1]. У двенадцатой плоскости выявлены человеческие ос-

танки с ориентацией черепной коробки на запад и доловидный наконечник стрелы из железа с односторонней заточкой (рис. 62). Раскоп, заложенный у третьей плоскости, дал шесть фрагментов неорнаментированной керамики ручной лепки и сосок от трипода.

У 17-й плоскости раскопаны двухплощадочный нуклеус, срединный резец, изготовленный на отщепе, скребловидные орудия, изготовленные из отщепов, два обломка двухсторонне ретушированных ножей, подработанные ножевидные пластины и 16 отщепов, два из которых подработаны и по поверхности имеют следы краски такого же цвета, что и рисунки на плоскости [56, табл. 16, 7, 8; 25, 3; 26, 4, 6; 27, 2, 5; 28, 1—3, 6; см. рис. 10].

С западной и юго-западной сторон от плоскостей с наскальными рисунками в подошве террасы большого останца копчилских петроглифов обнаружены три плиточных оградки (рис. 61, 1—3), из них две сильно потревожены в этнографическое время. Первая оградка, в 5 м юго-западнее плоскостей с петроглифами, сильно задернована (рис. 63). Ориентирована на восток. В развале ее площадь $2,4 \times 1,6$ м, чистые размеры $1,9 \times 1,3$ м. Северная и восточная стенки почти вертикальные, южная и западная имеют наклон. Чем-либо выделяющихся камней в стенках оградки нет. Внутренняя часть оградки на глубину до 0,4 м была заложена мелким плиточником (рис. 64). Под ним находились две плиты (рис. 65) общими размерами $0,9 \times 0,7$ м, расположенные поверх жертвенной ямки эллипсовидной формы, ориентированной в восточном направлении. Ее размеры $0,6 \times 0,35$ м, глубина до 0,3 м (рис. 66). Под плиту перекрытия жертвенной ямки были подложены опорные камни.

В оградке с северо-восточной стороны у плит перекрытия обнаружены два коренных зуба коровы, а в жертвенной ямке — двухплощадочный призматический нуклеус (рис. 67).

Вторая оградка, сильно нарушенная в этнографическое время (рис. 68), расположена в 15 м юго-западнее плоскостей с наскальными рисунками, ориентирована с небольшим отклонением на юго-восток. Первоначальные ее размеры $3,2 \times 2,4$ м. Вертикальные стенки хорошо укреплены. В юго-восточном углу сильно возвышается плита подтреугольной формы. Судя по оставшимся фрагментам, внутренняя часть оградки на глубину до 0,5 м была заложена мелким плиточником. Ниже находилась разбитая грабителями плита, охватывающая практически всю площадь оградки. Жертвенная ямка, перекрытая плитой, располагалась в центре оградки и имела округлую форму диаметром до 0,9 м (рис. 69).

В оградке артефактов не обнаружено, зато в сделанном грабителями отвале найден копытообразный нуклеус (рис. 70).

Третья оградка (рис. 71), которая практически полностью разрушена и не раскапывалась, расположена в 20 м западнее плоскостей с наскальными рисунками. Ориентирована на восток. Ее размеры 2,1 × 2 м.

Кондуй 16 км. Жертовенники в двух пунктах у плоскостей с петроглифами и в плиточной оградке (рис. 72, см. также рис. 11—13) исследовались в 1984—1986 гг.

В первом пункте жертовенник располагался на карнизе у первой плоскости. Это единственное место, где могли задержаться материалы жертовенника. Обнаружены здесь два нуклеуса и фрагмент керамики. Один нуклеус относится к одноплощадочным коническим, второй — к многоплощадочным. Фрагмент керамики орнаментирован мелкими отпечатками материи [56, табл. 25, 1; 26, 2].

Во втором пункте при жертовенном ритуале были положены две передние части лошадиных туш, берестяная сумочка размерами 25 × 30 см, сшитая жильными нитками, и стопка железных пластинок размерами 1 × 6 см. Пластины очень плохо сохранились, их назначение неясно (рис. 73; 74).

В 30 м западнее первого пункта с наскальными рисунками памятника Кондуй 16 км, на уровне основания скалы с петроглифами располагалась оградка (рис. 72) из огромных плит, размерами до 2,5 × 2 м. Северная и восточная стенки ее хорошо укреплены и стояли относительно вертикально, южная наклонена в овраг и ориентирована на восток (рис. 75). Чистые размеры оградки 3,5 × 2 м. Внутренняя часть ее на глубину до 0,7 м была забутована мелким плиточником (рис. 76). Ниже располагалась плита перекрытия жертовенной ямки (рис. 77). Длина плиты 2,6 м, ширина 1,3 м и толщина до 0,3 м, глубина ямки 0,5 м.

В оградке на плите перекрытия обнаружены около 20 коренных зубов коровы и 32 фрагмента керамики от одного сосуда-трипода. Цвет керамики красноватый, в примеси теста много крупнозернистого песка. Венчик сосуда прямой, орнаментирован рядом Х-образных фигур, подчеркнутых двумя горизонтальными полосами. Орнамент нанесен зубчатыми вдавлениями. Тулово сосуда с внешней стороны расчесано гребенчатой лопаткой, с внутренней — заглажено (рис. 78, 1, 2).

В жертовенной ямке оградки располагались трубчатые кости ног и левой руки с обрубленными эпифизами. Кости ног расположены в согнутом положении. Сохранность костей очень плохая (рис. 79).

Цорон I. Жертовенник у плоскостей с петроглифами (см. рис. 14) исследован в 1985 г. Это была округлая кладка из небольшого плиточника диаметром около 60 см. При зачистке на глубине 10 см за слоем темного гумусированного заполнителя кладка закончилась. Обнаружены небольшой концевой скребок, обломок кремневого ножа, ножевидная пластина и подработанный отщеп [56, табл. 33, 3, 5, 7, 8].

Цорон II. Жертовенник у плоскостей с петроглифами (см. рис. 15) исследован в 1984 г. Здесь обнаружены нож, изготовленный из кремнистого отщепа, двухплощадочный нуклеус, оббитая галечка, подработанные ножевидные пластины [56, табл. 33, 1, 2, 4, 6, 9, 10, 12; 25, 2; 27, 11].

Цорон III. Жертовенник у первой — пятой плоскостей с наскальными рисунками (см. рис. 16) исследован в 1984—1986 гг. Найдены скребловидные орудия, изготовленные на отщепах, срединный резец, ножевидные пластины с подработкой, комбинированное орудие — провертка-скребло, изготовленное на отщепе, торцовый нуклеус и более 20 кремневых отщепов [56, табл. 33, 11, 13; 40, 1—8]. В расщелинах скалы с петроглифами находилось около 80 кусков колотого кварцита и двухплощадочный нуклеус.

При детальном обследовании местности с юго-восточной стороны, в подошве террасы останца с наскальными рисунками была обнаружена плиточная оградка, ориентированная на восток и имеющая уклон к югу на 0,4 м (рис. 80). Северная и восточная стенки ее вертикальные, а южная и западная имеют развал до 0,4 м. Чистые размеры оградки 2,4 × 1,2 м. Внутренняя ее часть была забутована мелким плиточником на глубину до 0,35 м (рис. 81). Ниже располагалась плита 1,2 × 0,95 м, перекрывающая жертвенную ямку. Жертвенная ямка округлой формы, в диаметре до 0,6 м, глубиной до 0,18 м. В оградке обнаружен всего один коренной зуб коровы. Жертвенная ямка оказалась пустой (рис. 82).

Усть-Цорон. Жертовенники у 10, 11, 18-й плоскостей и в трех плиточных оградках (рис. 83, см. также рис. 17) исследованы в 1984—1986 гг.

В раскопе у 10-й плоскости обнаружены очень плохой сохранности человеческие останки, а также металлические фрагменты верхового конского седла и сбруи (рис. 84), 30 раковин каури, железный нож с односторонней заточкой, две пряжки, два железных кольца и курительная трубка [56, табл. 8, 5—8, 10—12; 12, 15].

Ниже костяка в верхней части гумусированной супеси обнаружены 34 фрагмента керамики бурхатуйского времени Забайкалья, а на границе гумусированной и желтой супеси у самой скалы — двусторонне ретушированный каменный

наконечник стрелы удлинненно-треугольной формы с дугообразной выемкой у основания [56, табл. 40, 11] и шесть фрагментов керамики с мелкими отпечатками материи.

В раскопе у 11-й плоскости найдены 12 фрагментов неорнаментированной керамики ручной лепки, а у самой скалы, на уступе, — целый сосуд ручной лепки (рис. 85), в котором сохранилась красная охра, перемешанная с супесью.

При зачистке карниза у 18-й плоскости обнаружена почти целиком верхняя часть баночного сосуда ручной лепки. Снаружи и внутри он красноватого цвета, на изломе керамика серая. Венчик сосуда слегка загнут вовнутрь. Ниже венчика по тулову сформирован наlepной валик, орнаментированный резными линиями крест-накрест (см. рис. 78, 5).

У петроглифов Усть-Цорона обнаружены три плиточные оградки (см. рис. 83): первые две — в подошве террасы с петроглифами, третья — на сопке.

Первая оградка расположена в 28 м северо-западнее плоскостей с наскальными рисунками. Сверху она была задернована, но стенки просматривались довольно четко (рис. 86). Ориентирована на восток. Ее площадь в развале $5 \times 3,5$ м, в чистом виде $4,7 \times 3,1$ м. Северная и западная стенки имели развал до 0,4 м. Угловые плиты выше стенок до 0,6 м. Внутри оградка была перекрыта плитами, за исключением центральной части, где располагался вертикально стоящий камень. Диаметр круга до 1,2 м (рис. 87, 88). Сняв плиточное перекрытие оградки, мы обнаружили, что оно располагалось непосредственно на материковом грунте, а зачистка круга по центру выявила гумусированное пятно размером в диаметре до 1,2 м, в котором найдены две цилиндрические бусины из халцедона (см. рис. 78, 6, 7), концевой скребок из кремня, изготовленный на отщепе (рис. 89, 1), кремневый торцовый нуклеус гобийского типа (рис. 89, 2) и шесть фрагментов керамики с матерчатыми отпечатками.

При выборе гумусированного пятна на глубине от 5 до 10 см обнаружена кладка из небольших плоских плиток. Внутри кладки плитки лежали на плоскости, а с северной и северо-восточной сторон часть плиток стояла на ребре (рис. 90). Кладка эллипсовидной формы, $1,8 \times 0,9$ м, ориентирована в восточном направлении. В центре кладки на плитке найдена цилиндрическая халцедоновая бусина (см. рис. 78, 8).

На 0,3 м ниже первой кладки выявилась вторая — подтреугольной формы с ребром 1 м (рис. 91). На самой большой плитке в центре обнаружена бочкообразная бусина из амазонита, эллипсовидная в разрезе (см. рис. 78, 12).

Ниже второй кладки на 0,4 м располагалась третья, копирующая первую по размерам и форме, но выложенная из больших плиток (рис. 92). Находок в ней не обнаружено. Эту кладку подстилало гумусированное заполнение с добавлением мелких угольков, которое шло вплоть до материкового грунта.

Изначально котлован жертвенной ямки представлял собой углубление эллипсовидных очертаний $2 \times 1,2$ м, глубиной до 0,9 м (рис. 93).

Вторая оградка, обнаруженная в 32 м к северо-западу от плоскостей с петроглифами, сверху была сильно задернована и заросла кустарником (рис. 94). В развале ее размеры $3,2 \times 1,8$ м, чистые — $3 \times 1,4$ м, ориентирована на восток. Северная и южная стенки повалены на юг по склону террасы, западная и восточная наклонены вовнутрь. После зачистки дерна выяснилось, что внутренняя часть оградки перекрыта одним рядом плит, под которыми на материковом грунте лежала часть костяка женщины (возраст не определен) (рис. 95, 96).

Обнаруженный костяк состоял из фрагментов трубчатых костей нижних конечностей, трубчатых костей левой руки, плечевой кости правой руки, правой ключицы и семи позвонков. Все кости подрезаны, а у трубчатых — отсечены или подрезаны эпифизы. Около костяка найдены три бусины, изготовленные из агатовых галечек и напоминающие резцовые зубы (см. рис. 78, 9—11). Одна бусина располагалась у головы, две — у таза. Между плитами в юго-западном углу найдены три коренных зуба коровы.

Третья оградка располагалась в 52 м северо-восточней плоскостей с наскальными рисунками, на верху сопки и благодаря своим высоко стоящим плитам была далеко видна, хотя сильно задернована и заросла кустарником (рис. 97). Чистые размеры ее $2,5 \times 1,4$ м. Ввиду того, что оградка стояла на скальном грунте и глубина котлована составляла всего 0,25 м, тяжелые ее стенки оказались развалены наружу. Внутренняя часть оградки перекрыта рядом плит (рис. 98), под которыми находилась жертвенная ямка эллипсовидных очертаний. Размеры ямки $1,4 \times 0,6$ м, глубина — 0,15 м, ориентирована на восток. Оградка оказалась совершенно пустой.

Бараун Кондуй I. Жертвенник у четвертой плоскости (см. рис. 19) исследован в 1984 г. Обнаруженный здесь материал сосредотачивался в нижней части темной гумусированной супеси: 26 отщепов, скол с нуклеуса; двусторонне ретушированный вкладыш от ножа, подработанные ножевидные пластины, концевой скребок на пластине и обколо-

тый кремневый желвачок, измазанный охрой [56, табл. 27, 1, 2 ; 40, 9, 10, 12, 14, 15].

Бараун Кондуй II. Жертвенники у плоскости с петроглифами первого пункта памятника и в четырех плиточных оградках (рис. 99, см. также рис. 20) исследованы в 1983 и 1986 гг.

В первом пункте у плоскости с наскальными рисунками обнаружено 43 фрагмента неорнаментированной керамики, относящихся к одному сосуду-триподу. Среди них — части венчика и один сосок-ножка [56, рис. 5, 6, 8].

Первая оградка располагалась на скальном грунте в 90 м к северу от плоскостей с петроглифами второго пункта. Сверху она была сильно задернована и заросла кустарником (рис. 100). Все стенки были наклонены наружу. В развале ее площадь 2×2 м, чистые размеры $1,7 \times 1,5$ м, ориентирована на восток. Чем-либо выделяющихся плит в стенках оградки не замечено. Внутренняя часть оградки на глубину до 0,65 м была заложена рядами плоских камней. Ниже у восточной стенки располагались две плиты с небольшим провалом вовнутрь (рис. 101). Под плитами располагалась жертвенная ямка эллипсовидных очертаний, размерами $1,1 \times 0,6$ м, глубиной до 0,25 м. Дно ямки было посыпано бордовой охрой. Артефактов в оградке не оказалось, кроме одного коренного зуба коровы, найденного у плит перекрытия жертвенной ямки (рис. 102; 103).

Вторая оградка, в 170 м к северо-востоку от памятника, сверху была сильно задернована и заросла кустарником, но достаточно четко просматривалась. В развале ее размеры $3,6 \times 2,5$ м, чистые — $3,5 \times 2,1$ м, ориентирована на восток. Южная стенка оградки наклонена наружу, остальные стояли вертикально. Внутренняя ее площадь до глубины 0,45 м была забутована камнем (рис. 104). Ниже располагались две плиты, перекрывающие жертвенную ямку (рис. 105). Жертвенная ямка округлых очертаний находилась по центру оградки, достигала 0,9 м. Ямка оказалась пустой, но у плит перекрытия обнаружены три коренных зуба коровы и фрагмент керамики с растительными отпечатками и параллельными выступами от лопатки, заглаживавшей сосуд (см. рис. 78, 3).

Третья оградка, в 3 м от второй, задернована и почти незаметна (рис. 106). Ориентирована на восток, размеры $2,2 \times 1,5$ м. Не раскапывалась.

Четвертая оградка, в 5 м от второй, сверху задернована и заросла кустарником, но достаточно хорошо просматривается (рис. 107). Ориентирована на восток. Ее размеры $3,6 \times 2,9$ м; по углам оградки возвышаются плиты. Цент-

ральная часть оградки, до плит перекрытия жертвенной ямки, выбрана современниками. Оградка не раскапывалась.

Могойтуй. Здесь в 1986 г. исследовано 14 оградок, расположенных с северной, северо-западной и западной сторон на уровне основания скалы и в подошве террасы, в которую вписано скальное обнажение с петроглифами (рис. 108).

Первая оградка, в 20 м на запад от плоскостей с наскальными рисунками, сверху была сильно задернована, только по трем торчащим плитам можно было ее распознать. Ориентирована на восток. Размеры в развале $3,4 \times 1,7$ м, чистые — $3 \times 1,5$ м. Западная стенка завалена вовнутрь оградки, остальные относительно вертикальные. Внутренняя часть оградки на глубину до 0,4 м была забутована мелким плиточником. Ниже располагалась плита перекрытия $1,4 \times 1$ м жертвенной ямки эллипсовидной формы. Размеры ямки $0,9 \times 0,6$ м, глубина — до 0,3 м. Жертвенная ямка вырыта в скальном грунте. В центре ямки обнаружен фрагмент керамики с мелкими отпечатками материи. Шесть подобных фрагментов находились у плиты перекрытия.

Вторая оградка, в 30 м северо-западнее скалы с петроглифами, также сверху была задернована (рис. 109). Ориентирована на восток, размеры ее $1,9 \times 1,4$ м, стенки вертикальные, внутренняя часть оградки на глубину до 0,4 м была забутована плиточником (рис. 110). Жертвенную ямку перекрывали две плиты, занимавшие всю площадь оградки (рис. 111). Ямка оказалась округлых очертаний, диаметром до 0,7 м, глубиной до 0,25 м.

В жертвенной ямке по центру располагался округлый нож-скребок (?), изготовленный из кремня (см. рис. 89, 4), и подработанный отщеп (см. рис. 89, 7). В верхней части забутовки оградки обнаружено около 15 фрагментов керамики от различных сосудов. Два фрагмента орнаментированы ногтеобразными вдавлениями, заглаженными сверху гребенчатой лопаткой (рис. 112, 5), четыре фрагмента на внешней стороне имеют бороздки от гребенчатой лопатки (рис. 112, 7). Обнаружен один фрагмент венчика, прямой, с наlepным валиком по краю, имеющий попарные наклонные рассечки (рис. 112, 1).

Третья оградка, в 32 м на северо-запад от плоскостей с петроглифами, сверху задернована и заросла кустарником. Ориентирована на восток. Размеры в развале $3 \times 2,2$ м, чистые — $2,2 \times 1,8$ м. Западная и южная стенки были повалены наружу. Внутренняя часть оградки на глубину до 0,45 м была забутована плиточником. Ниже располагалась плита $1,1 \times 1$ м, перекрывавшая жертвенную ямку округлой формы, в диаметре до 0,8 м, глубиной до 0,35 м. В забутов-

ке оградки обнаружено около десятка фрагментов неорнаментированной керамики. Жертвенная ямка оказалась пустой.

Четвертая оградка, в 35 м северо-западнее плоскостей с рисунками, сверху была сильно задернована и слабо заметна. Ориентирована на восток. Все четыре стенки слегка наклонены внутрь оградки. Чистые размеры 1,8 × 1,2 м. На глубину до 60 см забутована камнем. Ниже располагались две плиты перекрытия жертвенной ямки, занимавшие почти всю площадь оградки (рис. 113). Неглубокая жертвенная ямка вымощена небольшими плитами, наклоненными к центру оградки. В жертвенной ямке поперек оградки лежали кости нижних конечностей женщины и небольшие фрагменты тазовых костей (рис. 114). Эпифизы трубчатых костей были подрезаны или удалены.

В забутовке оградки обнаружен фрагмент прямого венчика с волнистым налелным валиком по верхней части (рис. 112, 2).

Пятая оградка, в 50 м севернее скалы с петроглифами, слабо задернована и хорошо приметна, ориентирована на восток. Средняя плита перекрытия (их три) была вскрыта грабителями (рис. 115). Южная ее стенка повалена наружу, остальные стояли вертикально. Чистые размеры 3 × 1,5 м. Угловые плиты оградки были скошены под углом и возвышались. На глубину до 0,25 м оградка была заложена одним рядом плит. Ниже располагались три плиты перекрытия жертвенной ямки (рис. 116). Ямка эллипсовидной формы (размеры 1,3 × 0,4 м, глубина до 0,25 м) выбрана в скальном грунте. В ней обнаружены остатки костяка мужчины, умершего в возрасте 25—30 лет, ориентированные на восток. Костяк представлен черепной коробкой, срезанной по глазницам, плечевой костью правой руки и трубчатыми костями нижних конечностей (рис. 117). У всех трубчатых костей эпифизы срезаны. Несмотря на то, что оградка была вскрыта, положение костяка не нарушено.

В забутовке оградки обнаружены конический нуклеус, изготовленный из белого халцедона (рис. 118, 3), и 12 фрагментов неорнаментированной толстостенной керамики от одного сосуда. Сохранившиеся фрагменты венчиков прямые.

Шестая оградка расположена в 70 м севернее скального обнажения с петроглифами. Задернована она была слабо и хорошо просматривалась. Ориентировалась на восток, имела размеры в развале 3,5 × 2 м, чистые — 2,8 × 1,8 м. Западная и южная стенки оказались завалены наружу, северная и восточная стояли вертикально. Угловые плиты возвышались. На глубину до 0,5 м была заложена тремя рядами плит (рис. 119). Ниже располагались три плиты перекрытия жертвенной ямки (рис. 120). Жертвенная ямка эл-

липсовидной формы (1,1 × 0,4 м, глубиной до 0,25 м) выбрана в скальном грунте и расположена по центру оградки. В ней, с ориентацией на восток, располагались черепная коробка, отсеченная по глазницам и затылку, плечевая кость левой руки и бедренная кость левой ноги ребенка 7—8 лет. У трубчатых костей убраны эпифизы (рис. 121). Ребенок был убит ударом по голове обухом меча или тяжелого ножа. Это хорошо просматривается по черепной крышке (рис. 122).

В забутовке оградки обнаружены 18 фрагментов тонкостенной неорнаментированной керамики и три коренных зуба коровы.

Седьмая оградка, расположенная в одном метре от шестой, слабо задернованная, хорошо просматривалась. Ориентирована была на восток, имела размеры в развале 3,2 × 1,5, чистые — 3,2 × 1,2 м. Южная стенка на 0,3 м была наклонена наружу, угловые плиты срезаны под углом и возвышались над другими. На глубину до 0,5 м оградка забутована камнями (рис. 123). Нижний ряд забутовки состоял из горизонтально расположенных плит. Под плитами в центре оградки находилась жертвенная ямка прямоугольной формы (0,5 × 0,4 м, глубиной до 0,1 м), выбранная в скальном грунте (рис. 124). В ней находились обломок бедренной кости правой ноги, рассеченные фрагменты тазовых костей, крестцовая кость, три нижних позвонка и фрагмент черепной коробки женщины в возрасте до 50 лет. В сломе бедренной кости видны были надрубы. Другого материала в оградке не обнаружено.

Восьмая оградка, в 70 м на северо-запад от плоскостей с наскальными рисунками, сверху была сильно задернована, но контуры ее просматривались хорошо. Ориентирована на восток, размеры в развале 3 × 2,5 м, чистые — 2,7 × 1,6 м. Все стенки оградки повалены наружу. Угловые плиты, скошенные под углом, возвышались над другими. На глубине до 0,8 м оградка перекрывалась тремя рядами плит (рис. 125). Под ними находились две плиты перекрытия жертвенной ямки (общие размеры 2,2 × 0,9 м, толщина до 0,12 м). Жертвенная ямка эллипсовидных очертаний (1,2 × 0,6 м), выбранная в скальном грунте (рис. 126), ориентировалась на восток. Артефактов в оградке не найдено.

Девятая оградка, в 80 м севернее скального обнажения с петроглифами, слабо задернованная, была хорошо заметна на фоне других оградок. Ориентировалась на восток с небольшим отклонением к югу. Размеры в развале 3 × 2,5 м, чистые — 2,7 × 1,6 м. Все стенки повалены наружу. Угловые клинообразные плиты по высоте резко выделялись. На глубину до 0,8 м была перекрыта рядами плит (рис. 127).

Ниже располагались три плиты, перекрывавшие саму жертвенную ямку (общие размеры $2,2 \times 0,9$ м, толщина до 0,15 м), (рис. 128). Жертвенная ямка эллипсовидных очертаний ($1,2 \times 0,6$ м, глубина до 0,3 м) была выбрана в скальном грунте. В ней обнаружена черепная крышка и две бедренные кости с обрубленными эпифизами (рис. 129) мужчины, умершего в возрасте 25—30 лет.

В юго-восточном углу оградки найдено около 20 коренных зубов коровы, фрагменты ее челюстей и нижняя челюсть овцы.

В забутовке центральной части оградки на уровне второго ряда плит найдено около 50 фрагментов толстостенной керамики от одного сосуда с прямым венчиком. Верхняя часть сосуда орнаментирована косыми полосками вдавлений зубчатым валиком (см. рис. 112, 4, 9).

Десятая оградка, в 85 м севернее скалы с петроглифами, оказалась хорошо заметной. Ориентирована на восток, имела размеры в развале $4,2 \times 2$ м, чистые — $3,1 \times 1,7$ м. Северная стенка стояла вертикально, остальные повалены наружу. На глубину до 0,6 м была беспорядочно забутована камнем. Ниже располагались три плиты перекрытия (общие размеры $2,4 \times 1,3$ м) жертвенной ямки. Ямка эллипсовидной формы ($1,8 \times 0,5$ м, глубиной до 0,6 м) содержала лежавшие в анатомическом порядке небольшой фрагмент черепной коробки, две плечевые и две бедренные кости человека (пол и возраст определить не удалось). Все трубчатые кости с отсеченными эпифизами (рис. 130).

В забутовке юго-восточного угла оградки обнаружены фрагменты челюстей коровы, а в центральной части оградки — средневековое вторичное захоронение.

Обряд захоронения был произведен следующим образом: в центре оградки до плит перекрытия была выбрана округлая ямка диаметром до 1,2 м, в нее с ориентацией на запад положен череп, а затем без всякого порядка уложены все кости и личные вещи погребенного. Погребен мужчина в возрасте 25—30 лет. Рядом с его костяком лежали кресало, три железных диска, нож с односторонней заточкой, бусина, четыре наконечника стрел и металлические накладки, по всей вероятности, от седла (рис. 131).

Одиннадцатая оградка, в 75 м северо-западнее скалы с петроглифами, внешне хорошо выраженная, ориентировалась на восток с небольшим отклонением в югу. Размеры в развале $4,2 \times 2,6$ м, чистые — $3,6 \times 2$. Все стенки повалены наружу. Угловые плиты со срезанным под углом верхом резко возвышались. На глубину до 0,9 м оградка забутована камнем (рис. 132). Ниже располагались две плиты (общей площадью $2,5 \times 1,2$ м) перекрытия жертвенной ямки, вы-

бранной в скальном грунте. Ее размеры $1,36 \times 0,4$ м, глубина до 0,5 м, ориентация — на восток. В жертвенной ямке в анатомическом порядке лежали фрагменты костяка женщины 35—45 лет (рис. 133—135): черепная коробка с лицевой частью (на сохранившейся верхней челюсти зубы обрублены), левая тазовая кость, обрубленная с двух сторон, левая бедренная кость с подрезанными эпифизами и левая кость голени с обрубленными эпифизами.

В забутовке юго-восточного угла обнаружены фрагменты челюстей коровы и коренные зубы овцы.

Контуры двенадцатой оградки, расположенной в 70 м северо-западнее плоскостей с наскальными рисунками, хорошо просматривались. В древности она была почти полностью разрушена, в том числе затронута и жертвенная ямка. Ориентирована на восток с небольшим отклонением к северу. Размеры в развале $4 \times 2,5$ м, чистые — $3,3 \times 1,7$ м. Клинообразные угловые плиты возвышались. На глубину до 0,35 м забутована камнем. Плита перекрытия жертвенной ямки ($2 \times 1,2$ м) вывернута на ребро. Жертвенная ямка (размеры $1,6 \times 0,5$ м), выбранная в скальном грунте, нарушена грабителями. В ней обнаружены фрагмент черепной коробки и бедренная кость с обрубленными эпифизами.

В выбросе, оставленном грабителями, найдено до 20 фрагментов керамики от одного сосуда. Сосуд был с прямым венчиком, толстостенный, с плоским дном, опиравшимся на растругообразный поддон. По верхней части сосуда нанесен массивный наклепной пояс с вертикальными насечками. Выше пояса вокруг сосуда имеются округлые вдавления (см. рис. 112, 3, 8; рис. 136, 1, 4, 5).

Тринадцатая оградка, в 75 м западнее скалы с петроглифами, сверху была сильно задернована, но стенки просматривались достаточно хорошо. Ориентирована на восток с небольшим отклонением к югу. В развале имела размеры $3,2 \times 2$ м, чистые — $2,3 \times 1,4$ м. Восточная стенка стояла вертикально, остальные повалились наружу. На глубину до 0,45 м оградка заложена плитами. Ниже располагалась плита перекрытия жертвенной ямки. В ямке округлых очертаний диаметром до 0,6 м и глубиной до 0,25 м располагался призматический двухплощадочный нуклеус, изготовленный из кремня (см. рис. 118, 4).

Четырнадцатая оградка, в 70 м западнее скалы с наскальными рисунками, также сильно задернованная, просматривалась достаточно четко (рис. 137). Ориентирована была на восток, имела размеры в развале $4 \times 2,5$ м, чистые — $3,2 \times 1,9$ м. Северная стенка стояла вертикально, остальные с наклоном наружу. На глубину до 0,3 м была заложена двумя рядами плит. Третий ряд плит перекрывал

жертвенную ямку (рис. 138), $1,4 \times 0,4$ м, глубиной до 0,32 м, выбранную в скальном грунте, ориентированную на восток (рис. 139). В ее восточной стороне лежала черепная коробка человека (рис. 140).

У плит перекрытия оградки в разных местах найдено шесть коренных зубов коровы. Других артефактов не обнаружено.

Калашниково. Жертвенники у четвертой плоскости с петроглифами и в шести плиточных оградках (рис. 141, см. также рис. 23) исследованы в 1984 и 1986 гг. Все обнаруженные артефакты у четвертой плоскости сосредотачивались в подошве темной гумусированной супеси и частично в верхней части желтой супеси у самой плоскости с наскальными рисунками на площадке 80×70 см. Здесь найдены нож, изготовленный на кремневом отщепе двусторонне отжимной ретушью, два концевых скребка, изготовленные на отщепах, восемь ножевидных пластин, одна из которых подработана, 14 отщепов и 7 фрагментов керамики с мелкими отпечатками материи [56, табл. 27, 5; 28, 8, 10; рис. 20].

На уровне основания скалы с петроглифами и в подошве террасы памятника Калашниково обнаружено шесть плиточных оградок. Первая, в 8 м юго-восточнее скалы с наскальными рисунками, на уровне ее основания, сильно задернована и плохо просматривалась. Ориентирована на восток. Размеры в развале $4,3 \times 2,9$ м, чистые — $4 \times 2,4$ м. Южная и восточная стенки повалены наружу, а северная и западная — внутрь оградки. На глубину до 0,6 м оградка перекрывалась плитами (рис. 142). Ниже располагались две плиты (общие размеры $2,2 \times 1,4$ м, толщина до 0,15 м) перекрытия жертвенной ямки (рис. 143, 144) эллипсовидных очертаний $1,1 \times 0,4$ м, глубиной до 0,3 м, выкопанной в материковом грунте. Ориентировалась на восток.

В центре жертвенной ямки найден отщеп (см. рис. 89, 9) и нуклеус многоплощадочный с примыкающими площадками (см. рис. 89, 8).

У плит перекрытия оградки обнаружены коренные зубы коровы. Основная масса материалов сосредоточена в верхнем слое забутовки у западной стенки и в юго-западном углу оградки. Найдены отщепы (см. рис. 89, 3, 10), некоторые из них подработаны (см. рис. 89, 5), ножевидная пластина, скребок, изготовленный из отработанного торцового нуклеуса (см. рис. 89, 6), крица и масса разновременной керамики (106 фрагментов от разных сосудов). Имеющиеся фрагменты венчиков можно отнести к двум типам. Первый — прямые или с небольшим изгибом вовнутрь. Орнаментированы наlepными клинообразными валиками по краю (см. рис. 136, 3), наlepными валиками с косыми насечками, а

ниже — чередующимися по три штуки жемчужинами, выдвинутыми изнутри (см. рис. 136, б), косыми попарными вдавлениями квадратных очертаний и рядом жемчужин, выдавленных изнутри (рис. 145, 2), налпными валиками с вертикальными треугольными зашипами (рис. 145, 6).

Ко второму типу относятся венчики с намеченной горловиной и резким изгибом наружу (рис. 145, 1) или прямые венчики с небольшим изгибом наружу, орнаментированные горизонтальным налпным валиком с вертикальными насечками (рис. 146, 2).

По тулову сосуда орнаментированы мелкими отпечатками материи (рис. 146, 4) со следами вдавлений гребенчатой лопатки, горизонтальными попарными бороздками (рис. 145, 3) и попарными начертаниями под углом (рис. 146, 5). Основная масса керамики неорнаментирована.

Вторая ограда, в 30 м юго-восточнее скального обнажения с петроглифами, сверху была задернована, но контуры просматривались. Ориентировалась на восток, размеры в развале имела $5,3 \times 3,6$ м, чистые — $4,9 \times 3,2$ м. Северная стенка завалена вовнутрь, остальные наружу. На глубину до 0,7 м была забутована тремя рядами плит (рис. 147). Жертвенная ямка подпрямоугольных очертаний $1,6 \times 0,7$ м, глубиной до 0,2 м была перекрыта плитой $1,9 \times 1,2$ м, толщиной до 0,28 м (рис. 148). По центру жертвенной ямки располагалась гранитная плита (рис. 149), на которой лежали три отщепы (рис. 150, 3).

В юго-восточном углу ограды в забутовке обнаружены фрагменты верхней и нижней челюстей лошади, нижние челюсти коровы и овцы. У восточной стенки в верхней части забутовки найдено шесть отщепов из кремня и около десятка фрагментов неорнаментированной керамики.

Третья ограда, примыкавшая к северной стенке второй ограды, сверху была задернована, ориентирована на восток. Размеры 2×2 м. На глубину до 0,6 м была забутована камнем (рис. 151). Ниже располагались две плиты, перекрывающие округлую жертвенную ямку диаметром до 1,1 м. По центру жертвенной ямки располагался торцевой нуклеус со скошенной площадкой (рис. 150, 2). В забутовке обнаружены отщеп и два коренных зуба коровы.

Четвертая ограда, $1,9 \times 1,7$ м, в 20 м южнее скалы с наскальными рисунками, сверху была задернована так, что просматривались только восточная и западная ее стенки. Ориентировалась на восток. Северная и восточная ее стенки были наклонены вовнутрь, южная — полностью завалена наружу. На глубину до 0,6 м забутована камнем, ниже лежала плита $1,1 \times 0,8$ м (рис. 152), перекрывавшая жертвенную ямку округлой формы диаметром до 0,6 м, смещен-

ную к юго-западному углу оградки (рис. 153). В ней обнаружены один отщеп и коренной зуб коровы.

Пятая оградка, в 22 м южнее плоскостей с наскальными рисунками, сверху задернованная и заросшая кустарником, ориентирована на восток; ее размеры в развале $4,6 \times 3,2$ м, чистые — $4 \times 2,6$ м. На глубину до 0,45 м была забутована плиточником. Ниже располагалась плита $2 \times 1,2$ м, толщиной до 0,25 м, перекрывавшая жертвенную ямку округлых очертаний (диаметр до 1 м), выбранную в скальном грунте. В центре ее обнаружен фрагмент керамики, орнаментированный мелкими отпечатками материи. В забутовке юго-восточного угла оградки найдены фрагменты нижних челюстей лошади, коровы и овцы.

Шестая оградка, в 40 м юго-западнее скального обнажения с петроглифами, просматривалась по контуру достаточно четко (рис. 154). Ориентирована на восток. Размеры в развале $4,3 \times 2,8$ м, чистые — $4 \times 2,5$ м. На глубину до 0,35 м была забутована камнем. Ниже располагалась плита $1,8 \times 1,6$ м, толщиной до 0,25 м, перекрывающая жертвенную ямку (рис. 155). Располагалась на опорных камнях. Жертвенная ямка эллипсовидной формы $1,6 \times 0,6$ м, глубиной до 0,45 м ориентировалась на восток (рис. 156). В ней в анатомическом порядке располагались фрагменты костяка мужчины, умершего в возрасте 25—30 лет: черепная коробка, отсеченная по глазницам и затылочной части (рис. 157), и трубчатые кости нижних конечностей со срезанными под углом эпифизами (рис. 158; 159). В районе таза костяка обнаружен фрагмент керамики, орнаментированный мелкими отпечатками материи. В верхней части забутовки оградки найдены фрагменты неорнаментированной керамики, украшенные налепным валиком с вертикальными рассечками.

Малый Улистый. Жертвенники у третьей плоскости и в девяти плиточных оградках (рис. 160; см. также рис. 25) раскапывались в 1984 и 1986 гг.

Рельеф местности вокруг плоскости с наскальными рисунками крутой, всюду огромные глыбы. Только у третьей плоскости между многотонными обвалившимися глыбами имелась площадка $1,5 \times 2$ м, также, впрочем, покрытая крупными камнями. На этой площадке и был заложен раскоп.

Во время разборки завала в северо-западном углу площадки обнаружена искусственная кладка из плиточника округлых очертаний (80 см в диаметре). Мощность кладки 25—30 см, камни навалены в два—три слоя. При зачистке сразу же под каменной кладкой найдены железная прямоугольная пряжка, монеты эпохи правления Чуннин (1102—1106 гг.), два железных предмета неизвестного назначения и

штамп, изготовленный из трубчатой кости барана (рис. 161). Сняв артефакты и сделав зачистку, вышли на темное гумусированное пятно, как впоследствии оказалось, контуры могильной ямы вторичного захоронения. В результате зачистки выяснилось, что могильная яма была шириной 48 см, длиной 53 и глубиной 45 см. При похоронном обряде вначале был положен череп, ориентированный на запад, затем в беспорядке сложены все остальные кости (рис. 162). Завалив могилу землей, положили вышеуказанные предметы и все заложили камнями.

При дальнейших раскопках выяснилось, что жертвенник трехслойный, с четко выделенными культурными горизонтами.

Артефакты первого культурного горизонта были сосредоточены по всей площадке раскопа по углистому слою горелых плах. Обнаружены железный нож с односторонней заточкой, пять черешковых наконечников стрел с четко выделенными упорами, из них четыре с долотовидными перьями и один — с удлиненно-треугольным пером, ромбический в поперечном сечении, кремневая овальная бусина, сережка с подвеской, точильный камень удлиненно-овальной формы с отверстием для ношения, колотая галька [56, рис. 8, 9; табл. 53, 1—6, 18], баночный сосуд ручной лепки с двумя наlepными валиками по горловине, орнаментированный вертикально рассеченными резными линиями (рис. 163) и сосуд без венчика и дна, изготовленный на гончарном круге (рис. 164).

Находки из второго культурного горизонта располагались в нижней части темной гумусированной супеси, основная их масса была сосредоточена у самой плоскости с петроглифами. Найдены 27 фрагментов одного сосуда-трипода (рис. 165), для которого удалось восстановить близкий по форме аналог. Венчик с небольшим отгибом наружу. По верхней части тулова идет массивный наlepной валик, орнаментированный вертикально рассеченными линиями.

Материал третьего культурного горизонта располагался в верхней части желтого суглинка в северо-восточном углу раскопа. Обнаружены 42 фрагмента керамики, судя по замесу и технологии изготовления — от трех разных сосудов. Среди них — фрагменты венчика одного из сосудов, прямого в профиле с наlepным валиком, орнаментированным рассеченными вертикальными полосами. Найдены фрагменты тулова сосудов, орнаментированные мелкими отпечатками ткани и перевитых нитей [56, рис. 5, 3, 4, 12].

С юго-восточной стороны памятника Малый Улистай в подошве террасы скалы с наскальными рисунками находились девять плиточных оградок и сторожевой камень.

Сторожевой камень (рис. 166) расположен на входе в распадок между восьмой и девятой оградками. Изготовлен из гранитной плиты. Сверху он завален, по бокам имеет два искусственных скола, выделяющих верхнюю часть камня. В профиль в верхней части срезан под углом. Срез и боковые выбоины как бы подчеркивают "голову" сторожевого камня. Его высота 0,78 м, ширина у основания 0,6 м.

Первая оградка, в 12 м от скального обнажения с петроглифами, сверху была сильно задернована, так что просматривались только западная и южная ее стенки, ориентирована на восток. Размеры в развале $4,3 \times 3,3$ м, чистые — 4×3 м. Южная и восточная стенки были повалены наружу, северная и западная имели небольшой наклон вовнутрь. На глубину до 0,8 м была забутована крупными глыбами камня. Ниже располагались две плиты перекрытия (рис. 167) жертвенной ямки (одна размерами $1,5 \times 1,1$ м, толщиной до 0,23 м, вторая — $1,7 \times 0,8$ м, толщиной до 0,3 м). Жертвенная ямка эллипсовидной формы ($1,5 \times 0,5$ м, глубиной до 0,4 м) была выбрана в скальном грунте и ориентирована на восток. В ней находились фрагменты костяка женщины, умершей в возрасте 25—30 лет, включая черепную коробку, отсеченную по глазницам и затылочной части, нижнюю челюсть с коренными зубами (резцовые срезаны), два фрагмента левой плечевой кости без эпифизов, обе кости левой руки предплечья без эпифизов, левую тазовую кость с подрезами и трубчатые кости нижних конечностей, у которых полностью убраны или надрезаны эпифизы (рис. 168). В области таза и бедренных костей у костяка лежали шесть цилиндрических бусин, изготовленных из раковин.

В северо-западном углу под дерном найдены три фрагмента керамики серого цвета от одного сосуда с прямым, слегка отогнутым венчиком. По тулову сосуда был завитком нанесен налепной валик с рассечками (рис. 169, 7). Сосуд не орнаментирован.

Вторая оградка, в 18 м от скалы с петроглифами, была хорошо заметна, ориентирована на восток. Размеры в развале $2,5 \times 2,4$ м, чистые — $2,1 \times 1,9$ м. Все стенки повалены наружу. На глубину до 0,5 м забутована крупными глыбами (рис. 170). В древности нарушена грабителями. Плита перекрытия ($1,2 \times 0,9$ м, толщина до 0,2 м) жертвенной ямки была снята и стояла под углом (рис. 171). В оградке обнаружена всего одна овальная галька с забитостями по краям, располагавшаяся у плиты перекрытия.

Третья оградка располагалась в 30 м от плоскостей с наскальными рисунками. Контуры ее, несмотря на сильную задернованность, просматривались достаточно хорошо

(рис. 172). Ориентированная на восток, размеры в развале имела $3,3 \times 2,7$ м, чистые — $3 \times 2,25$ м. Южная и восточная стенки завалены наружу, северная стояла вертикально, западная имела небольшой наклон внутрь. На глубину до 0,55 м забутована тремя слоями плит. Ниже располагалась плита, $1,9 \times 1,2$ м, толщиной 0,35 м, перекрывавшая округлую жертвенную ямку диаметром до 1 м, глубиной до 0,7 м, смещенную в юго-западный угол (рис. 174). В ней обнаружены скребловидное орудие эллипсовидных очертаний (рис. 175; 176) и фрагмент керамики серого цвета с растительными отпечатками по тулову (см. рис. 169, 4).

В северо-западном углу верхней части забутовки обнаружено семь фрагментов неорнаментированной бурхатуйской керамики (см. рис. 169, 6), а у плиты перекрытия жертвенной ямки найдены два отщепы (см. рис. 144, 4).

Четвертая оградка, расположенная в 34 м от плоскостей с петроглифами, была сильно затянута дерном и контуры ее просматривались слабо (рис. 177). Ориентирована на восток. Размеры в развале $2,2 \times 1,4$ м, чистые — $1,7 \times 1$ м. Северная и южная стенки завалены вовнутрь, западная и восточная — наружу. На глубину до 0,4 м оградка забутована камнем. Ниже практически всю оградку занимала плита перекрытия жертвенной ямки $0,7 \times 0,55$ м, глубиной до 0,25 м, выбранной в скальном грунте. В юго-западном углу жертвенной ямки найден изготовленный из кремня многоплощадочный нуклеус с соприкасающимися площадками (рис. 140, 8). Других артефактов в оградке не обнаружено.

Пятая оградка, в 37 м от скалы с древними рисунками, была сверху задернована и заросла кустарником. Ориентирована на восток. Все стенки оградки стояли вертикально. Площадь оградки $3,6 \times 2,9$ м. На глубину до 90 см она была забутована камнем (рис. 178). Ниже располагалась лежащая на опорных камнях плита перекрытия $2,2 \times 1,2$ м, толщина до 0,3 м (рис. 179). Жертвенная ямка эллипсовидной формы $1,3 \times 0,4$ м, глубиной до 0,35 м вырыта в гумусированном дресвяннике (рис. 181). В ней обнаружены черепная коробка, срезанная по глазницам и затылочной части, правая бедренная кость, правая и левая кости голеней. У всех трубчатых костей эпифизы удалены. Костяк принадлежал женщине, возраст которой определить не удалось. В области таза костяка обнаружено шесть цилиндрических бусин, изготовленных из раковин.

В юго-восточном углу оградки обнаружены фрагменты нижних челюстей коровы, овцы и лошади. У восточной стенки в забутовке найдено 18 фрагментов неорнаментированной керамики серого цвета от одного сосуда. Имеющиеся венчики — прямые, с небольшим утолщением по

верху. Сосуд орнаментирован двумя горизонтальными наклепными валиками, между которыми проходит ряд округлых вдавлений. Верхний наклепной валик волнообразный, нижний имеет косые чередующиеся вдавления (см. рис. 169, 3, 5).

Шестая оградка, в 39 м от скального обнажения с древними рисунками, ориентирована на восток, оказалась задернована и заросла кустарником так, что просматривались только северная и западная ее стенки. Чистые размеры $4 \times 2,5$ м. Северная и западная стенки были наклонены вовнутрь, восточная и южная отсутствовали. В северо-западном углу угловая плита выше других. На глубину до 0,7 м забутована камнем. Ниже располагалась плита $2,5 \times 1,4 \times 0,25$ м, перекрывавшая жертвенную ямку, первоначальный облик которой определить не удалось. Оградка копалась сплошной зачисткой. Обнаружены трубчатые кости ног человека без эпифизов, плечевая кость правой руки без эпифизов и фрагмент черепной коробки. Остатки костяка лежали на разных уровнях, далеко друг от друга. Из-за плохой сохранности и недостатка материалов пол и возраст погребенного не определены.

Вокруг плиты перекрытия жертвенной ямки располагались челюсти и зубы коровы, овцы и лошади. Других артефактов не обнаружено.

Седьмая оградка, в 45 м от скалы с наскальными рисунками, сверху задернованная и ориентированная на восток, имела размеры в развале $4,3 \times 4$ м, чистые — $4 \times 3,4$ м. Все стенки были слегка наклонены наружу. На глубину до 1 м забутована крупными глыбами камня. Ниже располагалась плита (рис. 181) $2 \times 1,1$ м, толщиной до 0,35 м, перекрывавшая жертвенную ямку округлых очертаний, диаметром до 1 м, выложенную плиточником и оказавшуюся пустой.

В юго-восточном углу оградки обнаружены фрагменты челюстей и зубы коровы, овцы и лошади, а в центральной части забутовки — грубое скребло, изготовленное из плоской гальки (см. рис. 118, 1), и около 30 фрагментов керамики, из них три орнаментированы елочными отпечатками (см. рис. 145, 8). Имеющиеся венчики — прямые, с небольшими бугорками поверху, с горизонтальным, вкруговую расположенным наклепным валиком с попарными ромбическими вдавлениями. Выше валика чередуются округлые вдавления (рис. 145, 7). Часть фрагментов имеют следы заглаживания гребенчатой палочкой.

Восьмая оградка, в 53 м от скалы с петроглифами, сверху сильно задернованная и затянутая грунтом (рис. 182), ориентирована на восток, ее размеры в развале $4,2 \times 3,5$ м, чистые — $3,9 \times 3,1$ м. Восточная и западная стенки стояли

вертикально, северная — с наклоном вовнутрь, южная — завалена наружу. На глубину до 0,8 м оградка забутована камнем. Ниже забутовки по центру оградки располагалась плита $2 \times 0,9$ м, толщиной до 0,29 м, перекрывавшая жертвенную ямку (рис. 183).

Жертвенная ямка (рис. 184) эллипсовидных очертаний $1,8 \times 0,6$ м, глубиной до 0,3 м выбрана в гумусированном дресвяннике. Ориентирована на восток. В ней обнаружены в анатомическом порядке фрагменты костяка женщины (возраст не определен): черепная крышка с отсеченной затылочной частью, но с лицевым фрагментом черепа (на сохранившейся передней части верхней челюсти резцовые зубы обрублены), правая плечевая и правая бедренная кости с отрубленными эпифизами.

В юго-восточном углу оградки по забутовке располагались фрагменты нижних челюстей и коренные зубы коровы и лошади. Под забутовкой в центральной части плиты перекрытия жертвенной ямки обнаружен небольшой зольник округлых очертаний диаметром до 0,4 м и 12 фрагментов толстостенной керамики от одного сосуда. Фрагменты венчиков прямые, с утолщением на внешнюю и внутреннюю стороны; с обеих сторон венчика идут попарные вдавления (см. рис. 169, 1). По тулову сосуда проходил горизонтальный наклепной валик с косыми чередующимися зашипами (см. рис. 145, 5). Днище сосуда плоское, с коническим поддоном (см. рис. 169, 2).

Девятая оградка, в 65 м от скального обнажения с петроглифами, была сильно задернована и затянута грунтом (рис. 185). Ориентирована на восток. Размеры в развале $3,5 \times 2,9$ м, чистые — $3,3 \times 2,6$ м. Восточная стенка стояла вертикально, северная и западная были завалены наружу, южная наклонена вовнутрь. На глубину до 0,6 м забутована камнем. Ниже располагались три плиты (рис. 186) перекрытия жертвенной ямки (общие размеры $2,3 \times 1,4$ м, толщина до 0,18 м). Жертвенная ямка (рис. 187) эллипсовидных очертаний $1,3 \times 0,5$ м, глубиной до 0,4 м ориентирована на восток. В ней обнаружены фрагменты плечевых костей, правой бедренной и обломок тазовой кости человека. У всех трубчатых костей эпифизы отсечены. Из-за плохой сохранности принадлежность костяка не определена.

У восточной стенки оградки по центру ниже забутовки располагался округлый зольник диаметром до 0,35 м с остатками угольков от мелких прутьев. У зольника обнаружены фрагмент наконечника стрелы, изготовленного из кремневой ножевидной пластины (рис. 150, 7), подработанный отщеп (рис. 150, 5), трубчатые кости и три коренных зуба коровы.

Маргуцек. Жертвенник, расположенный вдоль плоскостей с наскальными рисунками (см. рис. 27), исследован в 1983 г.

В юго-восточном углу в верхней части раскопа были обнаружены: три ножевидные пластинки и 32 цилиндрические бусины из пиррофилита; восемь крупных фрагментов неорнаментированной керамики ручной лепки; халцедоновая граненая бусина; долотовидный черешковый наконечник стрелы из железа; кусочек железа и шесть халцедоновых отщепов [56, табл. 53, 8, 11—13, 21]. По центру раскопа в нижней части темной гумусированной супеси находились бронзовая накладка, бронзовая пуговица с орнаментом в виде завитка, бронзовый втульчатый наконечник стрелы, две бронзовые бусины или подвески, бусины из кремня, два кремневых наконечника стрел, изготовленных из отщепов, ретушированная с четырех сторон ножевидная пластина, пять скребловидных орудий, изготовленных из отщепов, обломок массивного наконечника стрелы или дротика из кремня, шлифованная плитка с отверстием и 18 фрагментов керамики с отпечатками перевитого шнура на внешней поверхности. На этом же уровне в юго-восточной части раскопа залегали 12 ножевидных кремневых пластин и 3 отщепа [56, табл. 53, 7, 9, 14—16; 58, 3—6; 28, 9; 58, 1, 3, 4, 10—13].

В верхней части желтой супеси в центре раскопа найдены около 20 ножевидных пластин, заостренное грубое скребловидное орудие, изготовленное на кремневом массивном отщепе, и 12 крупных фрагментов керамики ручной лепки от одного сосуда. Снаружи и изнутри фрагменты керамики красноватого цвета, на изломе — серые. Сосуд был тонкостенным со слегка отвернутым наружу венчиком. Орнамент сложный. По краю венчика нанесены косые отпечатки — как бы веревочные оттиски. По горловине вначале прочерчены вертикальные прямые линии, затем воспроизведены четыре ряда овальных вдавлений. Тулово сплошь орнаментировано отпечатками перевитого шнура [56, табл. 26; рис. 5, 1, 2; рис. 27].

Урулюнгуй I. Жертвенники у плоскостей с наскальными рисунками и в трех плиточных оградках (рис. 189, см. также рис. 28) исследованы в 1983 и 1986 гг. Жертвенник у плоскостей с петроглифами содержал три культурных горизонта. В первом найдены девять фрагментов керамики ручной лепки серого цвета от одного сосуда, орнаментированного грубыми отпечатками перевитого шнура, и рубящее орудие из продолговатой гальки [56, рис. 5, 15; 29]. Во втором культурном горизонте обнаружена керамика ручной лепки с матерчатым орнаментом.

Совершенно неожиданные довольно архаичные находки дал третий культурный горизонт. Материал концентрировался у самой скалы с петроглифами. Здесь обнаружено рубящее орудие, двухплощадочный призматический нуклеус и заготовка для двухплощадочного призматического нуклеуса [56, рис. 30—32].

Первая оградка расположена в 4 м юго-западнее плоскостей с наскальными рисунками. Сверху сильно задернована, но контуры просматривались (рис. 189). Ориентирована была на восток, размеры в развале имела $2,7 \times 2,7$ м, чистые — $1,8 \times 1,7$ м. Северная и западная стенки стояли почти вертикально, восточная и южная — с сильным наклоном наружу. На глубину до 0,6 м оградка была забутована камнем, а ниже, в северо-западном ее углу, располагалась плита (рис. 190) $1,1 \times 0,9$ м, толщиной до 0,15 м, перекрывавшая жертвенную ямку округлых очертаний, диаметром до 0,7 м, глубиной до 0,25 м. В ней обнаружены три цилиндрические бусины, изготовленные из раковин. В забутовке оградки у восточной стенки найдены фрагмент трубчатой кости и коренной зуб коровы.

Вторая оградка, в 18 м юго-восточнее плоскостей с петроглифами, сверху задернованная и заросшая кустарником (рис. 191), ориентирована на восток. Размеры в развале $3,5 \times 3,2$ м, чистые — $2,7 \times 2,6$ м. Северная и восточная стенки были слегка наклонены внутрь оградки, южная и западная лежали на внешней стороне. На глубину до 0,2 м оградка была перекрыта мелким камнем (рис. 192). Ниже располагалась плита перекрытия ($2,5 \times 1,4$ м, толщиной до 0,25 м) жертвенной ямки (рис. 193) округлых очертаний диаметром до 0,6 м, выбранной в дресвяннике (рис. 194). В центре ее найден подретушированный отщеп (рис. 195, 3).

В забутовке оградки у плиты перекрытия жертвенной ямки обнаружены концевой скребок, изготовленный из кремневого отщепа (см. рис. 118, 2), скол с нуклеуса (рис. 195, 4) и три коренных зуба коровы.

Третья оградка, в 30 м юго-восточнее скальных плоскостей с рисунками, была задернована и затянута грунтом. Ориентирована на восток. Размеры в развале $3,6 \times 2,4$ м, чистые — $3 \times 1,5$ м. На глубину до 0,5 м была забутована камнем (рис. 196). Ниже располагалась плита $1 \times 0,8$ м, толщиной до 0,3 м, перекрывавшая жертвенную ямку. Округлых очертаний ямка диаметром до 0,5 м располагалась в северо-западном углу оградки. В ней найден массивный фрагмент ножевидной пластины (рис. 195, 2). Других артефактов в оградке не обнаружено.

Нортуй I. Жертвенники в четырех оградках на уровне основания скалы с петроглифами и в подошве террасы этой

скалы (рис. 197, см. также рис. 29) исследованы в 1984 и 1986 гг.

Первая оградка располагалась в основании скалы с наскальными рисунками. Ориентирована на восток с небольшим отклонением к югу. Ее размеры $1,4 \times 1,2$ м. Сверху перекрывалась рядом плит (рис. 198). Ниже располагалась плита ($0,8 \times 0,7$ м, толщиной до $0,25$ м), перекрывшая жертвенную ямку округлых очертаний диаметром до $0,5$ м, выбранную в скальном грунте и заполненную гумусированной супесью с углем (рис. 199) и множеством дробленых костей. Под забутовкой оградки в северо-восточном углу обнаружен двусторонне ретушированный дисковидный нож, изготовленный из кремневой плитки (рис. 200).

Вторая оградка, в 3 м южнее второй скалы, заросшая кустарником и слабо задернованная (рис. 201), ориентирована строго на восток. Размеры в развале $6,5 \times 4,1$ м, чистые — $5,7 \times 3$ м. Все стенки повалены наружу. Угловые плиты выше других и в верхней части скошены. На глубину до $0,8$ м была забутована камнем (рис. 202). Ниже располагались три плиты (рис. 203), перекрывавшие жертвенную ямку. Их общие размеры $2,5 \times 1,2$ м, толщина до $0,3$ м. Жертвенная ямка эллипсовидных очертаний $1,2 \times 0,5$ м, глубиной до $0,3$ м располагалась по центру оградки и была ориентирована на восток. В центре ямки обнаружены ножевидная пластина и угловой резец, изготовленные из кремня (рис. 150, б). Ниже забутовки, на центральной плите перекрытия, обнаружено 16 коренных зубов коровы.

Третья оградка располагалась в 12 м юго-восточнее скалы с наскальными рисунками. Сверху она заросла кустарником и слабо задернована (рис. 204), ориентирована на восток. Размеры в развале $6,5 \times 3$ м, чистые — $5,5 \times 3$ м. Восточная и западная стенки стояли вертикально, северная повалилась вовнутрь, а южная — наружу. На глубину до $0,7$ м оградка перекрывалась огромными плитами из гранита (рис. 205). Ниже у северной стенки поверх плиты перекрытия жертвенной ямки располагались шесть плит (размеры $1,2 \times 0,8$ м, толщина до $0,16$ м). Жертвенная ямка округлых очертаний диаметром до $0,7$ м, глубиной до $0,3$ м выбрана в дресвяннике и располагалась у северной стенки. В ней обнаружен один отщеп. Кроме того, у плиты перекрытия найдены два коренных зуба коровы.

Четвертая оградка, в 30 м юго-восточнее плоскости с петроглифами, сверху заросла кустарником, но боковые стенки и плиты забутовки просматривались достаточно хорошо (рис. 106). Ориентирована на восток. Размеры в развале $3,5 \times 2,6$ м, чистые — $3 \times 2,1$ м. Все стенки оградки имели наклон наружу. На глубину до $0,5$ м оградка заложена

плитами. Ниже располагалась плита перекрытия жертвенной ямки (рис. 207; 208). Жертвенная ямка эллипсовидных очертаний (рис. 209) выбрана в скальном грунте. Ориентирована на восток. В ней обнаружены три цилиндрические бусины, изготовленные из раковин. В забутовке у плиты перекрытия в разных местах найдены три коренных зуба коровы.

Нортуй II. Жертвенники у плоскостей с петроглифами и в двух плиточных оградках (рис. 210) исследовались в 1984 и 1986 гг.

Раскопки жертвенника у плоскостей с наскальными рисунками дали шесть фрагментов неорнаментированной керамики, среди них прямой венчик с утолщением на конце, 12 фрагментов керамики ручной лепки и подработанный отщеп, измазанный охрой. Среди керамики имеются фрагменты, орнаментированные отпечатками перевитого шнура и горизонтально расположенными валиками [56, рис. 5, 8, 9, 11, 13; табл. 58, 8].

Первая оградка располагалась на 5 м восточнее плоскостей с наскальными рисунками, была задернована и заросла кустарником (рис. 211). Ориентирована на восток. Размеры в развале 5×4 м, чистые — 4×3 м. Южная и восточная стенки завалились наружу, западная и северная имели небольшой наклон вовнутрь. Угловые плиты оказались выше остальных плит контура оградки. На глубину до 0,8 м оградка была забутована камнем (рис. 212). Ниже располагались две плиты (общие размеры 2,5×1,2 м, толщина до 0,32 м, рис. 213), перекрывавшие жертвенную ямку. Очертания ямки (рис. 214) близки к эллипсовидным, ее размеры 1,3 × 0,7 м, глубина до 0,55 м. Ориентирована на восток. В ней обнаружены фрагменты человеческого костяка очень плохой сохранности. Остались одни осветленные пятна от черепной коробки, части грудной клетки, небольших фрагментов тазовых костей, обломка правой и левой плечевых костей с убранными эпифизами. В районе таза костяка найдены четыре бочкообразные бусины из лазурита, эллипсовидные в разрезе. В забутовке оградки обнаружены два фрагмента керамики со шнуровым орнаментом и два коренных зуба коровы.

Вторая оградка, на 35 м северо-восточнее плоскостей с наскальными рисунками, была задернована, но контуры просматривались достаточно хорошо (рис. 215). Ориентирована на восток. Размеры в развале 3,1×2,5 м, чистые — 2,2×1,3 м. Южная и восточная стенки были повалены наружу, северная и западная наклонены вовнутрь. На глубину до 0,6 м была забутована камнем. Ниже располагалась плита (ее размеры 1,05×0,8 м, толщина до 0,25 м), перекрывав-

шая жертвенную ямку. Ямка округлых очертаний, диаметром до 0,4 м, глубиной до 0,12 м, выбрана в дресвяннике. В ней найден один отщеп. В забутовке оградки у плиты перекрытия обнаружены три коренных зуба коровы.

Бырка. Жертвенник, расположенный вдоль 19-й и 20-й плоскостей (см. рис. 32, 33), исследован в 1983 и 1984 гг. Обнаруженные в раскопе артефакты распределялись в пяти культурных горизонтах (рис. 216). Первый связан со средней частью верхнего слоя темной гумусированной супеси. В нем находились два трехлопастных втульчатых наконечника стрел [56, табл. 53, 20], два фрагмента керамики ручной лепки с орнаментацией отпечатком крученого шнура, а также 14 целых наконечников стрел, изготовленных из кремня, и несколько фрагментов. Все наконечники подтреугольно-удлиненных форм, с выпуклыми, прямыми и выемчатыми основаниями [56, табл. 79, 5, 10, 17, 18].

Второй культурный горизонт располагался в подошве первого слоя темной гумусированной супеси и кровле первого слоя осветленно-гумусированной супеси. В нем обнаружено восемь фрагментов керамики ручной лепки с орнаментацией продольными матерчатыми отпечатками и девять двухсторонне ретушированных наконечников стрел удлиненно-треугольных форм с дугообразными выемками в основании [56, табл. 79, 2, 7; 80, 1, 3, 5, 16, 18].

Третий культурный горизонт располагался во второй прослойке темной гумусированной супеси. В нем обнаружены: концевой скребок из халцедоновой пластины [56, табл. 80, 21], проколка, изготовленная из халцедонового отщепа [56, табл. 80, 27], и 43 двухсторонне ретушированных наконечника стрел с угловидными трапециевидными, дугообразными симметричными и асимметричными выемками в основании [56, табл. 79, 3, 6, 11, 13—15, 19; 80, 2, 4, 6, 10—11, 13, 18]. По форме наконечники стрел или близки к удлиненно-треугольным, или подтреугольные, с выпуклыми боками. Некоторые наконечники со стороны жала имеют резцовые сколы [56, табл. 79, 8, 9, 12, 21; 80, 19].

Материалы четвертого культурного горизонта принадлежали верхней части четвертого слоя темной гумусированной супеси. Представлены они подтреугольно-удлиненными двухсторонне ретушированными наконечниками стрел с асимметричными выемками в основании [56, табл. 79, 1, 20; 80, 7—8, 12, 14, 15, 17].

Пятый культурный горизонт связан с подошвой четвертой гумусированной прослойки супеси и кровлей светло-желтого суглинка. В нем находились четыре куска охры, скребловидное орудие, изготовленное на массивном отщепе, с рабочим краем, вымазанным охрой (рис. 217, 3), скол с

площадки нуклеуса, вымазанный охрой, эллипсовидный нож, изготовленный из бивня мамонта [56, табл. 53, 19], подработанные отщепы [56, табл. 27, 10; 28, 4, 5], ножевидные пластины [56, табл. 16, 5; 27, 9; 28, 7], острие на ножевидной пластине, подработанное со стороны брюшка [56, табл. 79, 4], два подтреугольных отщепа, похожие на наконечники стрел, один с резцовым сколом [56, табл. 79, 16; 80, 29], комбинированные орудия — скребок-проколка [56, табл. 80, 24] и скребок-нож [56, табл. 80, 20] и два предмета, напоминающие стилизованные изображения животных, одно целое (рис. 217, 2), второе с отломанной задней частью.

Онени. Жертвенник исследован в 1971 г. [87, с. 60]. Расположен он у пятой плоскости с петроглифами. Здесь обнаружены монета, каменный утяжелитель с отверстием по центру, округлое по очертаниям скребловидное орудие, изготовленное из кремневого отщепа, черешковый наконечник стрелы с треугольной выемкой со стороны жала и около ста фрагментов керамики, относящихся к шести однотипным сосудам. У них были сильно отогнуты венчики, горловина сужена, стенки выпуклые. Снаружи и внутри цвет керамики серый, в изломе бурый, серый и коричневый. Сосуды изготавливались вручную (рис. 218).

Геткан. Жертвенник в нише у второй плоскости с наскальными рисунками (см. рис. 39) исследован в 1971 г. В культурном слое обнаружено пять скребловидных орудий, изготовленных из кремневых ножевидных пластин. Орудия по очертанию трапецевидные и прямоугольные. Три скребка обработаны односторонней отжимной ретушью с трех сторон, один — с четырех и один — с одной [87 табл. 51, 1—4, 8].

В подъемном материале встретились железная латная пластина и черешковый наконечник стрелы с раздвоенным жалом. В расщелинах скалы были найдены берданочные гильзы, пули, голубые и черные округлые стеклянные бусины, патроны от современного нарезного оружия, монеты и другие вещи, а вокруг скалы с рисунками стояли около двух десятков идолов, подобных тем, что обнаружены у петроглифов по ключу Горелому (рис. 219).

Большой Онон. Жертвенник у второй плоскости исследован в 1970 г. В первом горизонте найдены две железные пластины, черешковый наконечник стрелы с раздвоенным жалом и бронзовая монета XVIII в. Во втором — два кремневых скребловидных орудия, изготовленных из ножевидных пластин, и кремневый наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы с асимметричной дугообразной выемкой в основании [87, табл. 51, 5—7]. Кроме того, у плоскостей с наскальными рисунками располагались 12 деревянных идолов-ментая (рис. 220).

Арби. Жертовенник у 20-й плоскости (см. рис. 43) исследован в 1970—1971 гг. Коллекцию находок составили две овальные железные латные пластины с отверстиями по краю, шесть железных пластинок, цилиндрическая бусина из кремня, три фрагмента неорнаментированной керамики, 18 халцедоновых отщепов с подработкой, три костяных и восемь железных наконечников стрел и бронзовая монета с квадратным отверстием по центру [87, табл. 61].

В слое с находками встретились две базальтовые плитки с рисунками, выполненными в такой же стилистической манере, как и на самом памятнике (рис. 221). Вокруг плиток лежали трубчатые кости лося, а поверх — железный и костяной наконечник стрел (рис. 222), кремневая бусина и монета (времени Ван Мана, третий выпуск — 14 г.н.э.).

В подъемном материале и в расщелинах обнаружено около 20 берданочных пуль, голубые стеклянные бусы округлой формы, русские монеты XVIII—XIX вв. и некоторые другие современные вещи.

Средняя Нюкжа. Жертовенники у первой — третьей плоскостей (см. рис. 45, 46) исследованы в 1970 и 1971 гг. Жертовенник у первой плоскости содержал два культурных слоя. В первом найдены семь скребковидных орудий, три фрагмента венчика сосуда, пять бронзовых пуговиц и в самом верху слоя — железный наконечник стрелы [87, табл. 5, 3—7; 6, 17]. Во втором слое обнаружены торцовый нуклеус с односторонней обработкой, ножевидная пластина из кремня, два концевых скребка, изготовленных на отщепах, и нож полукруглых очертаний [87, табл. 4, 3; 5, 15—19].

Второй жертовенник располагался на небольшом треугольном выступе, зажатом со всех сторон каменными валунами, у плоскостей № 2. Обнаружены два наконечника стрел из кости, два — из железа и железный обломок ножа. Один костяной наконечник стрелы ромбический в поперечном сечении, насад плоский, жало не сохранилось. От другого осталась только средняя часть, треугольная в поперечном сечении. Железные наконечники стрел относятся к долотовидным. Обломок ножа с односторонней заточкой представлен основанием и насадом [87, табл. 6, 1, 8, 10—12].

Третий жертовенник располагался на выступе, зажатом между скалой с петроглифами и огромным камнем. Здесь оказалось два культурных горизонта. В первом обнаружены четыре скребковидных орудия, четыре фрагмента керамики и четыре железных наконечника стрел [87, табл. 5, 12—14; 6, 2—4, 9]. Во втором встретились два каменных наконечника стрел удлинненно-треугольной формы с дугообразными симметричными выемками у основания и орудие для выделки кож, изготовленное из кварцевой пластины и по

своим очертаниям напоминающее мастерок для штукатурки (верхняя часть спрямлена, книзу от постепенно сужается и на конце закругляется). По краям орудие сколото и зашлифовано. Скребловидные орудия сделаны из серого кремня [87, табл. 5, 1, 2, 8, 10, 11].

После раскопок все выступы и расщелины около плоскостей с рисунками были тщательно осмотрены. В результате обнаружено около 30 стеклянных голубых бусин округлой формы, шесть берданочных пуль (две из них побывали в теле животных и деформированы), монеты, патроны, гильзы и другие современные вещи. Наибольший интерес представляют обнаруженные в расщелине третьего писаного камня два деревянных предмета, три костяных наконечника стрел и костяное шило [87, табл. 6, 13, 15, 16, 18].

Нюкжа. Жертвенник на скале, над плоскостями с наскальными рисунками (см. рис. 53) исследован в 1968 и 1982 гг.

Все артефакты сосредоточивались в слое рыжеватой супеси (скорее всего, это суглинок, окрашенный красной охрой) в южном углу раскопа на самом краю скалы. Найдено 128 отщепов, три подработанные пластины (рис. 223, 1, 3, 8), скребловидные орудия, изготовленные на отщепах с галечной коркой (рис. 223, 4, 5, 7; 224, 1), плоское нуклеовидно-скребловидное орудие (рис. 224, 2), торцовый нуклеус (рис. 224, 2), угловой резец (рис. 223, 6) и скульптурка животного, изготовленная из отщепа (рис. 217, 1). Некоторые отщепы и орудия из жертвенника вымазаны охрой.

После съемки материалов жертвенника при зачистке скалы была обнаружена плита с профильным изображением животного, перекрытая артефактами жертвенника. У животного параболоидная массивная голова, как бы влитая в туловище. Сверху на морде клиновидный выступ. Верхняя часть туловища отделена от головы изогнуто-выпуклой линией, согнутая нога подана вперед (рис. 225).

Олёкма. Жертвенник у плоскостей с петроглифами (см. рис. 55) исследован в 1971 г. Раскопки показали два культурных горизонта. В первом культурном слое находились два железных наконечника стрел или копий и обломок латной пластины [87, табл. 14, 10, 11]. Во втором культурном слое при раскопках обнаружено 18 кремневых отщепов и 15 скребловидных орудий, изготовленных из кремневых ножевидных пластин или отщепов. Скребловидные орудия прямоугольные, треугольные и трапециевидные по очертаниям. У некоторых углы закруглены. Ретушь наносилась с двух сторон орудия и только в трех случаях — с одной [87, табл. 14, 1—9].

Между первым и вторым культурными слоями была обнаружена литая бронзовая пуговица диаметром 2,5 см, с вогнутой стороны имеющая петлю для крепления [87, табл. 14, 16].

В дерновом слое и в расщелинах скалы обнаружены гильзы от бердан и современного боевого оружия, пуговицы, монеты, бусины и другие современные вещи.

Средняя Нюкжа II. Жертвенник исследован в 1989 г. Ритуальные сооружения четырех разновидностей располагались с восточной стороны у самого основания скалы с рисунками.

Первое ритуальное сооружение обнаружено в расщелине скалы. Размеры его 0,8 × 0,45 м. Искусственно сооружен только вход из мелкого плиточника (рис. 226). В нем находились фрагменты костей косули, глухаря и угольки от кострища.

Второе ритуальное сооружение представляло собой выровненный в горизонтальном положении камень (рис. 227), с выбитым по центру эллипсовидным углублением (рис. 228). Находок в нем и около не обнаружено.

Третье ритуальное сооружение имеет вид выложенной из камней оградки 0,9 × 0,6 м (рис. 229). Ориентировано оно с северо-востока на юго-запад. Сверху было заложено мелким плиточником. После снятия плиток в центре оказалась консервная банка, мелкие кусочки металла, берданочные пули и угольки от кострища.

Четвертое ритуальное сооружение представляло собой квадратную оградку 6 × 6 м, со входом с южной стороны шириной 1,2 м. Вал выложен из мелкого плиточника высотой 0,7 м. По центру оградки располагался камень, на котором лежали жертвоприношения в виде мелких фрагментов железа, костяного гребня, обломка костяной гребенки, двух однокопеечных монет 1932 г., берданочных пуль и самодельных кованых гвоздей.

Г л а в а IV

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖЕРТВЕННИКОВ И МАТЕРИАЛОВ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

При рассмотрении археологического материала, обнаруженного у скал с петроглифами, возникает вопрос о том, связаны ли эти материалы непосредственно с наскальными рисунками, не относятся ли они к другой категории археологических памятников, расположенных по соседству с пи-

саными скалами? Чтобы развеять сомнения, попытаемся сделать обстоятельный анализ этих материалов.

Впервые археологические материалы, обнаруженные у памятников наскальной живописи, были использованы для датировки петроглифов А.Я. Брюсовым [8, с. 277—281]. Правомерность точки зрения А.Я. Брюсова впоследствии подтверждена Ю.А. Савватеевым [107, с. 129—131]. Термин “жертвенное место”, “жертвенник” для археологических материалов, обнаруженных у скал с петроглифами, в научный оборот введен в 50-х г. нашего столетия О.Н. Бадером [4, с. 241—258].

В настоящее время по жертвенным местам у памятников наскальной живописи в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке накоплен большой фактический материал, но в специальной литературе нет работ, посвященных этой проблематике. Исследователями он используется в основном как вспомогательный для датировки наскальных рисунков [74, с. 100—105; 83, с. 16—31; 90, с. 9—17; 87, с. 15—79; 65, с. 21—76; 108, с. 72—73; 109, с. 135—144; 110; 28, с. 36—51].

Анализируя древние жертвенные места Восточной Сибири, А.В. Тиваненко выделил археологические материалы, сопутствующие петроглифам, в одну из категорий жертвенников [110]. Ценность работы А.В. Тиваненко в том, что он обратил внимание исследователей на важность детального изучения древних жертвенных мест.

Анализ жертвенных мест у петроглифов таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья позволил выделить два типа жертвенников — грунтовые и расположенные в оградках, изготовленных из каменных плит. Грунтовые жертвенники встречаются у памятников наскальной живописи по всей территории таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья независимо от природных зон. Расположены они непосредственно у плоскостей с петроглифами на открытом грунте и не содержат каких-либо искусственных сооружений. Жертвенные площадки, как правило, находятся на ограниченных участках с неудобными подходами. Предположения, что на этих площадках были кратковременные ночевки или наблюдалась случайная утеря артефактов, опровергаются тем, что в основном эти площадки имеют наклон, устелены грубообломочным материалом и глыбами, зачастую удалены от воды и малы по своим размерам. Один из существенных аргументов, отвергающих случайность археологических материалов у плоскостей с наскальными рисунками, тот, что люди боялись посещать такие места, опасаясь потревожить духов священной скалы. В Приамурье и Восточном Забайкалье не зарегистрировано ни одной писаницы, которой бы сопутствовали какие-либо археологические па-

мятники. К тому же, как мы указывали выше, в слоях с археологическим материалом у плоскостей с наскальными рисунками часто встречаются куски охры, охра в сосуде, перемазанные охрой артефакты и отдельные плитки с нарисованными охрой изображениями, идентичными рисункам на скальных плоскостях.

Грунтовые жертвенники существовали с конца плейстоцена до этнографического времени. Судя по стратиграфии и обнаруженным артефактам, они зачастую многослойны и содержат разновременный материал. Материалы жертвенников позволяют выделить четыре вида жертвоприношений.

Первый вид жертвоприношений связан с обрядами нанесения наскальных рисунков и очищения огнем. Как правило, материалы расположены компактно (в квадратах не более 20 × 20, 30 × 30 см) у самой скалы с петроглифами. С этого момента скала с наскальными рисунками становилась неприкосновенной. Люди почитали ее, но, чтобы не тревожить духов скалы, старались близко не подходить, тем более не селиться. Подобная ситуация вплоть до настоящего времени наблюдалась у эвенков-орочонов, проживающих на территории Приамурья, в отношении захоронений своих сородичей [53, с. 64].

К жертвоприношениям первого вида нами отнесены Бутиха, материалы второго слоя желтой супеси, изрезанной глинистыми прослойками [56, табл. 5, 1—23]; Кара, материалы на границе темной гумусированной и желтой супеси [56, табл. 4, 7, 9—11; 8, 6—7]; Средне-Шайкино, материалы из желтоватого суглинка раскопа, расположенного у 10-й плоскости [56, табл. 15, 1, 2, 5; 16, 1, 2]; Бараун Чулутай, материалы из желтовато-бурой супеси с юго-восточной стороны скалы [56, табл. 16, 3, 4, 6]; Копчил, материалы из темной гумусированной супеси раскопа, заложенного у 17-й плоскости [56, табл. 16, 7, 8; рис. 10; табл. 25, 3; 26, 1, 3—6]; Кондуй 16 км, материалы из темной гумусированной супеси первого пункта [56, табл. 25, 1; 26, 2]; Цорон I, материалы из округлой кладки [56, табл. 33, 3, 5, 7, 8]; Цорон II, материалы на границе гумусированной и желтой супеси [56, табл. 25, 2; 27, 11, 33, 1, 2, 4, 6, 9, 10, 12]; Цорон III, материалы из верхней части желтой супеси [56, табл. 33, 11, 13; 40, 1—8]; Усть-Цорон, материалы на границе гумусированной и желтой супеси первого раскопа у 10-й и 11-й плоскостей [56, табл. 40, 11]; Бараун Кондуй I, материалы нижней части темной гумусированной супеси [56, табл. 27, 1, 3; 40, 9, 10, 12, 14, 15]; Бараун Кондуй II, материалы верхней части буроватых суглинков [56, рис. 5, 6, 8]; Калашниково, материалы подошвы темной гумусированной супеси [56,

табл. 27, 5; 28, 8, 10; рис. 20]; Малый Улистый, материалы верхней части желтого суглинка [56, рис. 5, 3, 4, 12]; Маргуцек, материалы верхней части желтой супеси [56, рис. 5, 1, 2; 26; 27]; Урулюнгуй I, материалы светло-желтого суглинка [56, рис. 30—32]; Нортуй II, материалы нижней части гумусированной супеси [56, табл. 58, 8; рис. 5, 9, 13]; Бырка, материалы пятого культурного горизонта, связанные с кровлей светло-желтого суглинка [56, табл. 16, 5; 27, 9, 10; 28, 4, 5, 7; 53, 19; 79, 4, 16; 80, 20, 24, 29; рис. 41]; Онёни, материалы темной гумусированной супеси [87, рис. 28]; Геткан, материалы темной гумусированной супеси [87, табл. 51, 1—4, 8]; Большой Онон, материалы темной гумусированной супеси [87, табл. 51, 6, 7]; Арби, материалы нижней части темной гумусированной супеси [87, табл. 61; рис. 221, 222]; Средняя Нюкжа, материалы темной гумусированной супеси первого раскопа [87, табл. 4, 3; 5, 16—19]; Нюкжа, материалы из слоя рыжеватой супеси (рис. 223—225); Олёкма, материалы второго культурного слоя из темной гумусированной супеси [87, табл. 14, 1—9].

Второй вид жертвоприношений связан с неожиданным открытием наскальных рисунков, которые в результате родо-племенных перемещений и других причин забывались. Чтобы не привлечь к себе внимание недоброжелательных духов, человек, случайно обнаруживший наскальные рисунки, бросал здесь подручные жертвоприношения и уходил. Так здесь оказывались пуговицы, наконечники стрел, фрагменты керамики и другие вещи.

К жертвоприношениям второго вида отнесены: Бутиха, материалы из второго слоя желтой супеси [56, табл. 4, 3—6; 5, 24]; Кара, материалы, обнаруженные на поверхности гумусированной супеси [56, табл. 8, 2, 3, 5, 8]; Усть-Цорон, материалы из третьего раскопа [56, рис. 17]; Малый Улистый, материалы из нижней части темной гумусированной супеси (рис. 165); Маргуцек, материалы, расположенные в слое пыли [56, табл. 53, 11, 12], верхней части гумусированной супеси [56, табл. 53, 8, 21], нижней части темной гумусированной супеси [56, табл. 53, 7, 9, 14—16]; Урулюнгуй I, материалы из первого и второго культурных горизонтов [56, рис. 5, 15; 29]; Средняя Нюкжа, материалы из буровато-желтой супеси [87, табл. 15, 3, 5, 7, 10, 12; 6, 17]; Олёкма, материалы из первого культурного горизонта [87, табл. 14, 10, 11] и расположенные между первым и вторым культурным горизонтами [87, табл. 14, 16].

Третий вид жертвоприношений связан с дополнительным нанесением наскальных рисунков на обнаруженную писаницу. Человек, нашедший скалу с наскальными рисунками,

оповещал об этом своих сородичей. И если в это время по каким-либо причинам в роде начинались несчастья (неудачный промысел, мор скота и т.д.), люди делали вывод, что виной тому потревоженные духи скалы с петроглифами. Чтобы обезвредить или привлечь на свою сторону недоброжелательных духов этой скалы, люди рядом с имеющимися рисунками подрисовывали своих духов-защитников в зоо-, зооантропо- и антропоморфных обликах. В некоторых случаях при наличии свободных плоскостей, одни рисунки располагались поверх других. В это время приносились жертвоприношения, проводился обряд очищения огнем.

Близкие аналогии мы находим в шаманистских верованиях эвенков-орочонов Приамурья. У них существовала группа подчиненных чужеродных духов дона. Это "заморские" духи неведомых стран, куда шаман "путешествовал" во время камланий или о которых слышал. Шаман "побеждал" этих духов или привлекал путем уговоров и задабриваний. К этим духам относились двуглавая птица бамул и другие фантастические птицы и животные. В этой роли могли выступать заимствованные у других народов или родов духи или божества [53, с. 77—79].

К жертвоприношениям третьего вида отнесены: Средне-Шайкино, материалы из нижнего слоя на уступе у восьмой плоскости [56, табл. 8, 1, 4, 9, 13—16], в гумусированной супеси у 10-й плоскости [56, табл. 8, 10, 12, 18; 15, 3, 4]; Копчил, материалы из трещины на скале [56, рис. 6, 7] и второго раскопа, заложенного у третьей плоскости; Кондуй 16 км, материалы раскопок во втором пункте (см. рис. 73; 74); Усть-Цорон, материалы второго раскопа, заложенного у 11-й плоскости (см. рис. 85); Бырка, материалы первого [56, табл. 53, 20; 79, 5, 10, 17, 18], второго [56, табл. 79, 2, 7; 80, 1, 3, 5, 16, 18], третьего [56, табл. 79, 3, 6, 8, 9, 11—15, 19, 21; 80, 2, 4, 6, 10—11, 13, 18, 19, 21, 27] и четвертого [56, табл. 79, 1, 20; 80, 7, 8, 12, 14, 15, 17] культурных горизонтов: Средняя Нюкжа, материалы, расположенные в верхней части желтой супеси третьего раскопа [87, табл. 5, 1, 2].

Четвертый вид жертвоприношений связан с посещением скалы с наскальными рисунками отдельными людьми: когда они проезжали мимо, обращались с просьбами и т.д. Жертвенники этого вида отличаются от вышеописанных. Они расположены бессистемно на более обширных участках, могут обнаруживаться поверх более ранних материалов жертвенников или в расщелинах, трещинах, на уступах скалы. Очищение их огнем встречается довольно редко. Зато в таежной зоне Верхнего Приамурья они сопровождаются стилизованными деревянными антропоморфными идолами мен-

тая, которые выполняют две функции: охраняют принесенные жертвоприношения от злых духов и служат посредниками между человеком и божественным хозяином скалы (см. рис. 54; 219; 220).

Жертвоприношения этого вида — явление позднее, они появились в Приамурье не раньше последнего тысячелетия (для территорий Прибайкалья и Западного Забайкалья — со второй половины I тыс. до н.э.) и широко распространились у народов Сибири и Дальнего Востока в этнографическое время. У тунгусов зафиксированы Г.М. Василевич, Д.К. Зелениным, Е.И. Титовым, А. Щекатовым, Семивским, Г.И. Спасским, И.Т. Савенковым [9, с. 63; 33, с. 63; 111, с. 156; 119, с. 179; 104, с. 152; 105, с. 168—169; 100] и другими исследователями. О почитании петроглифов современными бурятами писали Н.Н. Агапитов, М.Н. Хангалов, Б.Э. Петри, Т.И. Савенков, П.П. Хороших, С.П. Балдаев, Г.Л. Линхобоев и А.П. Окладников [1, с. 4; 116, с. 33—39; 7; 44; 75, с. 117—120].

В таежной зоне Приамурья у эвенков вплоть до современности скалы с наскальными рисунками почитаются и им приносят маленькие “жертвы” в виде патронов, монет, пуговиц, папирос, спичек и т.д. У них существуют предания, связанные с почитанием таких памятников. Одно из них рассказал проводник, эвенк Трофим Павлов, сопровождавший меня к гетканской писанице.

“Скала с рисунками по реке Геткан, — говорил он, — издавна считается у эвенков священной, только сейчас она не действует. А в старину она действовала, и когда охотник шел на охоту, он должен был подойти к этой скале и спросить у хозяина, сколько зверей он убьет на охоте. Если хозяин был благосклонен к охотнику, на скале появлялось столько новых животных, сколько охотник должен был убить. В то время каждый человек обязан был приносить этой скале жертвы. Сейчас же, хотя скала не действует, люди за прошлую ее доброту дарят ей всякие предметы.”

Есть объяснение и тому, почему ныне скала не действует. Указывая на большой камень, лежащий у основания писаницы, Трофим сказал: “Этот камень когда-то лежал на самой вершине скалы. Однажды один плохой человек решил собрать около скалы ее приношения. Когда он их собрал и хотел уйти, с вершины сорвался камень и придавил человека. Так он и остался лежать под камнем, но хозяин все равно очень рассердился на людей и покинул скалу”.

Наглядным доказательством почитания скал с наскальными рисунками могут служить жертвенники у памятника Средняя Нюкжа II, сооруженных в начале 40-х гг. По словам информаторов, в эти годы с р. Уркан прикочевал эвен-

кийский шаман из рода Ниноган Ростолов Александр Иванович, который и явился инициатором обряда нанесения петроглифов и строительства жертвенников (см. рис. 226—229).

К четвертому виду жертвоприношений нами отнесены: Бутиха, материалы из темно-гумусированной супеси [56, табл. 4, 1, 2]; Кара, материалы обнаруженные в завале [56, табл. 4, 8, 12, 14]; Средне-Шайкино, материалы первого горизонта раскопа у восьмой плоскости [56, табл. 13, 1—9, 11, 12, 15—26; 14, 1, 3—9, 11, 13—16, 19, 20, 25, 26]; Бараун Чулутай, материалы раскопа с юго-западной стороны скалы; Кондуй 16 км, подъемный материал второго пункта (рис. 73; 74); Малый Улистай, материалы, расположенные по углистому слою [56, табл. 53, 1—6; см. рис. 163; 164]; Геткан, средневековые и современные материалы, обнаруженные на поверхности у плоскостей и в расщелинах; Большой Онон, материалы, обнаруженные в расщелинах и на дневной поверхности у плоскостей; Арби, материалы верхней части темной гумусированной супеси [87, табл. 61, 1—8, 12—14], найденные в подъемном материале и расщелинах; Средняя Нюкжа, материалы из верхней части буровато-желтой супеси первого и второго раскопов [87, табл. 6, 1, 8, 10—12], из нижней части слоя буровато-желтой супеси третьего раскопа [87, табл. 5, 6, 8, 11; 6, 2—4, 9] и все артефакты, представленные в подъемном материале; Олёкма, материалы из дернового слоя и расщелин.

Второй тип жертвенников — в оградках — характерен для степной и лесостепной территории Восточного Забайкалья. Они имеют свою строго выдержанную архитектуру и расположены в одинаковых топографических условиях: у основания плоскостей с петроглифами или в основании террасы, на которой находится скала с рисунками.

Жертвенники второго типа представлены плиточными оградками прямоугольной формы размерами от 1,9 × 1,4 м до 5,7 × 3 м. Продольной стороной они ориентированы на восток, в редких случаях имеют небольшие отклонения к северу или югу. Строились оградки следующим образом. Вначале копался котлован прямоугольной формы глубиной от 0,4 до 1 м. В центре котлована выбиралась жертвенная ямка округлых (диаметром от 0,4 до 0,8 м, глубиной до 0,4 м) или эллипсовидных (размерами до 1,6 × 0,6 и глубиной до 0,4 м) очертаний. В жертвенную ямку клали жертвоприношение, а сверху перекрывали одной или несколькими плитами. Затем по контуру ямы вертикально устанавливали плиты и закладывали их камнем. Некоторые оградки имеют по углам возвышающиеся плиты со скошен-

ными под углом концами, которые по своему внешнему виду напоминают деревянных идолов-ментая.

Судя по всему, жертвенники в оградках возникли в начале среднего голоцена (радиоуглеродная дата для памятника Нортуй I 6734 ± 97 лет) и просуществовали до первой половины нашего столетия. В юго-западном Забайкалье такие жертвенники сохранились до настоящего времени. Работая в 1984 г. в долине Селенги у подошвы горы Бага-Заря, на которой расположены писанные камни, мы обнаружили плиточные оградки, в том числе современные. Они отличаются гораздо меньшими размерами, неглубокой забутовкой, свежими изломами камня и не имеют плиты перекрытия. Жертвоприношения в них укладывались на дно котлована и забутовывались камнем. Жертвенники в оградках представлены пятьюдесятью оградками на одиннадцати памятниках. За исключением двух памятников (Могойтуй и Нортуй I), они сосуществуют с грунтовыми жертвенниками. Материалы жертвоприношений в жертвенных ямках распределены следующим образом: три были вскрыты и не дали материалов (6 %); семь оказались пустыми, но, возможно, ранее в них материалы были (14 %); одна с охрой (2 %); две с украшениями (4 %); две с керамикой (4 %); 17 с каменными артефактами (34 %) и 18 — с фрагментами человеческого костяка (36 %) (из-за плохой сохранности и недостатка материалов у семи костяков пол не определен, семь оказались женскими, один — детским и три мужскими).

Анализ материалов жертвоприношений и расположение их в оградках показывает, что для жертвенников в оградках были характерны два ритуала расположения артефактов и два типа жертвоприношений (первичные и вторичные). Поэтому датировать жертвенную оградку необходимо только теми материалами, которые присутствовали при ритуале ее сооружения, а если их недостаточно, то ориентировочно наиболее ранними материалами из оградки.

Для первоначального, наиболее древнего ритуала характерно разнообразие жертвоприношений. В жертвенную ямку укладывали фрагменты человеческих костяков, украшения, каменные изделия, керамику, у плиты перекрытия жертвенной ямки или на нее — зубы коровы, каменные изделия, керамику.

По второму ритуалу в жертвенную ямку укладывали фрагменты человеческого костяка и в юго-восточном углу оградки — челюсти коровы, овцы, лошади. При обоих ритуалах жертвенные ямки и плиты перекрытия перед тем, как положить жертвоприношения, очищались огнем. Во всех жертвенных ямках и на плитах перекрытия встречаются мелкие зольные пятна и угольки от кустарников.

К первичным жертвоприношениям нами отнесены те, которые положены во время ритуала, а к вторичным — положенные в оградку в результате обрядов почитания. Они, как правило, расположены в забутовке или у стенок жертвенной оградки.

Особо следует остановиться на человеческих жертвоприношениях. Судя по всему, они появились на финальном этапе каменной индустрии и внедрении в производство первого металла. В это время уже сосуществуют два ритуала жертвоприношений при закладке жертвенных оградок.

Наиболее ранние человеческие жертвоприношения обнаружены во второй оградке памятника Усть-Цорон (см. рис. 95; 96), в пятой (см. рис. 117), четырнадцатой (см. рис. 140) оградках памятника Могойту и в шестой оградке памятника Калашниково (см. рис. 157—159). Общим для человеческих жертвоприношений раннего этапа является фрагментарность костяков, расположение их в жертвенной ямке в анатомическом порядке, ориентация в восточном направлении и определенный ритуал рассечения. От головы оставляли одни черепные коробки, отсеченные по глазницам и затылочной части. У трубчатых костей конечностей отсекались эпифизы. Кисти рук и стопы ног убирались. Все прочие укладываемые в ямку кости человеческого скелета подрезались.

Другая большая группа человеческих жертвоприношений представлена в четвертой (см. рис. 114), шестой (см. рис. 121; 122), седьмой (см. рис. 124), девятой (см. рис. 129), десятой, одиннадцатой (см. рис. 133—135) оградках памятника Могойту; первой (см. рис. 168), пятой (рис. 180), шестой, восьмой (см. рис. 184), девятой (см. рис. 187) оградках памятника Малый Улистый и в первой оградке памятника Нортуй II (рис. 214). Они отнесены нами к I тыс. до н.э. Для этого времени характерны два ритуала жертвоприношений с сохранением и всех ранее существующих особенностей человеческих жертвоприношений. Наблюдаются и вновь появившиеся элементы: от головы стали оставлять лицевую часть с верхней и нижней челюстями. При этом резцовые зубы намеренно выбивали, а коренные оставляли (см. рис. 134, 168). Эпифизы трубчатых костей чаще стали не отсекают, а надрезать. Бросается в глаза небрежное отношение к жертвенным костякам. Так, на памятнике Могойту в четвертой оградке отрубленная нижняя часть жертвенного костяка брошена поперек оградки (см. рис. 114), в седьмой оградке тазовая часть костяка вырублена и брошена вместе с фрагментом кости черепной коробки (см. рис. 122), и т.д. По суставным соединениям и расположению костей в жертвенных ямках мы

пришли к заключению, что фрагменты человеческих тел укладывали в жертвенники с мышцами.

Стабильное топографическое расположение по отношению к скалам с наскальными рисунками, устойчивость ритуалов и обрядов при жертвоприношениях, разнообразие жертвоприношений и их традиционность свидетельствуют о том, что рассматриваемые плиточные оградки являются одним из типов жертвенников, связанных с петроглифами.

Рассматривая жертвенные места у петроглифов Приамурья и Восточного Забайкалья, необходимо остановиться на средневековых захоронениях у плоскостей с наскальными рисунками на памятниках Копчил, Усть-Цорон, Малый Улистай и в десятой оградке Могойтуй. Ориентация черепов на запад, фрагментарность костяков (во всех случаях отсутствовали лопатки, позвонки, тазовые и часть трубчатых костей), нарушение трубчатых костей дают возможность предположить, что подобные захоронения являются жертвоприношениями скалам с наскальной живописью. Очень близким по ритуалу к захоронениям был принесен в жертву бархотуйский сосуд с охрой на памятнике Усть-Цорон у 11-й плоскости.

Подводя итоги необходимо отметить, что места с расположением петроглифов являются, по-видимому, святилищами, которые отражают один из компонентов поэтапного развития духовной культуры древнего человека.

Г л а в а V

ХРОНОЛОГИЯ ПИСАНИЦ

Прежде чем использовать наскальные рисунки в качестве исторического источника, необходимо определить, по возможности, наиболее точную дату их появления на скалах. В наших работах, вышедших в 1970—1986 гг. [42—56, 87], мы неоднократно касались этой проблемы, но за почти двадцатилетний срок с начала подготовки данного издания количество источников существенно возросло, что позволяет в ряде случаев оценить их на новом интерпретационном уровне. Вместе с тем, хронология писаниц Приамурья и Восточного Забайкалья, несмотря на увеличение объема материала и появление качественно новых источников, остается, за малыми исключениями, практически на прежнем уровне.

Как было показано выше, в последние годы при изучении наскальных изображений Приамурья и Восточного Забай-

калья выяснилось, что они практически все сопровождаются жертвенниками, ранние слои которых соответствуют появлению первых рисунков на памятнике. Датировка рисунков по жертвенникам даст целостное представление о петроглифах, позволяет получить совершенно неожиданные результаты в периодизации, определении стиля и тематики изображений. К тому же, отработав хронологическую схему датировки петроглифов жертвенниками, путем стилистического сравнения можно будет датировать большую часть наскальных рисунков смежных и сопредельных территорий, период возникновения которых неясен.

Определяющим моментом в датировке представленных нами писаниц являются материалы жертвенных мест, расположенных у плоскостей с наскальными рисунками. Кроме того, использованы ранее выработанные А.П. Окладниковым методы определения хронологии: стилистическое сопоставление с орнаментацией на сосудах, скульптурах, с гравировками, найденными при раскопках в поселениях и могильниках Сибири и Дальнего Востока; нанесение одних рисунков поверх других, более ранних; анализ расположения фигур на плоскостях; стилистическое сравнение петроглифов с другими изображениями на рассматриваемой территории, имеющими надежные основания для датировки [74—91].

На первый взгляд, казалось бы, имеются все предпосылки для надежной датировки петроглифов. Но определение их хронологии затрудняется тем, что в археологическом плане рассматриваемый район практически не изучен. Имеющиеся публикации А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, Ю.С. Гришина, И.И. Кириллова, Е.В. Ковычева и ряда других исследователей в основном касаются лесостепных районов, т.е. окраин рассматриваемой нами территории, к тому же они имеют большие временные пробелы. По этой причине зачастую приходится искать археологические параллели найденному материалу в смежных районах.

Памятники позднего плейстоцена и раннего голоцена

Писаницы рассматриваемого периода сопровождаются только грунтовыми жертвенниками. Наиболее ранние палеолитические рисунки расположены в бассейне р. Верхняя Борзя на перевале между ключами Ноготуй и Дровяной у с. Бырки. Особенностью этих рисунков является то, что они находятся не в пещерах, а на открытых скальных выходах (см. рис. 32; 33).

Быркинские наскальные рисунки нанесены на 20 плоскостей. По стилистическим особенностям нанесения и оттенкам краски изображения разновременные. Предполагаемые палеолитические рисунки нанесены на двух плоскостях, сохранность рисунков удовлетворительная.

На первой плоскости с палеолитическими наскальными рисунками по цвету краски, манере написания и расположению можно выделить пять разновременных групп рисунков. К наиболее древним относятся 11 изображений бизонов. Они занимают центральное место на плоскости. Эти изображения объединяются в одну композицию и принадлежат кисти одного художника. Рисунки поражают динамизмом. Подчеркнуты специфические черты бегущих бизонов — приопущенные, устремленные вперед головы, широко расставленные ноги и отброшенные назад хвосты (см. рис. 34).

Ко второй группе рисунков на рассматриваемой плоскости относятся два изображения носорогов, расположенные чуть выше стада бизонов. Выполнены они темно-красной охрой, оттенки которой отличаются по цвету от изображений остальных групп. У одного изображения носорога сохранилась только задняя часть туловища с хвостом и ногой, второе — хорошей сохранности. Животное нарисовано в профиль. У него массивное туловище, высокая холка, короткая шея. Небольшим утолщением выделена длинная голова с клинообразным рогом на конце, который как бы пронизывает изогнутую линию, имеющую пять островков. Сверху у носорога показан еще один рог (см. рис. 36). Изображение носорога имеет большое значение для датировки рассмотренных наскальных рисунков, так как это животное относится к сугубо плейстоценовой фауне и вымерло в Северной Азии раньше, чем бизон и бык. Современные исследования показывают, что в Западном Забайкалье носорог вымер 12 тыс. лет назад [6, с. 119], а в Южной Якутии — 18 тыс. лет [64, с. 221]. Опираясь на эти факты, можно сделать заключение, что наскальные рисунки первой и второй групп на первой плоскости выполнены не позднее 12 тыс. лет назад. К этому же периоду относится и единичное изображение бизона на второй плоскости быркинской писаницы (см. рис. 35).

Следует заметить, что в археологической литературе устоялись не совсем верные, на наш взгляд, традиции относить к палеолитическим наскальным рисункам, и то с большими оговорками, только те изображения, на которых показана вымершая плейстоценовая фауна, а о раннеголоценовых рисунках вообще не идет речи. Но ведь в плейстоцене существовали, наряду с вымершими теперь, такие представители фауны, которые дожили до наших дней, — север-

ный олень, изюбр, лось и др. Они были объектами охоты, их костные останки часто обнаруживают в палеолитических памятниках. Поэтому их изображения вполне могут присутствовать и на палеолитических писаницах. В этом плане большой интерес представляют третья и четвертая группы изображений на первой плоскости быркинской писаницы и нюкжинские наскальные рисунки. Нюкжинские петроглифы содержат две разновременные группы рисунков. Наиболее древние нанесены темно-красной охрой, оконтуренные изображения полностью залиты краской. Здесь мы видим животных, пасущихся, стоящих в спокойной позе, поднимающихся вверх, спускающихся вниз, маток оленей, стоящих с телятами, сцены магической охоты и разнообразных зооморфных существ, а также групповые и одиночные изображения людей [87, табл. 7 (I); 8 (I—II)]. Рисунки второй группы выполнены контурными линиями более светлой охрой, а сюжеты гораздо разнообразнее. Здесь изображены загонная охота с луком, сцены, включающие рисунки, напоминающие солярные знаки, животные, стоящие в спокойной позе [87, табл. 7 (II); 9 (I—II); 10 (I—II)].

На скале над плоскостями с наскальными рисунками нюкжинских петроглифов был обнаружен жертвенник (см. рис. 53). Слой с его материалами расположен поверх гранитной плиты, на которой сохранилась передняя часть изображения животного с массивной головой параболической формы, с клиновидным шипом на конце. По стилистической манере изображение аналогично части рисунков второй группы этого памятника (см. рис. 225).

Обнаруженные в культурном слое орудия труда отличаются архаичностью. Это скребловидные орудия округлых, эллипсовидных, треугольных и трапециевидных форм, одно нуклеовидно-скребловидное орудие, торцовый нуклеус гобийского типа, угловой резец, 128 отщепов и фигурка животного (см. рис. 217, 1; 223; 224).

Наскальные рисунки нюкжинского памятника и комплекс вещей из культурного слоя жертвенника принадлежат к одному периоду. Это подтверждается следующими фактами. Во-первых, комплекс вещей жертвенника расположен поверх плиты с изображением животного, близким по своим стилистическим особенностям к рисункам второй группы на скале. Во-вторых, в культурном слое встречены куски охры и охристые пятна. В-третьих, многие отщепы и скребла во время приготовления краски для нанесения на скалу были испачканы охрой. Некоторые из них сохранили охристые отпечатки пальцев (см. рис. 224).

Комплекс вещей из нюкжинского жертвенника находит аналогии в материалах дюктайской культуры, возраст кото-

рых не менее 10,5 тыс. лет [64, с. 5—90]. Такого же мнения относительно материалов жертвенника придерживается и Ю.А. Мочанов.

Третья группа изображений быркинских петроглифов (олень, круги, пятна и линии) окружает или вклинивается в ранее нанесенные изображенные бизонов и носорога [56, табл. 72, 4, 6—10, 12, 13, 15, 19, 20, 25, 28, 32, 33, 36]. По манере нанесения и тематическим особенностям эти изображения сближаются с первой группой рисунков нюкжинских петроглифов. В сходной манере нарисован олень с высоко поднятой головой, ветвистыми длинными рогами, почти прямоугольным вытянутым туловищем, расставленными короткими ногами. Древний художник, воспользовавшись, как и на нюкжинских писаницах, более ранними изображениями, перед животными, под ними или вокруг них нанес круги (у одного бизона окружность очерчена поверх рога, что подтверждает разновременность рисунков).

Рисунки четвертой группы быркинских петроглифов нанесены выше описанных ранее. По стилистической манере и тематике они близки ко второму пласту рисунков нюкжинского памятника. Изображения нанесены сплошными контурными линиями. Головы у животных параболоидной формы, туловища почти прямоугольные, чуть закругленные, уши показаны небольшими треугольными выступами. Зоо- и антропоморфные фигурки, преследующие животных, нанесены сплошными линиями. Изображения окружены красочными пятнами и линиями [56, табл. 72, 1—3, 5, 11, 34].

Необходимо отметить, что все четыре пласта рисунков на Бырке и нюкжинские петроглифы объединены стилистическим и тематическим единством. Укладываются они в четыре разновременные хронологические группы, возраст их — от 10,5 до 12 тыс. лет.

О наличии палеолитических рисунков на быркинской писанице свидетельствует комплекс вещей, обнаруженных в пятом культурном горизонте жертвенника; он находит себе аналогии в позднплейстоценовых памятниках Сахалина (Такое II) и Хоккайдо (Татикава), в которых двусторонние остроконечники и ножи с выделенной рукояткой являются определяющими элементами докерамических стоянок, возраст которых 12 тыс. — 8,5 тыс. лет [9, с. 71—80]. Пока не имеет себе аналогий нож из бивня мамонта. Он эллипсовидной формы, длиной 8,1 см, шириной 2,6 см. По центру нож имеет с обеих сторон выемки, по всей вероятности, для зажима в рукоять [56, табл. 53, 19].

На основании материалов жертвенника к раннеголоценовым памятникам относится и бутихинская писаница. На двух плоскостях с рисунками, отнесенными к одному вре-

мени, изображены сцены охотничьей магии. На первой плоскости во всю длину нанесены вертикальные сплошные линии. Слева мы видим бегущее животное, овальное пятно и стилизованное изображение летящей птицы. Справа изображены стоящие в спокойной позе три кабана, изюбр и бегущий им навстречу человек с луком. На второй плоскости нарисованы изюбры, стилизованная фигура птицы, вертикальные сплошные линии и овальные пятна (см. рис. 3—5).

У плоскостей с бутихинскими петроглифами обнаружен трехслойный жертвенник. Наибольший интерес представляют материалы третьего культурного горизонта. В нем обнаружены долотовидное орудие, шесть ножевидных пластин, два подработанных отщепы, наконечник стрелы иволистной формы, изготовленный из ножевидной пластины, с подправкой вкруговую со стороны брюшка и 22 наконечника стрел с черешковым насадом, изготовленные из ножевидных пластин. У наконечников мелкой струйчатой ретушью со стороны брюшка подправлены с обеих сторон жало и крутой ретушью — с одной стороны насад [56, табл. 5, 1—21].

Наконечники, изготовленные из ножевидных пластин, довольно широко распространены в каменной индустрии Сибири и Дальнего Востока. Анализируя аналогичные наконечники и сопутствующие им материалы, А.П. Окладников пришел к заключению, что они относятся к раннему голоцену, и выделил их в Хиньский этап [72, с. 157—164]. Этому заключению не противоречит и радиоуглеродная дата, полученная в лаборатории Дальневосточного государственного университета ($10\ 912 \pm 198$ лет).

К ранним рисункам необходимо отнести две группы изображений среднешайкинских петроглифов, выполненных бордовыми сплошными линиями с заливкой по контуру. Первая группа включает изображения двух лошадей с приподнятыми головами и прогнутыми туловищами. Ноги их широко расставлены, хвосты отброшены. Своим динамизмом они напоминают скачущих бизонов на быркинских петроглифах [56, табл. 12 (III)]. Вторая группа рисунков по стилистическим особенностям находит близкие параллели среди наскальных рисунков второй группы и изображений в нюкжинских петроглифах на плите, перекрытой материалами жертвенника.

Изображения животных расположены по вертикали, вверх и вниз головой, под углом, уши и рога у них не показаны, головы параболоидные. Древний человек наносил эти изображения как бы в два приема: вначале голову и туловище, затем подрисовывал ноги. Это одна из характерных особенностей ранних этапов наскального искусства таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья. По внеш-

ним признакам трудно определить, каких животных пытался изобразить художник. Головы у них приопущены, туловища длинные и массивные, ноги непропорционально короткие. У двух фигур на среднебайкинской писанице и на плите из нюкжинского жертвенника на конце морды подтреугольные выступы [56, табл. 7 (IV); 9 (IV); 10 (III)].

На древность рассматриваемых рисунков указывают артефакты из нижнего культурного горизонта, обнаруженного у десятой плоскости. В слое желтого суглинка найдены пять одноплощадочных заготовок нуклеусов с хорошо выраженными ребрами для зажима при снятии пластин. По разнообразию форм они близки к сериям обычных торцовых нуклеусов, выделенных М.В. Константиновым в мезолитической культуре типа Студеного-1 (10—13-й горизонты) аналогичных стоянок в Прибайкалье, Забайкалье и Монголии, возраст которых 10,8 — 7,0 тыс. лет. Характерно, что именно в начале этого периода из состава фауны полностью исчезает носорог [6, с. 105—109, 118—122].

Изложенные материалы позволяют сделать следующие выводы. В плейстоцене основным объектом промысла были крупные животные и животные, ведущие стадный образ жизни. В одиночку человек не мог добывать их, охота была коллективной. И в наскальных рисунках таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья ведущее положение занимает зверь, служивший основным источником существования: носорог, бизон, лошадь и т.д. Но в конце плейстоцена — начале голоцена изменились климатические условия, сменились и объекты промысла. Происходит подъем материальной культуры, ломка мировоззрения человека. Этот период в наскальном искусстве характеризуется появлением изображений современной голоценовой фауны, человека-охотника со своими духами-помощниками в зоо-, зооантропоморфном и птицеобразном обликах.

Памятники эпохи неолита и раннего металла

Петроглифы периода неолита и раннего металла делятся на две группы, резко различающиеся по стилистическим особенностям и тематике. Один стиль доминирует по всей территории таежной зоны района, второй распространен только в лесостепи Восточного Забайкалья. Назовем их условно таежным и степным. Складывание двух локальных культур в раннем неолите Забайкалья по археологическим памятникам отмечает и И.И. Кириллов. Писаницы таежного стиля сопровождаются только грунтовыми жертвенниками, степного — грунтовыми и в плиточных оградках.

Таежный стиль. Наиболее ранним памятником таежного стиля можно считать петроглифы первой и второй групп памятника, расположенного у бывшего пос. Средняя Нюк-жа.

К первой группе относится реалистически выполненное изображение оленя, занимающее центральное место на плоскости. Недаром рядом с оленем нарисовали шамана, совершающего магический обряд. Полное первоначальное изображение оленя не сохранилось: древние люди, которые оставили изображение шамана и рисунки, входящие в третью группу, подправили и голову животного (см. рис. 47).

Изображения второй группы в отличие от остальных трех выполнены красной охрой. Здесь мы видим животных, солярные знаки и зооантропоморфные многоликие существа [87, табл. 1, 53, 54, 59, 64, 67—79]. По стилистической трактовке животных эти изображения близки позднелепесточеновым и раннеголоценовым (животные с параболическими головами, очерченными как бы одним взмахом руки вместе с туловищем). Их древность подтверждает и нижний слой жертвенника.

Среди жертвоприношений интерес представляют одноплощадочный торцовый нуклеус, ножевидная пластина с ретушью на конце, два скребловидных орудия, изготовленных из грубых ножевидных пластин, и нож, изготовленный из отщепы [87, табл. 4, 3; 5, 14—18]. Данные орудия находят себе аналогии в комплексе вещей из VII культурного слоя стоянки Белькачи I и в материалах памятников сылахаской культуры [3, с. 49—59, 144—165; табл. 13—16].

По особенностям стиля и тематике вторая группа наскальных рисунков средненюкжинских петроглифов близка к изображениям на 15-й плоскости быркинского памятника. Все стилистические особенности изображения животных на них характерны и для раннего голоцена. К тому же в четвертом культурном горизонте быркинского жертвенника обнаружены артефакты, аналогичные исаковскому этапу Прибайкалья.

Эталоном петроглифов таежного стиля для позднелепесточического времени является памятник у р. Геткан. Здесь сохраняются все ранне-неолитические традиции изображения животных, прослеживаются и новые тенденции. Появляются изображения животных с клинообразными головами, животные, нарисованные сплошной линией, и совершенно новые образы — символ вселенной в виде круга с вписанным крестом, свернутые в клубок змеи. Изображения людей гораздо разнообразнее: люди преследуют зверя, танцуют, взявшись за руки, или совершают магические обряды (см. рис. 40—42) [87, табл. 48—50].

Гетканские петроглифы и скребловидные орудия, обнаруженные в культурном слое жертвенника [87, табл. 51, 1—4, 8], датируются III тыс. до н.э. Скребловидные орудия, изготовленные из массивных ножевидных пластин, аналогичны неолитическим памятникам Верхнего Амура, Якутии и Северного Сахалина [78, с. 26, рис. 13, 38; 40, с. 93, рис. 7, 5, 7, 12—14, с. 95, рис. 8, 1—8; рис. 11, 2; 113, с. 117, рис. 41, 1—8; 63, с. 237, табл. 31, 9, 26; 32; 39, 6, 7, 9; 118, с. 164; рис. 1, 11, 13, 15, 17—20; рис. 8, 4].

В позднем неолите в наскальном искусстве Приамурья появляется новая стилистико-тематическая тенденция, которая прослеживается вплоть до рубежа нашей эры. С этого времени в таежных петроглифах сосуществуют два стиля, оформившиеся во II тыс. до н.э. В дальнейшем мы будем условно называть их оленеводческим и охотничьим. Территориально оленеводческие петроглифы связаны со средним течением Олёкмы и левобережными притоками Амура, охотничьи — с бассейном р. Шилки и верховьями левых притоков Аргуни.

Оленеводческие петроглифы сохраняют неолитические традиции в написании животных и антропоморфных фигурок, но при этом на них появляются оленеводческие сцены. Наибольший интерес здесь представляют наскальные рисунки, обнаруженные ниже устья р. Укурум на левом берегу Олёкмы, по р. Большой Онон, и четвертая группа рисунков средненюкжинского памятника. На этих петроглифах мы видим человеческие фигурки, лодки с антропоморфными существами, солярные знаки, животных, людей, едущих на животных и ведущих их в поводу. По богатству сюжетов олeneводческие петроглифы гораздо выразительнее предшествующих неолитических. На них появляются магические сцены с солярными ладьями, отражено возникновение животноводства (см. рис. 51; 52; 56—58); [87, табл. 2; 3; 12; 13; 47 (II)].

При датировке этих памятников немаловажную роль играют изображения солярных лодок и антропоморфных фигурок в сидячих или танцующих позах. Такие изображения очень часто встречаются в памятниках Евразии и датируются в основном II — началом I тыс. до н.э. [76, с. 95—109; 79, с. 71—110; 77, с. 129—139; 97, с. 124—132; 96, с. 113—118; 114, с. 102—110; 58, с. 48—52; 28, с. 36—51].

Комплекс вещей из жертвенников этих памятников содержит скребловидные орудия из отщепов и ножевидных пластин. Наконечники стрел удлинненно-треугольной формы с дугообразной выемкой у основания [87, табл. 5, 1, 2, 10—12; 14, с. 1—16; 51, с. 5—7]. Близкие аналогии мы находим в поздненеолитических культурах Якутии [74, с. 95,

103, 117, 125; 113, с. 143—145; 63, с. 185—197], Чукотки [28, с. 39], памятниках глазковского времени Прибайкалья и в культурном слое Шилкинской пещеры, датированных второй и третьей четвертями II тыс. до н.э. [73, с. 62, 102, 137, 214, 215, 226; 78, с. 19—20, 26].

К неолитическим наскальным рисункам охотничьего стиля относятся изображения лосей на седьмой плоскости усть-цоронских петроглифов. Это первые реалистически выполненные рисунки лосей на изучаемой территории (см. рис. 191). О неолитическом возрасте изображений свидетельствуют нанесенные поверх этих рисунков антропоморфные фигурки с рожками на голове, датируемые ранним металлом, и артефакты нижнего слоя первого раскопа. В нем обнаружены двусторонне ретушированный, удлинненно-треугольной формы кремневый наконечник стрелы с дугообразной выемкой в основании и шесть фрагментов керамики с мелкими отпечатками материи, типичной для амголонского этапа Забайкалья [91, с. 158—161]. Неолитический возраст наиболее ранних рисунков на памятнике Усть-Цорон подтверждают и материалы, обнаруженные в жертвенных оградках.

В первой жертвенной оградке обнаружены бусы, концевой скребок, торцовый нуклеус гобийского типа и шесть фрагментов керамики с мелкими отпечатками материи (см. рис. 78, 6, 7; 89, 1, 2). Для хронологии материалов оградки особое значение имеет торцовый нуклеус, который в Восточном Забайкалье не встречается позже будаланского этапа неолита [91, с. 144—149].

Характерный признак следующего этапа развития охотничьего стиля в наскальной живописи — появление антропоморфных фигурок без рук и фигурок с рожками на голове. Эти фигурки встречаются в группе рисунков Бараун Чулутая, второй группе рисунков Средне-Шайкино, второй группе рисунков Усть-Цорона, пятой — Бырков, петроглифах Бараун Кондуя I, Цорона II, Копчила и Калашникова.

Наиболее интересная деталь, которая позволяет датировать анализируемые рисунки, — это рожки на голове антропоморфных существ. Данная деталь хорошо известна и встречается в наскальных изображениях бассейнов Томи, Ангары, Лены, на территории Урала и Забайкалья. Рогатые антропоморфные существа встречаются и на керамических изделиях. Датируются они II тыс. до н.э. [99, с. 202—204; 87, с. 98; 59, с. 287—290; 60, с. 266—269]. Безрукие антропоморфные фигурки также находят параллели со скульптурами глазковского времени в могильниках Прибайкалья: Братский камень, Верхоленик [73, с. 290, 293], Шумилиха [106, с. 38—46].

На петроглифах рогатым и безруким антропоморфным фигуркам сопутствуют бессистемные и систематизированные скопления округлых пятен, вертикальные сплошные линии, сплетения сплошных линий, волнистые линии, антропоморфные фигурки, расположенные в фас и профиль, стилизованные лодки с гребцами, окружности, Х-образные знаки, летящие и бегущие птицы, контурные изображения животных и личины. Комплекс вещей из жертвенников у петроглифов охотничьего стиля — двусторонне ретушированные вкладыши для ножей и ножи подтреугольной формы, изготовленные из отщепов, скребки концевые, дисковидные, двусторонние, скребки-проколки, изготовленные из отщепов и ножевидных пластин, двусторонне ретушированные наконечники стрел, срединные резцы из отщепов, двухплощадочные нуклеусы, ножевидные пластины, керамика с отпечатками шнура — находят аналогии в памятниках позднего неолита и бронзы по Ингоде, Онону, Аргуни и Шилкс и сохраняются до конца III тыс. до н.э. Керамика с мелкими отпечатками ткани появляется на рассматриваемой территории в среднем неолите; к середине II тыс. до н.э. она полностью вытеснена. Трехлопастные втульчатые наконечники стрел и полушаровые бронзовые пуговицы с отпечатками вставок для проушин характерны для Восточного Забайкалья на протяжении первой половины I тыс. до н.э. [82, с. 197—201; 73, с. 286—288; 91, с. 159—161, 164—168].

На основании материалов из жертвенников копчилские и калашниковские петроглифы следует датировать не позднее первой половины II тыс. до н.э. К этому же времени нужно отнести наскальные рисунки первого пункта писаницы Кондуй 16 км, в жертвеннике которой обнаружен одноплощадочный конический и многоплощадочный нуклеусы и керамика с мелкими отпечатками материи. По своей тематике рисунки этого памятника отличаются от петроглифов охотничьего стиля, но материал жертвенников, особенно керамика с мелкими отпечатками ткани, ставят их по времени в один ряд.

Обнаруженные бронзовые изделия позволяют датировать среднешайкинскую писаницу периодом не позднее первой половины I тыс. до н.э., а вторую группу рисунков Усть-Цорона, пятую группу Бырков, рисунки Бараун Чулутая и Цорона I можно датировать промежуточным временем — от первой половины II тыс. до н.э. до середины I тыс. до н.э. [56, с. 110—112].

Степной стиль. Наскальные рисунки степного стиля представлены пятнадцатью памятниками, в десяти из которых раскопаны жертвенники. Специфическая черта петроглифов этого стиля — антропоморфные фигурки, распо-

~~женные цепочками, оградки, заполненные рядами округлых пятен, и систематизированные ряды, состоящие из округлых пятен. Хронология их определяется на основании материалов из жертвенников и стилистического сравнения.~~

~~К наиболее ранним памятникам степного стиля относятся петроглифы Урулунгуй I, Нортуй I и Дровяной. На них мы видим оградки с выписанными по контуру антропоморфными фигурками, птиц, змееобразных существ, животных, ряды округлых пятен, антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и цепочками [56, табл. 59; 57 (III); 62; 70 (II)]. У некоторых антропоморфных фигурок между головами нанесены округлые пятна. Наиболее интересны изображения антропоморфных фигурок, у которых к рукам подрисованы длинные сплошные линии, округлые пятна, и стилизованные изображения животных.~~

Жертвенник петроглифов Урулунгуй I состоял из трех культурных горизонтов. Наиболее древний, третий, содержал рубящее орудие, двухплощадочный призматический нуклеус и заготовку для двухплощадочного нуклеуса [56, рис. 30—32]. Данные артефакты по материалу, его формам и традициям обработки находят аналогии только в комплексе вещей памятника Новопетровка II, датируемого VI—V тыс. до н.э. [17, с. 32—109]. Этому возрасту памятников Урулунгуй I, Нортуй I, Дровяной не противоречат и материалы жертвенников: у писаницы Дровяной обнаружена керамика с отпечатками перевитого шнура, а у Нортуй I — дисковидный нож (см. рис. 199), угловой резец, изготовленный из кремня (см. рис. 150, б) и радиоуглеродная дата (6734 ± 97 лет).

На основании материалов жертвенников к развитому неолиту искусства степного стиля отнесен памятник Цорон III. На нем изображены бессистемные скопления и систематизированные округлые пятна, животные, антропоморфные фигурки, бегущие поодиночке, друг за другом и расположенные цепочками, птицеобразное существо и сплошные линии. Новая деталь — антропоморфные фигурки с выставленными вперед ухватаобразными руками и антропоморфные фигурки, державшие в руках щиты или луки [56, табл. 34—39].

Датирующий элемент жертвенника цоронских петроглифов — клиновидный торцовый нуклеус гобийского типа. В Забайкалье и Верхнем Амуре они появляются в палеолите и исчезают в среднем неолите. Таким образом, памятник Цорон III необходимо датировать не позднее начала III тыс. до н.э. Этой дате не противоречит комплекс из жертвенника [91, с. 51—58, 136—140, 144—149; 6, с. 93—117].

К наскальным изображениям раннего металла отнесены выполненные красной охрой рисунки памятников Малый Улистай, Могойтуй, Нортуй II, Казачий III, Казачий IV. На них представлены систематизированные ряды округлых пятен и антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и цепочками, многие с крылообразными руками и фаллосами [56, табл. 52 (I—II); 48 (IV—VII); 50 (I—IV); 60 (I); 63 (I—II)].

Жертвенные материалы, обнаруженные у плоскостей с наскальными рисунками, — керамика с мелкими отпечатками материи, перевитого шнура и рассеченными наlepными валиками [56, рис. 5, 3, 4, 5, 9, 11, 12], округлый нож-скребок (см. рис. 89, 4), призматический двухплощадочный нуклеус (см. рис. 118, 4), конический нуклеус (см. рис. 118, 3) и ряд других материалов — позволяют датировать рассматриваемые петроглифы не позднее первой половины II тыс. до н.э. [91, с. 165—166].

В связи с рассмотрением наскальных рисунков степного стиля возникает вопрос о генезисе духовной культуры плиточников. Судя по особенностям стилистики и сюжетов соответствующих памятников наскального искусства, датированных по сосудам-триподам, а также по синхронным им артефактам, и на основании сравнения этих памятников с более ранними мы считаем, что культура плиточников автохтонна и явилась результатом развития предшествующих культур. Ее зарождение связано если не с неолитом, то с ранними этапами появления металла, когда на петроглифах появляются безрукие антропоморфные фигурки и фигурки с рожками на голове. Плиточникам в наскальном искусстве присущи элементы как степного, так и охотничьего стилей.

К памятникам, датированным по сосудам-триподам, относятся выполненные малиновой и ярко-красной охрой петроглифы Копчила, второго пункта с рисунками Кондуй 16 км, первого пункта памятника Бараун Кондуй II, вторая группа рисунков в местности Могойтуй и выполненные вишневой охрой изображения на писанице Малый Улистай. Эти композиции близки по стилистическим особенностям и тематике и составлены из изображений округлых пятен, мазков, антропоморфных фигурок, стоящих поодиночке и цепочками, зооантропоморфных змееобразных существ, животных и фигурок, напоминающих цифру 1.

Такие элементы этих петроглифов, как антропоморфные фигурки, выстроенные цепочками, подрисовка к рукам людей сплошных линий, присущи степному стилю, а бегущие антропоморфные фигурки со звериными головками — охотничьему.

По материалам жертвенника временем плиточников датируются наскальные рисунки Маргуцека. Это скопления округлых пятен, изображения животных, антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и цепочками. В маргуцекской писанице сохраняются прежние традиции в изображении животных, антропоморфных фигурок с крылообразными руками и преувеличенных размеров фаллосами [56, табл. 54—56; 57 (I)].

Датирующие элементы в маргуцекском жертвеннике — бронзовая пуговица со спиральным орнаментом и трехлопастный втульчатый наконечник стрелы, которые дают возраст писаницы — не позднее середины I тыс. до н.э. Этой дате не противоречат и сопутствующие материалы [91, с. 163—168].

Итак, рассмотрев петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья эпохи неолита и раннего металла, мы установили, что по стилистическим особенностям и сюжетам начиная с раннего неолита они четко делятся на два стиля — таежный и степной. Не позднее конца неолита в таежный стиль вклинивается свежая стилистико-тематическая волна. С этого момента таежный стиль подразделяется на охотничий и оленный. Если памятники оленного стиля обнаруживают стилистические связи с ранними наскальными изображениями таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья, то писаницы степного и охотничьего стилей, несмотря на широкое распространение, таких связующих звеньев не имеют. Охотничьи петроглифы своими корнями уходят в неолит и глазковское время Прибайкалья, а происхождение памятников степного стиля остается пока загадочным.

Особо хотелось бы остановиться на человеческих жертвоприношениях. Впервые в Приамурье они соседствуют с наскальными рисунками охотничьего стиля на памятнике Усть-Цорон, датированном началом позднего неолита. На рубеже II тыс. до н.э. они сопутствуют наскальным рисункам как охотничьего (Калашниково), так и степного (Малый Улистай, Могойтуй, Нортуй II) стилей. К середине I тыс. до н.э. человеческие жертвоприношения фиксируются только в памятниках наскального искусства степного стиля (Кондуй 16 км, Могойтуй, Малый Улистай). С памятниками таежного стиля человеческие жертвоприношения не встречаются.

Памятники раннего железного века и средневековья

Период со второй половины I тыс. до н.э. до позднего средневековья включительно в наскальном искусстве таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья характеризу-

ется существенными переменами. Исчезают полностью памятники степного и охотничьего стилей. Появляется совершенно новая стилистическая манера в написании рисунков. Основной ее признак — изображение мифологических сцен и змееобразных существ с открытыми пастьми и небольшими ножками. Ареал распространения этих петроглифов охватывает лесостепные участки низовьев Шилки и долины Амура от слияния Шилки с Аргунью до Кумар. Условно назовем их петроглифами мифического стиля. В это же время продолжают существовать оленные петроглифы. Ареал их распространения расширяется, на востоке они доходят до бассейна Архары, на западе и юго-западе фиксируются в таежных участках бассейна Шилки и верховьях левобережных притоков Аргуни.

Наиболее ранний памятник с мифологическим сюжетом, расположенный по р. Каре, содержит ряды округлых пятен, вертикальные сплошные линии, голову животного, стилизованное изображение летящей птицы, антропоморфные фигурки без рук, бегущие антропоморфные фигурки с выставленными вперед руками и фаллосами; у некоторых фигурок — стилизованные звериные головки. Особый интерес в этом памятнике представляет сцена, изображающая мифическое змееобразное существо с повисшим хвостом, лежащее на головах трех антропоморфных фигурок [56, табл. 6; 7 (I—III)].

В нижнем слое жертвенника карских петроглифов, синхронном наскальным рисункам, обнаружены три бронзовые пуговицы со следами вставок для ушка [56, табл. 4, 9—11], два костяных наконечника стрел с насадом [56, табл. 8, 6—7], двусторонне ретушированный иволистой формы наконечник стрелы из темного кремня [56, табл. 4, 7]. Сравнительный анализ материалов жертвенника с аналогичными артефактами из памятников Сибири и Дальнего Востока позволяет установить нижнюю границу датировки наскальных рисунков по р. Каре — не позднее середины I тыс. до н.э. [91, с. 163—168; 14, с. 30—31; с. 74, 195].

Расцвет мифического стиля фиксируется в наскальной живописи арбинских петроглифов. Здесь мы видим сцены, главными персонажами которых являются зооморфные и змееобразные существа, а человек и животные играют второстепенную роль. Композиции чаще всего включают две-три фигуры и изображают борьбу змееобразных существ между собой или зооморфных существ со змееобразными. Здесь же изображены животные, стоящие на змееобразных существах, зооморфное существо, которое собирает проглотить шар. Характерная черта этих изображений — раск-

рытые пасти у животных, змееобразных, антропо- и зооморфных существ [87, табл. 52—60].

У плоскостей с наскальными рисунками арбинских петроглифов в нижней части гумусированной супеси жертвенника располагались две плитки с рисунками. На одной из них изображены стоящие в ряд человечки, на второй — животное. Плитки были обложены трубчатыми костями лося, а на них лежали цилиндрическая кремневая бусина с отверстием посередине, железный наконечник стрелы иволистных очертаний с насадом, костяной игловидный наконечник стрелы и монета времени Ван-Мана [14-й г.н.э. — А.А. Быков]. Обнаруженные вещи находят аналогии в памятниках раннего железного века Якутии и в изделиях из кости, найденных в Шилкинской пещере, но нигде пока точно не датированы. По этой причине изделия, лежавшие по соседству с монетой, мы можем датировать I в. н.э., а арбинскую писаницу (см. рис. 221, 222) — рубежом нашей эры.

Арбинские петроглифы по стилю и сюжетам находят аналогии среди наскальных рисунков, обнаруженных около пос. Смирновка, рек Калиновки и Джалинды в долине Амура [87, табл. 62—65].

К наскальным рисункам раннего железного века оленного стиля относятся памятники, расположенные в бассейнах Архары, Тунгурчи, Тургурчекана и по ключу Горелому.

Петроглифы Архары содержат бытовые и мифологические сцены, изображения антропо-, зооантропо- и зооморфных существ, птиц, животных, геометрические фигуры, ломаные сплошные линии, сплетения линий и округлые пятна. В них сохранилось много элементов оленного и охотничьего стилей — прежде всего антропоморфные фигурки без рук с рожками на голове и как бы в полусидячей или танцующей позе. Но стилистическая манера меняется. Некоторые фигурки имеют округлые, квадратные и звериные головки. Встречается еще контурная прорисовка изображений животных. Но в целом это уже новый стиль, новая эпоха. На памятнике в основном представлены мифологические сцены, связанные с шаманизмом. Есть, однако, и бытовые сцены — изображения людей, едущих верхом на оленях, добывающих зверя и занимающихся рыбной ловлей [56, табл. 82—96].

При обследовании усть-цоронских петроглифов у 11-й плоскости в жертвеннике был обнаружен сосуд бурхотуйского типа с удлиненным яйцевидным туловом, с невысокой, но четко выраженной шейкой, широко отогнутым наружу утолщенным венчиком и плоским дном (см. рис. 85). В сосуде сохранилось немного охры, перемешанной с песком. Охрой аналогичного цвета нанесены и рисунки. Это хвостатые

антропоморфные фигурки со щитами или луками в руках, антропоморфные фигурки с расставленными руками, держащими щит или лук, стоящие или сидящие с выставленными вперед руками или без рук. В эту группу рисунков входят окружности с вписанными крестообразными фигурами, трапециевидные фигуры и стилизованные изображения птиц в виде крестика с добавлением овальной головки [56, табл. 42 (I), 2, 4, 5; 42 (III), 1; 44 (I), 2; 44 (II), 1; 44 (VI), 3; 45 (I), 1—8]. Перечисленные изображения находят близкие аналогии в архаринских петроглифах, а антропоморфные фигурки с луками или щитами в руках близки к изображениям на арбинской писанице.

Форма сосуда, обнаруженного в усть-цоронском жертвеннике, соответствует таковым с мохэских памятников Приамурья и Приморья. Возраст Усть-Цоронского сосуда — середина I тыс.н.э. Нижняя граница хронологического диапазона архаринских петроглифов не должна уходить за эти рамки [24, табл. 8, 2; 19, 4 и др.].

На памятниках, расположенных по рекам Тунгурче, Тунгурчакану и ключу Горелому, как и на более ранних, кроме мифологических сцен, присутствуют сцены животноводства — загон оленей и верховая езда на них. Сохраняется прежняя стилистическая особенность — изображение животных с клиновидными головами, но возникает и новая — прорисовка фигур прямыми сплошными линиями. Появляются антропоморфные фигурки без рук, с крыльеобразными руками. Эти памятники оленного стиля отнесены к раннему железному веку на основании стилистических особенностей, жертвенники не раскапывались.

К средневековым рисункам оленного стиля относятся наскальные изображения в верховьях р. Онёни (правый приток Зеи) и третья группа средненюкжинских рисунков. Памятник в верховьях Онёни сохраняет ранние стилистические особенности в изображении людей, животных и антропоморфных существ, но появляются и новые образы — богов или духов в человеческом облике. Они огромных размеров, а люди и животные рядом с ними кажутся крошечными. Памятник содержит сцены магических обрядов, направленных на размножение и добычу диких животных [87, табл. 44—47].

В культурном слое жертвенника у подножия скалы с рисунками была обнаружена, помимо прочих предметов, монета, изготовленная в период Юань-фэн (1078—1085). Ввиду неизученности средневековых памятников Восточного Забайкалья, Верхнего и Среднего Приамурья и Якутии, мы пока не можем определить хронологию находок из культур-

ного слоя жертвенника и ориентировочно датируем памятник монетой, т.е. не раньше XII в.

Третья группа рисунков средненюкжинских петроглифов по изображению животных и людей мало отличается от онёнской. Здесь тоже показаны магические обряды, связанные с размножением животных и птиц. Однако сюжет средненюкжинской писаницы усложняется. На ней исчезают человекообразные божества и появляются шаманы с бубном и колотушкой, созвездия, напоминающие Малую и Большую Медведицы, лунарные и солярные знаки (см. рис. 47; 49; 50). Определить возраст этой группы рисунков помогает изображение бегущего человека с ружьем. Ружья на рассматриваемой территории появились в XVII в. с приходом первых русских землепроходцев. Таким образом, третью группу рисунков средненюкжинских петроглифов следует датировать временем не ранее XVII в., но не позднее начала XVIII в.

К поздним наскальным рисункам относятся изображенные охрой на писанице Казачий I безрукие антропоморфные фигурки с крестообразными начертаниями на головах, датированные современным напильником, красочная антропоморфная фигурка на памятнике Средняя Нюкжа II, а также нанесенные углем на гетканских петроглифах антропоморфная фигурка, летящие птицы и зооантропоморфные существа [87, табл. 64].

Рассмотрев наскальные рисунки I—II тыс. н.э. таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья, можно сделать вывод, что на рубеже нашей эры в наскальном искусстве происходят существенные перемены. Совершенно исчезают наскальные рисунки степного и охотничьего стилей. Рисунки, выполненные в оленном стиле, наблюдаются вплоть до нашего столетия. Они продолжают сохранять древние стилистические особенности в написании животных и антропоморфных фигурок, но дополняются элементами охотничьего стиля в прорисовке животных сплошными линиями и антропоморфных фигурок без рук и с рожками на головах. На рубеже нашей эры в наскальном искусстве Приамурья параллельно оленному стилю возникает совершенно новая манера, характеризующаяся мифологическими сценами со змееобразными существами, но она также очень быстро исчезает. Хронологические рамки изображений этого стиля не установлены.

Места расположения скал с наскальными рисунками и сопровождающими их жертвенниками в Приамурье и Восточном Забайкалье являются древними святилищами, которые имеют свои неповторимые особенности, неразрывно связанные с историческим прошлым древнего населения этого района и сопредельных территорий. Сами же рисунки мыслились как вместилища духов, направленных на защиту благосостояния древнего человека. Судя по стилю и тематике петроглифов и ритуалам сопровождающих их жертвенников, в создании данных памятников принимали участие группы людей, различающиеся по хозяйственному укладу, духовной культуре, а может быть, и по этнической принадлежности.

Материалы жертвенников, ранние слои которых соответствуют появлению первых рисунков на памятнике, позволили разложить наскальные рисунки на хронологические группы, дающие целостное представление о петроглифах, и получить совершенно неожиданные результаты в периодизации, определении стиля и тематики изображений.

По топографическому расположению, по отношению к скалам с наскальной живописью, архитектуре и ритуалам жертвоприношений жертвенники у писаниц Приамурья и Восточного Забайкалья делятся на два типа, условно названные грунтовыми и в каменных оградках.

Жертвенники грунтового типа расположены непосредственно у плоскостей с наскальными рисунками. Они бытовали с позднего плейстоцена до этнографического времени. Здесь прослеживаются четыре вида жертвоприношений и четыре сопровождающих ритуала, связанные с нанесением наскальных рисунков, или неожиданным открытием петроглифов, которые в результате родо-племенных перемещений и других причин забывались; с нанесением дополнительных наскальных рисунков и посещением этих скал в связи с проездом мимо, обращениями с просьбами и т.д.

Второй тип жертвенников характерен для степной и лесостепной территории Восточного Забайкалья. Эти жерт-

венники — **каменные прямоугольные оградки** — размещаются всегда у основания плоскостей с наскальными рисунками или у подножия террасы, на которой расположена скала с рисунками. **Жертвенники этого типа бытовали с начала среднего голоцена до современности.** Фиксируются два ритуала и два вида жертвоприношений, связанных с нанесением наскальных рисунков и почитанием наскальных рисунков и жертвенных оградок.

В позднем плейстоцене и раннем голоцене в развитии наскальной живописи на святилищах таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья просматривается единая стилистико-тематическая тенденция. На палеолитических памятниках представлена плейстоценовая фауна: носороги, бизоны, лошади, изображения которых, расположенные на скалах поодиночке и группами, выполнены в реалистической манере.

В раннем голоцене с изменением объектов промысловой фауны, происходят изменения в тематике наскального искусства. **На петроглифах появляется сам человек со своими способами охоты и животные, служившие для него основным источником существования — лось и олень.** В этот период впервые появляются изображения птиц и зооантропоморфных существ.

Со среднего голоцена в наскальных рисунках просматривается несколько стилистико-тематических тенденций. Условно мы выделяем **степной, охотничий, таежный, олений и мифический стили.**

Степной стиль характеризуется изображениями антропоморфных фигурок, расположенных цепочками, оградок, заполненных рядами округлых пятен, и систематизированными рядами округлых пятен. Возник он в раннем неолите и дожил до рубежа нашей эры. **Этот стиль находит себе близкие аналогии в степных районах бассейна Селенги на памятниках: Усть-Кяхта, Деревенская гора, Баяна, Чомник, Семеновский утес, Малый Алтан, Большой Алтан, Ганзурино, Павлова гора, Надеино, Янгажинский дацан, Гун-Саба, Ара-Киреть, Бургэт-Байца, Хайсагар, Кашкарга, Баин-Хара [80, с. 114—118, 154, 155, 170, 178, 179, 182—190, 193—215] и Северной Монголии на памятниках Хачурт и Их-Тенгерин-Ам [81, с. 231—240].** Но в композиционном построении и тематике петроглифов Западного Забайкалья и Северной Монголии наблюдаются свои специфические особенности, которые отсутствуют в изображениях степного стиля Приамурья и Восточного Забайкалья: **это обилие оградок с вписанными внутри точками и антропоморфными фигурками, частое сопровождение композиций изображениями птиц и присутствие сплошных линий.**

К финальным этапам неолита наряду со степным и таежным стилями в петроглифах таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья появляются изображения, выполненные в охотничьем стиле, характерной деталью которого являются антропоморфные фигурки без рук и фигурки с рожками на головах. Первые рисунки охотничьего стиля появляются в неолите, а к рубежу нашей эры они уже фиксируются. Тематически эти рисунки сближаются с такими на памятниках довольно обширной территории Северной Азии — от Урала до Приамурья. Но по технике нанесения, тематике и композиционному построению рисунки охотничьего стиля сближаются с изображениями на памятниках бассейна Лены (Шишкино [76, табл. 25, 600], Тальма [88, с. 182—183], Батык, Юрдюк-Хая, Тиит-Ары, Еланка, Тайон-Ары [83, с. 166, 206, 215, 231, 248], Крестях [87, с. 143, 147], Бес Юрэх, Мая [90, с. 106, 131, 133, 142]) и Ангары (Верхняя Буреть, Свирск, Второй Каменный остров, Баля Озерная, Баля Сухая, Большая Када [79, с. 145, 152, 153, 227, 234, 263, 267]). Здесь, как и на памятниках таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья, рогаатым антропоморфным фигуркам сопутствуют бессистемные и систематизированные скопления округлых пятен, вертикальные сплошные линии, сплетения сплошных линий, волнистые линии, антропоморфные фигурки, расположенные в фас и профиль, стилизованные лодки с гребцами, окружности, Х-образные знаки, личины, летящие и бегущие птицы, животные. А наличие в композициях охотничьего стиля безруких антропоморфных фигурок придает им специфические особенности.

На рубеже нашей эры в наскальном искусстве Приамурья фиксируется мифический стиль, не имеющий пока аналогий в памятниках Северной Азии. Петроглифы степного, охотничьего и мифического стилей на рубеже нашей эры исчезают, остаются только таежные, и этот стиль становится как бы стержнем в развитии наскального искусства таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья. Стиль этот сохранил и продолжил стилистико-тематические тенденции позднелепистоценовых и раннеголоценовых памятников, впитал в себя элементы степного, охотничьего и мифического, но при этом самобытность и неповторимость рисунков сохранилась. Стилистически, тематически и сюжетно рисунки, выполненные в этом стиле, не находят близких аналогий в петроглифах Северной Азии.

Сравнение материалов древних святилищ Приамурья и Восточного Забайкалья с особенностями хозяйства и духовной культуры эвенков-орочонов позволяет сделать вывод, что древними авторами рисунков таежного стиля явились

пратунгусы, которые к XVII в. дали народность, назвавшую себя эвенками-орочонами [56, с. 122—150]. Определить этническую принадлежность других наскальных рисунков затруднительно.

Такова в конспективном изложении схема развития наскального искусства таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья, построенная на основании материалов, имеющих на сегодняшний день.

Мы далеки от мысли, что эту схему следует принимать как окончательную и не подлежащую дальнейшему изменению и дополнению. Напротив, мы рассматриваем ее как определенный этап исследования данной территории. Последующее изучение наскальной живописи бесспорно, даст новые материалы и идеи, которые позволят предложенную схему совершенствовать, помогут по-новому оценить развитие хозяйства и духовной культуры аборигенного населения Приамурья и Забайкалья.

В настоящей работе мы ставим перед собой задачу показать эволюцию наскальной живописи в таежной зоне Приамурья и Восточного Забайкалья: выделить стилистико-тематические пласты, разработать хронологию, выяснить взаимосвязи с петроглифами сопредельных территорий и определить их принадлежность. В силу ряда объективных и субъективных причин нам не удалось воспроизвести обрядность при нанесении петроглифов, показать их значение в духовной культуре древних обществ и увязать памятники наскальной живописи с археологическими культурами. Эти проблемы предстоит решить в будущем.

Мы предполагаем продолжить изучение памятников наскальной живописи в сочетании с разработками проблем палеоэкономики, социальной и духовной жизни древних обществ на новом методическом уровне.

1. Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1882. Т. 12, № 4—5.
2. Амурская область. Благовещенск, 1974. 463 с.
3. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984. 201 с.
4. Бадер О.Н. Жертвенное место под Писанным камнем на реке Вишере // СА. 1954. Т. 21. С. 241—258.
5. Баженов Б.Н. К вопросу о древних оледенениях в бассейне реки Зеи // Сб. статей Всесоюзного заочного политехнического ин-та. М., 1954. Вып. 6. С. 33—39.
6. Базаров Д.Д., Константинов М.В., Иметхенов А.Б. и др. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск, 1982. 164 с.
7. Балдаев С.П. Культ писаниц у западных бурят // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1956. Вып. 22.
8. Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940. 320 с.
9. Василевич Г.М. Некоторые данные по охотничьим обрядам тунгусов // Этнография. 1930. № 3. С. 57—67.
10. Васильевский Р.С. Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных областей // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979. С. 71—80.
11. Вишневский Д.С. и др. Хабаровский край. Хабаровск, 1965. 112 с.
12. Географический словарь Амурской области. Благовещенск, 1978. 286 с.
13. Гитерман Р.Е., Голубева Л.Е., Заклинская Е.Д. и др. Основные этапы развития растительности Северной Азии в антропогене. М., 1969. 269 с.
14. Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971. 109 с.
15. Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975. 135 с.
16. Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981. 203 с.
17. Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970. 204 с.
18. Деревянко А.П. В стране трех солнц. Хабаровск, 1970. 142 с.
19. Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока / В 2 ч. (курс лекций для НГУ). Новосибирск, 1970—1972. 196 и 275 с.
20. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973. 352 с.
21. Деревянко А.П. Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии (курс лекций для НГУ). Новосибирск, 1975. 231 с.
22. Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск, 1976. 333 с.

23. Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск, 1983. 216 с.
24. Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975. 250 с.
25. Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск, 1977. 224 с.
26. Деревянко Е.И. Племена Приамурья (I тысячелетие нашей эры). Новосибирск, 1981. 232 с.
27. Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987. 225 с.
28. Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегты-меля). М., 1971. 131 с.
29. Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР. М., 1984. 205 с.
30. Евдокимов В.С. О некоторых археологических памятниках Зейского района // Зап. АОМКОК. Благовещенск, 1961. С. 70—78.
31. Заморцева В.В., Сей И.И. О древнем оледенении верхнезейской депрессии и хребта Тукурингра — Джагды // Изв. АН СССР. 1963. № 6. С. 79—80.
32. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Средней Азии // Сб. МАЭ. 1929. Т. 8. С. 63.
33. Зубов Ю.П. Леса Амурской области. Благовещенск, 1967. 16 с.
34. Климахин Ф.С. Животный мир Амурской области. Благовещенск, 1967. 16 с.
35. Ковычев Е.В. История Забайкалья (I — сер. II тыс.н.э.). Иркутск, 1984. 82 с.
36. Коротаев Г.В. Климат Амурской области. Благовещенск, 1967. 16 с.
37. Кремнев М.И. Читинская область. Чита, 1955. 104 с.
38. Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городища и его окрестностей. Владивосток, 1925. 61 с.
39. Кякшто Н.Б. Писаницы Шаман-камня // Сб. ГАИМК. М., 1931. № 7. С. 29—30.
40. Ларичев В.Е. Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура // Тр. Дальневосточной экспедиции. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 81—126.
41. Линхобоев Г.Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1955. Вып. 19.
42. Мазин А.И. Наскальные рисунки в верховьях реки Онёна // Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968. С. 159—165.
43. Мазин А.И. Рисунки на скалах в устье Онёна // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. С. 111—112.
44. Мазин А.И. Арбинская писаница и ее значение в датировке памятников наскальной живописи раннего железного века Верхнего Приамурья // Очерки социально-экономической жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 1. С. 33—34.
45. Мазин А.И. Писаница около бывшего поселка Средняя Нюкжа // Материалы по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. Ч. 2. С. 303—324.
46. Мазин А.И. Этническая принадлежность наскальных рисунков тайги Верхнего Приамурья // Проблемы этногенеза. Новосибирск, 1973. С. 65—66.
47. Мазин А.И. Древнее оленеводство и проблемы этнической принадлежности петроглифов таежной зоны Верхнего Приамурья // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 204—208.
48. Мазин А.И. Новые данные по этнографии эвенков // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1976. Вып. 1. С. 120—124.
49. Мазин А.И. Наскальные рисунки IV—III тыс. до н.э. таежной зоны Верхнего Приамурья // Первобытное искусство. Новосибирск, 1975. С. 97—111.

50. Мазин А.И. Палеолитические рисунки по реке Токко // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976. С. 177—181.
51. Мазин А.И. Петроглифы IV—III тыс. до н.э. таежной зоны Восточной Сибири и Дальнего Востока // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 110—130.
52. Мазин А.И. Жертовник у писаницы выше поселка Суон-Тит // Изв. СО АН СССР. Сер.обществ. наук. 1978. Вып. 1. С. 96—103.
53. Мазин А.И. Традиционные верования эвенков-орочонов. Новосибирск, 1984. 201 с.
54. Мазин А.И. Палеолитические наскальные рисунки в Восточном Забайкалье // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 17—24.
55. Мазин А.И. Календарь и цикл хозяйственного года эвенков Верхнего Приамурья (конец XIX — начало XX вв.)// Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 121—126.
56. Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск, 1986. 260 с.
57. Мартынов А.И. Лодки в страну предков. Кемерово, 1966. 34 с.
58. Мартынов А.И. Эхо веков. Кемерово, 1970. 53 с.
59. Матющенко В.И. Томская культура эпохи бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 285—293.
60. Матющенко В.И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV // СА. 1961. № 4. С. 264—270.
61. Медведев В.Е. Культура амурских чжурчженей. Новосибирск, 1977. 224 с.
62. Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск, 1982. 217 с.
63. Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969. 254 с.
64. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. 263 с.
65. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н. и др. Археологические памятники Якутии. Новосибирск, 1983. 392 с.
66. Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957. 294 с.
67. Никольская В.В. Палеогеографические материалы из Новопокровской стоянки на Амуре // Изв. АН СССР. 1954. № 5. С. 73—77.
68. Никольская В.В. Дальний Восток. М., 1962. 230 с.
69. Никольская В.В., Чигагов В.П. О четвертичном оледенении в бассейне Амура // Вопросы стратиграфии и палеогеографии четвертичного периода (антропогена). М., 1962. Т. 19. С. 200—267.
70. Никольская В.В. Морфоструктура бассейна Амура. М., 1972. 77 с.
71. Оводов Н.Д. Позднеантропогенная фауна млекопитающих юга Уссурийского края // Фауна Сибири: Фауна и систематика позвоночных Сибири. Новосибирск, 1977. С. 157—177.
72. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950 / МИА. № 18. Ч. 1—2. 412 с.
73. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1955. Ч. 3. — 374 с.
74. Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1. 432 с.
75. Окладников А.П. Фольклорные записки Г.Л. Линхобоева // Зап. БМНИИ. 1956. Вып. 21. С. 117—120.
76. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы. М.; Л., 1959. 145 с.
77. Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959. 211 с.

78. Окладников А.П. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верхневосточной Амурской области // Тр. Дальневосточной археологической экспедиции. 1960. Т. 1, № 86. С. 9—71.
79. Окладников А.П. Петроглифы Ангара. М.; Л., 1966. 322 с.
80. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1969. Ч. 1. 218 с.
81. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1970. Ч. 2. 264 с.
82. Окладников А.П. Жертвенное место глазковцев на р. Лене // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1971. Т. 68. С. 197—201.
83. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л., 1972. 270 с.
84. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища томских писаниц (на- скальные рисунки эпохи неолита и бронзы). М., 1972. 255 с.
85. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и При- амурья. Владивосток, 1973. 400 с.
86. Окладников А.П. Петроглифы Байкала. Новосибирск, 1974. 166 с.
87. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976. 189 с.
88. Окладников А.П. Петроглифы Верхней Лены. Л., 1977. 322 с.
89. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорыни- на Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш. Новосибирск, 1979. 137 с.
90. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Но- восибирск, 1979. 156 с.
91. Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 177 с.
92. Паленко И.А. Амурская область. Благовещенск, 1966. 94 с.
93. Равский Э.И., Александрова А.П., Вангенгейм Э.А. и др. Антропоген- ные отложения юга Восточной Сибири. М., 1964. 278 с.
94. Равский Э.И. К стратиграфии четвертичных (антропогенных) отло- жений юга и востока Сибирской платформы // Тр. ГИМ АН СССР. 1960. Вып. 26. С. 57—95.
95. Рыгдылон Э.Р. Отчет об археологических разведках 1936 г. / Архив ЛОИП АН СССР, ф. 42, № 397, л. 10, 11.
96. Савватеев Ю.А. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967. 167 с.
97. Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1970. Ч. 1. 443 с.
98. Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1977. Ч. 2. 325 с.
99. Савельев Н.А., Горюнова О.Г. Сосуд с антропоморфными изображе- ниями со стоянки Плотбище // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1971. Т. 68. — С. 202—204.
100. Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. М., 1910. Т. 1. 400 с.
101. Саенко. Писаный камень // Зап.АОМКОК. Благовещенск, 1930. Вып. 1. С. 34.
102. Саврасов Н.П. Следы ледниковых явлений // Вопросы географии Дальнего Востока. Хабаровск, 1949. Вып. 2. С. 70—80.
103. Сементовский В.Н. Река Амур. М., 1959. 180 с.
104. Семивский. Новейшее любопытное и достоверное повествование о Восточной Сибири. СПб., 1817.
105. Спасский Г.И. Памятники древности в Сибири Северной и Восточ- ной // Сиб. вестник. 1818. Ч. 4. С. 168—170.
106. Студзинская С.В. Скульптура ранней бронзы на верхней Ангаре // Бронзовый век Приангарья. Иркутск, 1981. С. 38—46.
107. Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. Хабаровск, 1976. 254 с.
108. Тиваненко А.В. Древние жертвенные места Забайкалья // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск, 1978. С. 72—73.

109. Тиваненко А.В. Древние культовые святилища — новый тип археологических памятников Забайкалья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979. С. 135—144.
110. Тиваненко А.В. Древние жертвенные места Восточной Сибири. Новосибирск, 1983. 21 с. (Автореф. дисс. ...канд. ист. наук).
111. Титов Е.И. Тунгусо-русский словарь. Иркутск, 1926.
112. Туголуков В.А. Желтулакские писаницы // КСИЭ. 1963. Вып. 38. С. 82—89.
113. Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968. 171 с.
114. Формозов А.А. Памятник первобытного искусства. М., 1966. 127 с.
115. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969. 255 с.
116. Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Изв. Биолого-географ. НИИ при Иркутском ун-те. 1924. Т. 1, вып. 1. С. 33—39.
117. Хороших П.П. Наскальные рисунки Большого Кадинского порога // СА. 1968. № 3. С. 198—201.
118. Чубарова Р.В. Археологические памятники на севере Сахалина // Тр. Дальневосточной археологической экспедиции. 1960. № 86. С. 162—182.
119. Щекатов А. Словарь географический Русского государства. М., 1808. Ч. 6. С. 179.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АОМКОК	—	Записки Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения
БМНИИК	—	Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры
ВСОРГО	—	Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ГАИМК	—	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ОИАК	—	Общество изучения Амурского края
РГО	—	Русское географическое общество
СОРГО	—	Сибирский отдел Русского географического общества
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
ПОРГО	—	Приамурское отделение Русского географического общества
РГО	—	Русское географическое общество
СА	—	Советская археология
СЭ	—	Советская этнография

ПРИЛОЖЕНИЕ

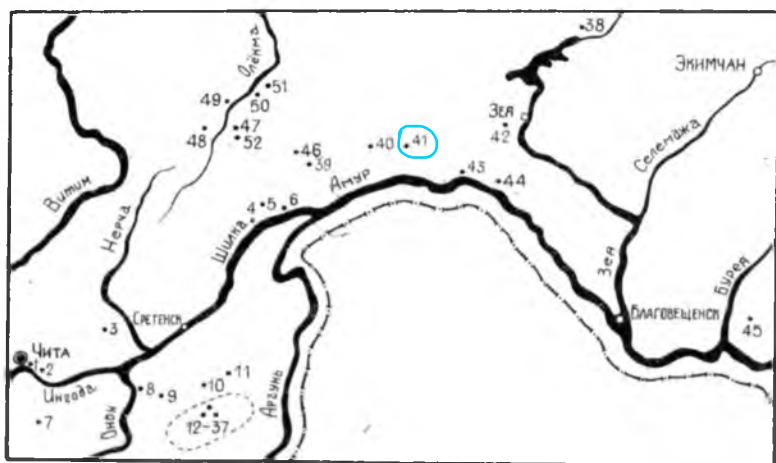

Рис. 1. Местонахождения писаниц:

1 — Титовская сопка; 2 — Сохатинный камень; 3 — Бутиха; 4 — Кара; 5 — Джалинда; 6 — Средне-Шайкино; 7 — Бараун Чулутай; 8 — Кирови; 9 — Токтуй; 10 — Чандайча; 11 — Доно; 12 — Копчинский; 13 — Копчил; 14 — Кондуй 16 км; 15 — Цорон I; 16 — Цорон II; 17 — Цорон III; 18 — Усть-Цорон; 19 — Бараун Кондуй I; 20 — Бараун Кондуй II; 21 — Усть-Бараун Кондуй; 22 — Могойтуй; 23 — Мехачиниха; 24 — Калашниково; 25 — Малый Улистай; 26 — Маргуцек; 27 — Урулюнгуй I; 28 — Урулюнгуй II; 29 — Урулюнгуй III; 30 — Нортуй I; 31 — Нортуй II; 32 — Казачий I; 33 — Казачий II; 34 — Казачий III; 35 — Казачий IV; 36 — Бырка; 37 — Дровянка; 38 — Онёни; 39 — Горелый; 40 — Геткан; 41 — Большой Онон; 42 — Арби; 43 — Калиновка; 44 — Смирновка; 45 — Архара; 46 — Средняя Нюкжа; 47 — Нюкжа; 48 — Ковуйбут; 49 — Олёкма; 50 — Тунгурчакан; 51 — Тунгурча; 52 — Средняя Нюкжа II.

Рис. 2. Бутиха. Скала с рисунками.

Рис. 3. Бутиха. Расположение рисунков.

Рис. 4. Бутиха. Фрагмент наскальной росписи: бегущее животное.

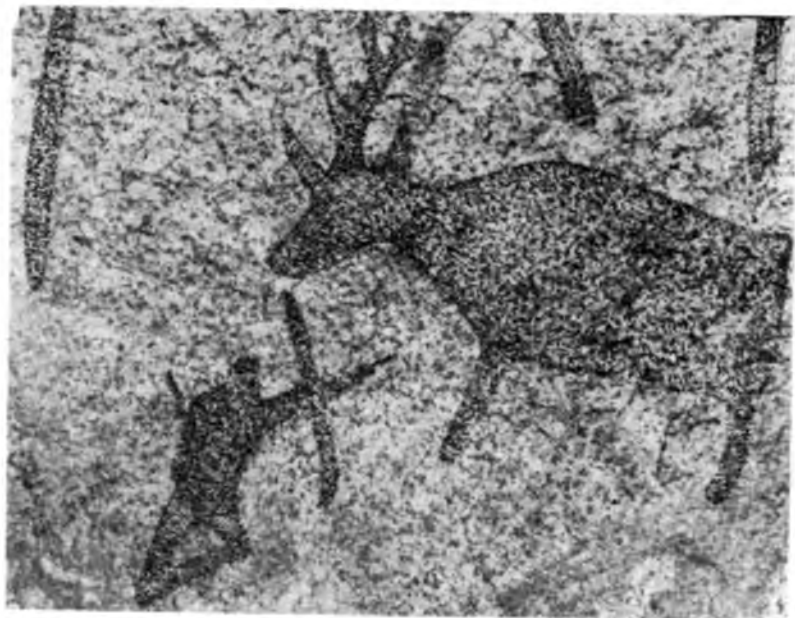

Рис. 5. Бутиха. Сцены охоты.

Рис. 6. Кара. Общий вид останца с рисунками.

Рис. 7. Средне-Шайкино. Скала с рисунками.

Рис. 8. Бараун Чулутай. Останец с рисунками.

Рис. 9. Копчил. Останцы с наскальными рисунками.

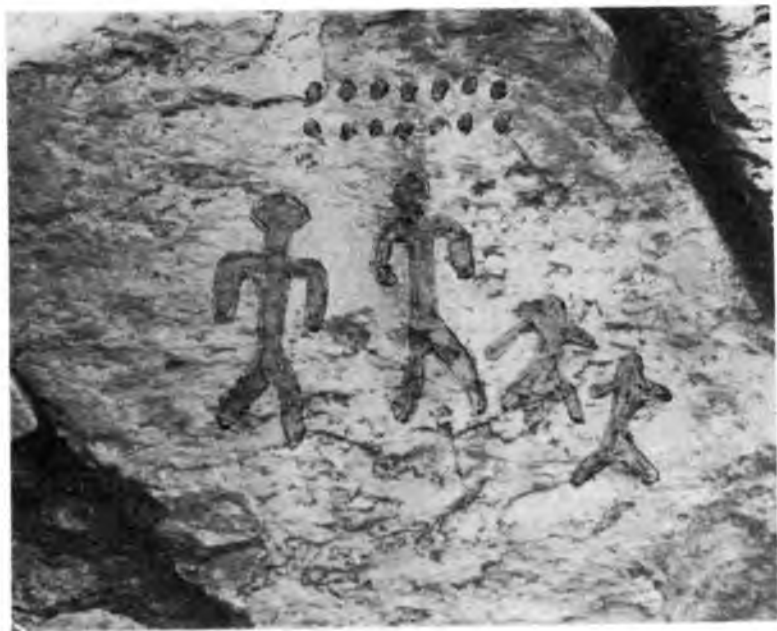

Рис. 10. Копчил. Одна из плоскостей памятника.

Рис. 11. Кондуй 16 км. Панорама местности.

Рис. 12. Кондуй 16 км. Вид скалы с рисунками в овраге.

Рис. 13. Кондуй 16 км. Скальные обнажения с рисунками на сопке.

Рис. 14. Цорон I. Останец с рисунками.

Рис. 15. Цорон II. Общий вид останца с рисунками.

Рис. 16. Цорон III. Общий вид останца с рисунками.

Рис. 17. Усть-Цорон. Скальные обнажения с рисунками.

Рис. 18. Усть-Цорон. Фрагмент седьмой плоскости.

Рис. 19. Бараун Кондуй I. Общий вид останца с рисунками.

Рис. 20. Бараун Кондуй II. Общий вид останца с рисунками.

Рис. 21. Могойтуй. Общий вид скалы с рисунками.

Рис. 22. Могойтуй. Одна из плоскостей с рисунками.

Рис. 23. Калашниково. Скала с наскальными рисунками.

Рис. 24. Калашниково. Изображение антропоморфной фигурки.

Рис. 25. Малый Улистой. Скала с наскальными рисунками.

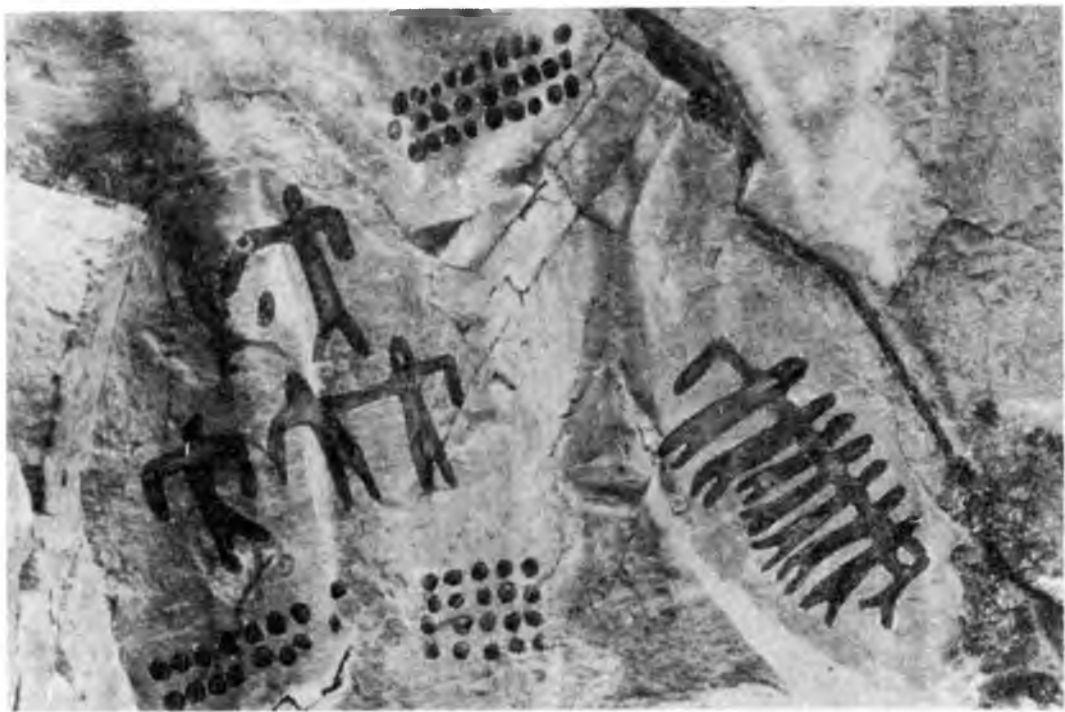

Рис. 26. Малый Улистай. Фрагмент второй плоскости.

Рис. 27. Маргуцек. Общий вид останца с рисунками.

Рис. 28. Урулюнгуй I. Скала с рисунками.

Рис. 29. Нортуй I. Скала с рисунками.

Рис. 30. Нортуй II. Скала с рисунками.

Рис. 31. Казачий IV. Скала с рисунками.

Рис. 32. Бырка. Останец с наскальными рисунками, вид с распадка Ноготуй.

Рис. 33. Бырка. Останец с наскальными рисунками на фоне распадков Дровяного и Ноготуй.

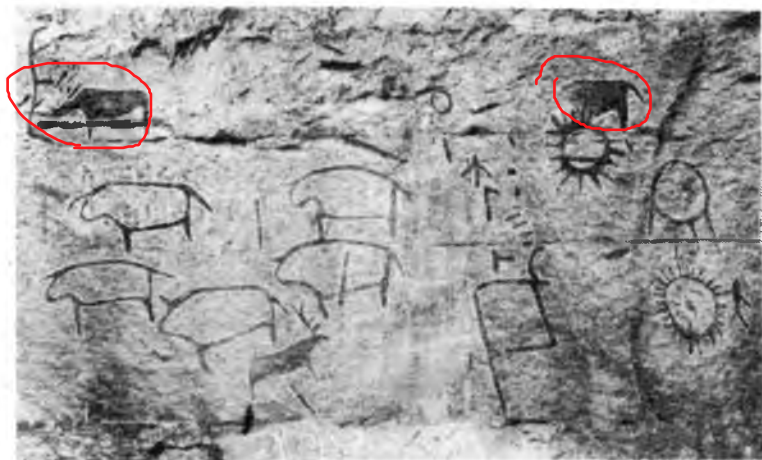

Рис. 34. Бырка. Фрагмент плоскости 20.

Рис. 35. Бырка. Изображение бизона на плоскости 4.

Рис. 36. Бырка. Фрагмент плоскости 20.

Рис. 37. Бырка. Фрагмент плоскости 20.

Рис. 38. Бырка. Фрагмент плоскости 20.

Рис. 39. Геткан. Останцы с наскальными рисунками.

Рис. 40. Геткан. Фрагмент плоскости 3.

Рис. 41. Геткан. Изображения на плоскости 2.

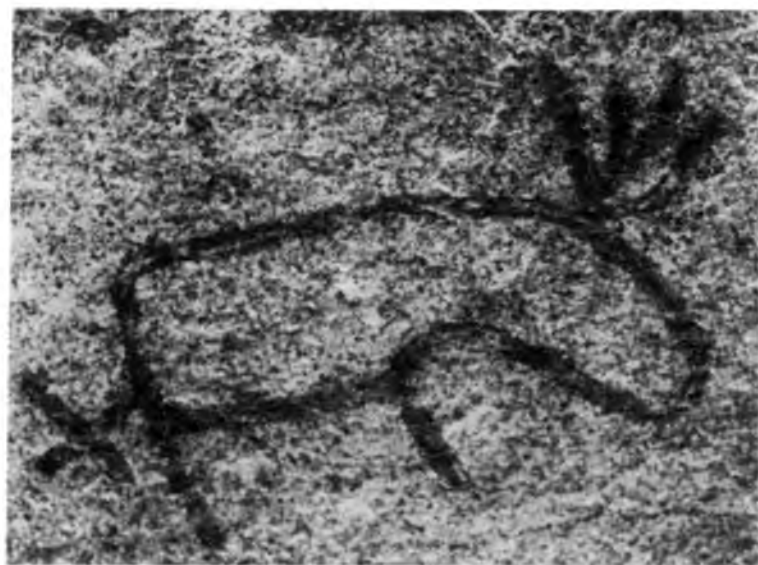

Рис. 42. Геткан. Фрагмент плоскости 2.

Рис. 43. Арби. Общий вид скалы с наскальными рисунками.

Рис. 44. Архара. Общий вид скалы с наскальными рисунками.

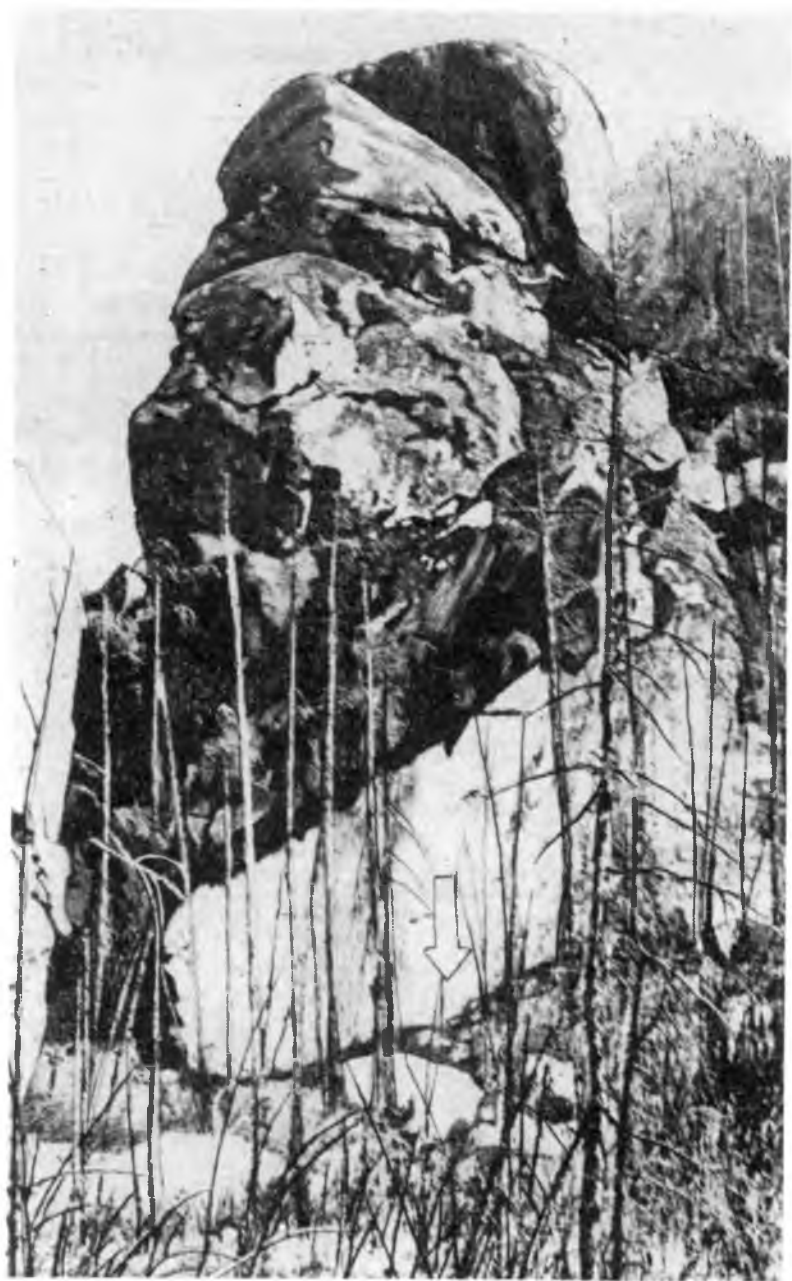

Рис. 45. Средняя Нюкжа. Останец с первой группой рисунков.

Рис. 46. Средняя Нюкжа. Останцы со второй группой рисунков.

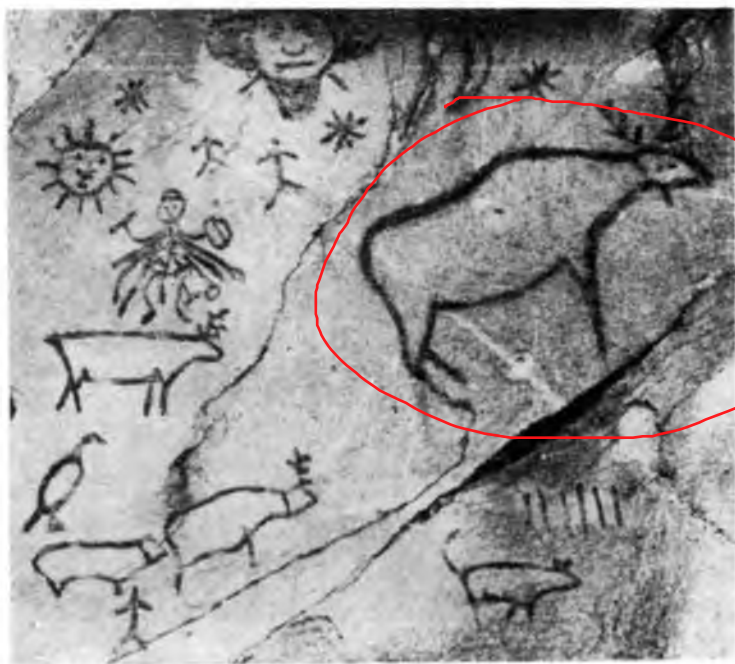

Рис. 47. Средняя Нюкжа. Фрагмент плоскости 1.

Рис. 48. Средняя Нюкжа. Фрагмент плоскости 1.

Рис. 49. Средняя Нюкжа. Фрагмент плоскости 1.

Рис. 50. Средняя Нюкжа. Фрагмент плоскости I.

Рис. 51. Средняя Нюкжа. Фрагмент плоскости 2.

Рис. 52. Средняя Нюкжа. Фрагмент плоскости 2.

Рис. 53. Нюкжа. Вид скалы с наскальными рисунками.

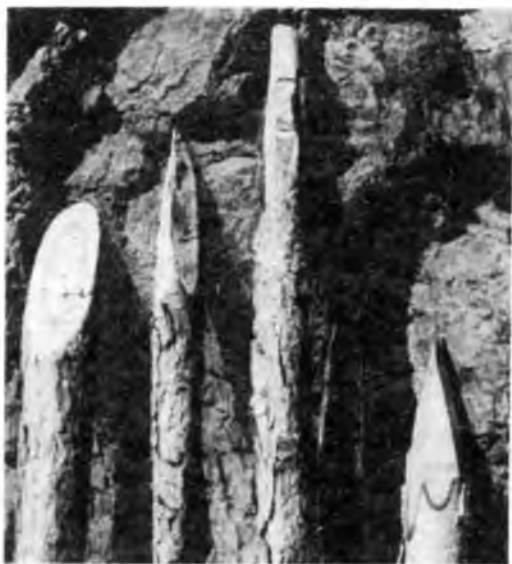

Рис. 54. Ковуйбут. Деревянные идола-ментая, обнаруженные у плоскостей с рисунками.

Рис. 55. Олёкма. Вид камня с наскальными рисунками.

Рис. 56. Олёкма. Фрагмент плоскости 1.

Рис. 57. Олёкма. Фрагмент плоскости 1.

Рис. 58. Олёкма. Фрагмент плоскости 1.

Рис. 59. Средняя Нюкжа II. Общий вид останца с рисунками.

Рис. 60. Бараун Чулутай. Месторасположение жертвенника с юго-западной стороны останца.

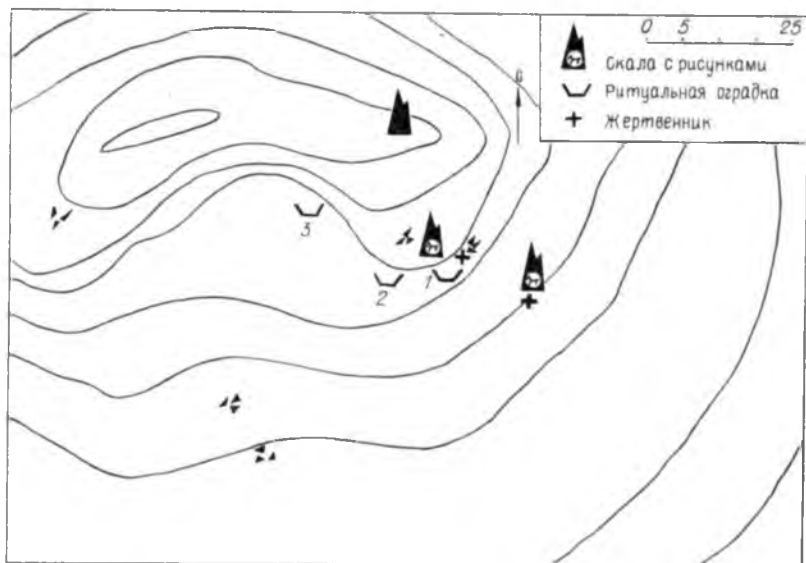

Рис. 61. Копчил. Схема местности.

Рис. 62. Копчил. Захоронение: общий вид после зачистки.

Рис. 63. Копчил. Ритуальная оградка 1 до начала работ.

Рис. 64. Копчил. Ритуальная оградка I после вскрытия дерна.

Рис. 65. Копчил. Зачистка ритуальной оградки I до плит, перекрывающих жертвенную яму.

Рис. 66. Копчил. Жертвенная ямка ритуальной оградки 1.

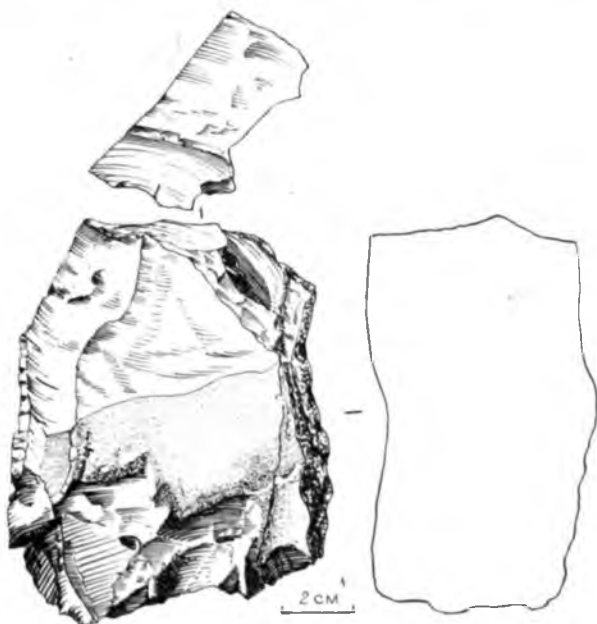

Рис. 67. Копчил. Нуклеус, обнаруженный в жертвенной ямке ритуальной оградки 1.

Рис. 68. Копчил. Ритуальная оградка 2 до раскопок.

Рис. 69. Копчил. Зачистка ритуальной оградки 2 до плиты, перекрывающей жертвенную яму.

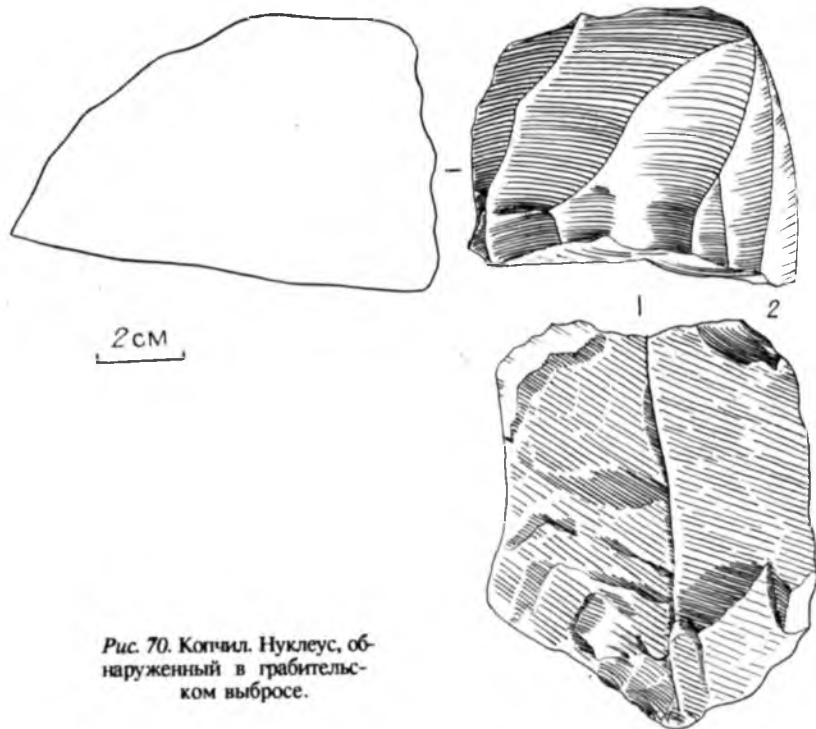

Рис. 70. Копчил. Нуклеус, обнаруженный в грабительском выбросе.

Рис. 71. Копчил. Вид ритуальной оградки 3.

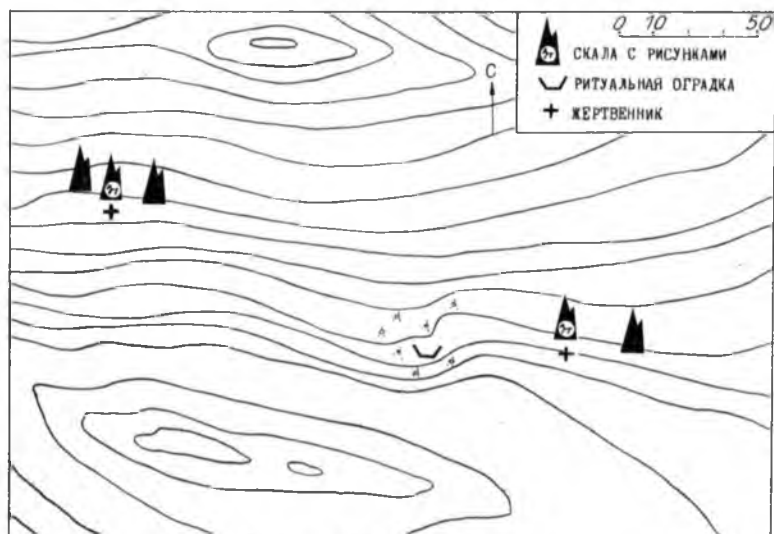

Рис. 72. Кондуй 16 км. План местности.

Рис. 73. Кондуй 16 км. Кости жертвенных лошадей.

Рис. 74. Кондуй 16 км. Берестяная сумка из жертвенника после зачистки.

Рис. 75. Кондуй 16 км. Первоначальный вид ритуальной оградки.

Рис. 76. Кондуй 16 км. Ритуальная оградка после вскрытия дерна.

Рис. 77. Кондуй 16 км. Вид ритуальной оградки, зачищенной до плиты перекрытия жертвенной ямки.

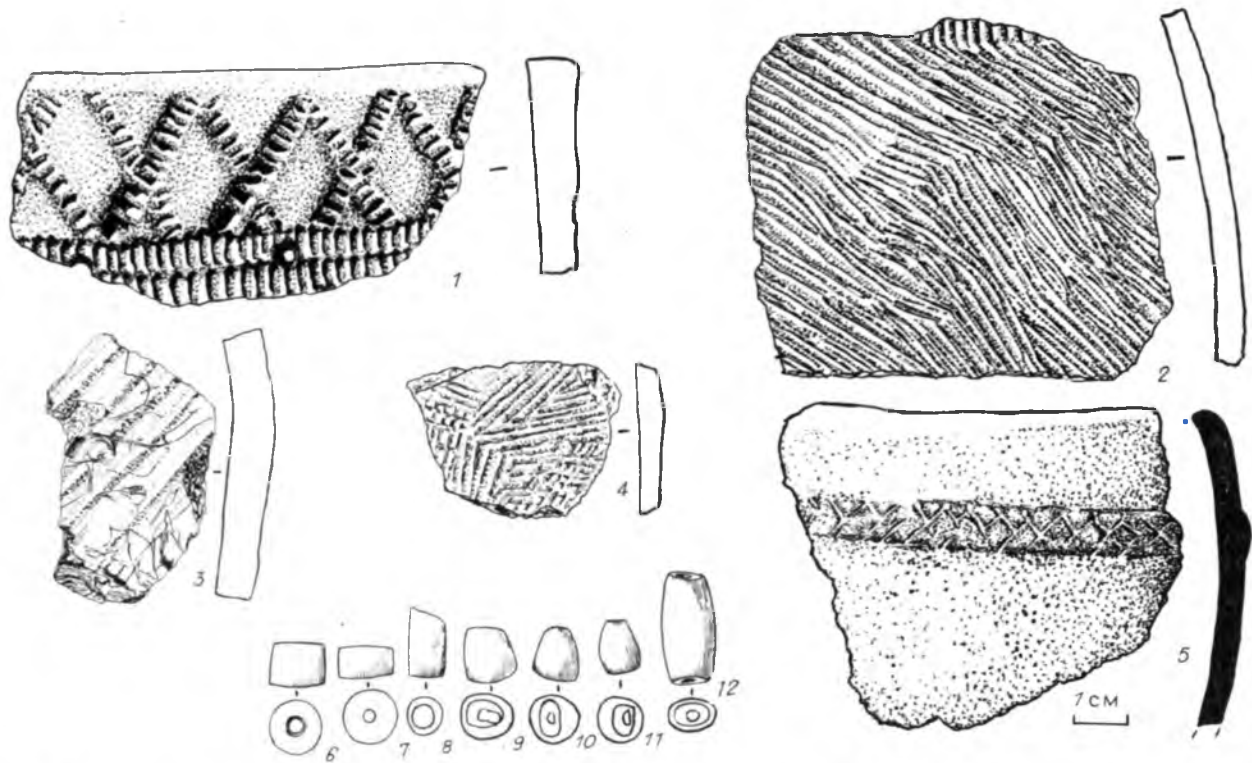

Рис. 78. Материалы из жертвенников и ритуальных оградок: 1, 2 — Кондуй 16 км; 3 — Бараун Кондуй; 4—12 — Усть-Шорон.

Рис. 79. Кондуй 16 км. Человеческие кости из жертвенной ямки оградки.

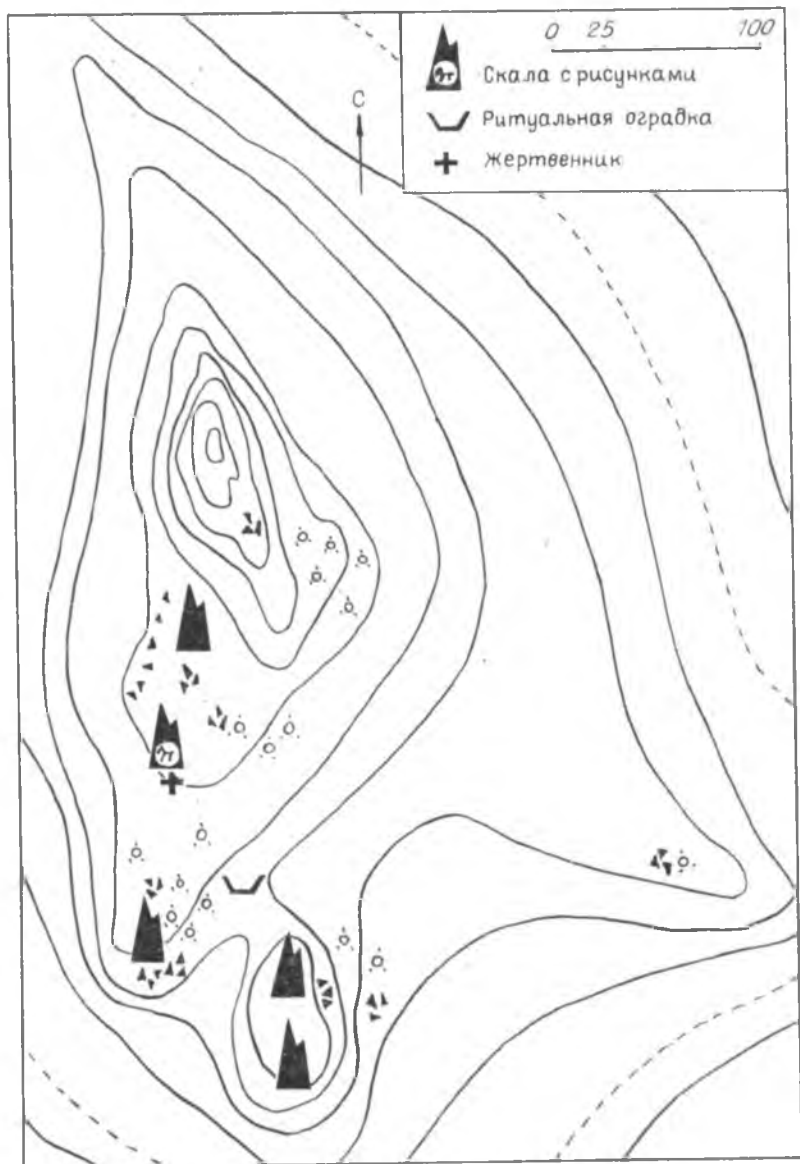

Рис. 80. Цорон III. План местности.

Рис. 81. Цорон III. Вид ритуальной оградки после зачистки.

Рис. 82. Цорон III. Ритуальная оградка со вскрытой жертвенной ямкой.

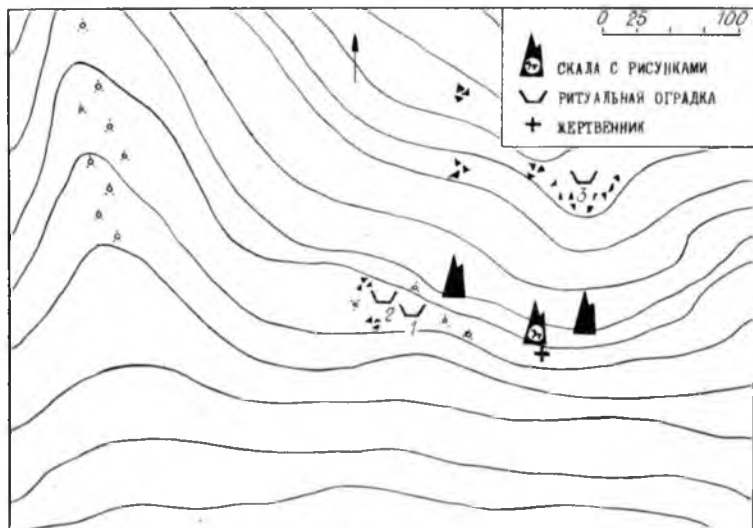

Рис. 83. Усть-Цорон. План местности.

Рис. 84. Усть-Цорон. Вид погребения после зачистки.

Рис. 85. Усть-Цорон. Сосуд из жертвенника.

Рис. 86. Усть-Цорон. Вид ритуальной оградки до раскопок.

Рис. 87. Усть-Цорон. Вид ритуальной оградки 1 после зачистки.

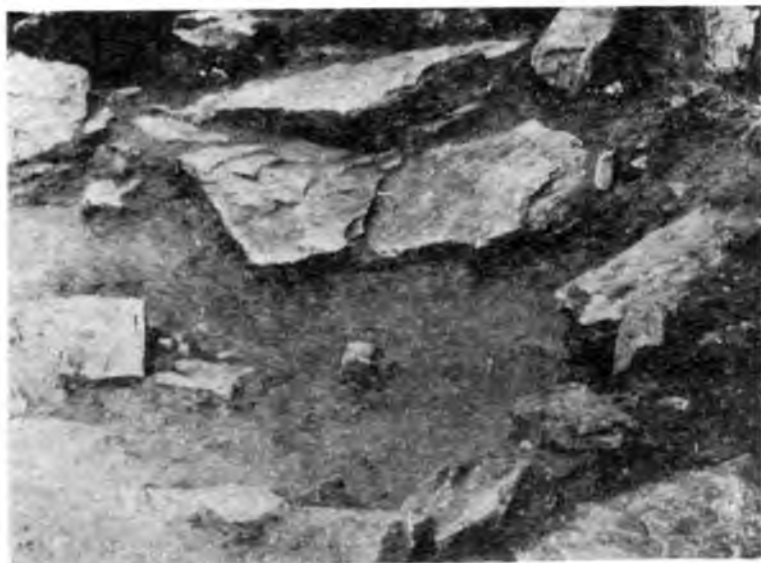

Рис. 88. Усть-Цорон. Внутренняя часть оградки 1 после зачистки.

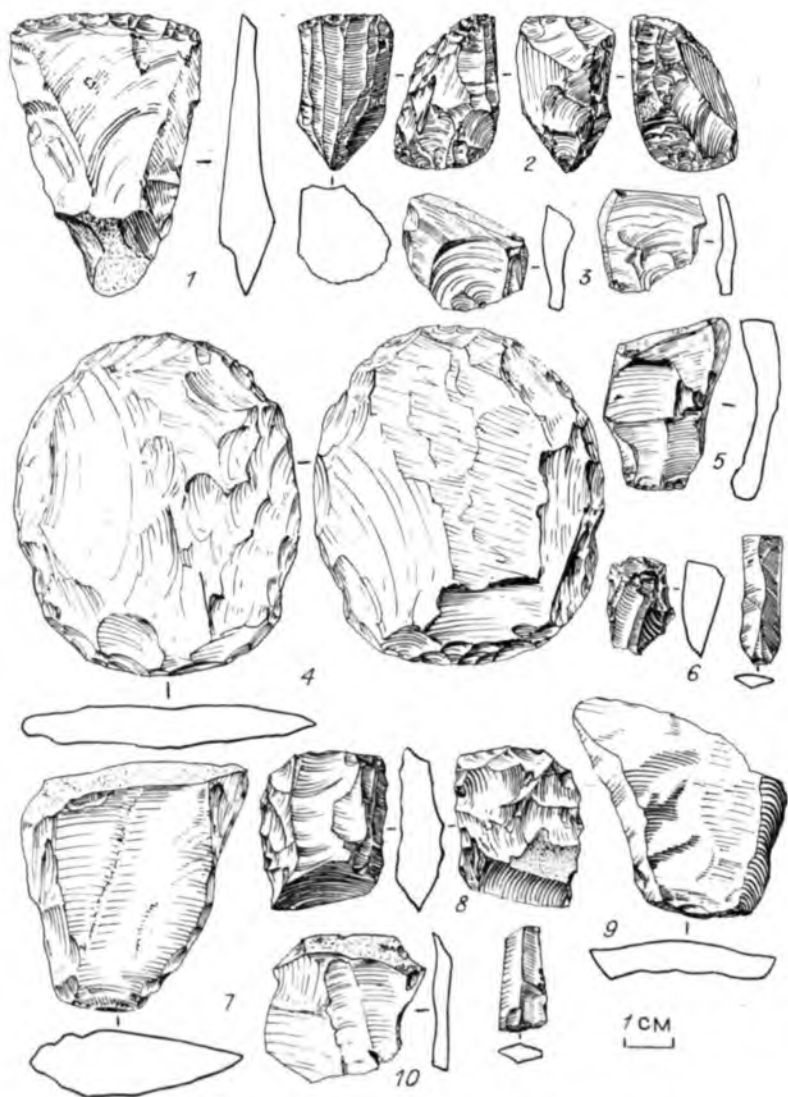

Рис. 89. Материалы из ритуальных оградок: 1, 2 — Усть-Цорон; 3, 5, 6, 8—11 — Калашниково; 4, 7 — Могойтуй.

Рис. 90. Усть-Цорон. Первый ярус жертвенной ямки оградки I.

Рис. 91. Усть-Цорон. Второй ярус жертвенной ямки оградки I.

Рис. 92. Усть-Цорон. Третий ярус жертвенной ямки оградки 1.

Рис. 93. Усть-Цорон. Вид жертвенной ямки оградки 1 после окончательной зачистки.

Рис. 94. Усть-Цорон. Вид ритуальной оградки 2.

Рис. 95. Усть-Цорон. Вид жертвенной ямки оградки 2 после зачистки.

Рис. 96. Усть-Цорон. Фрагмент костяка человека из жертвенной ямки оградки 2.

Рис. 97. Усть-Цорон. Вид ритуальной оградки 3 до раскопок.

Рис. 98. Усть-Цорон. Вид ритуальной оградки 3 после зачистки.

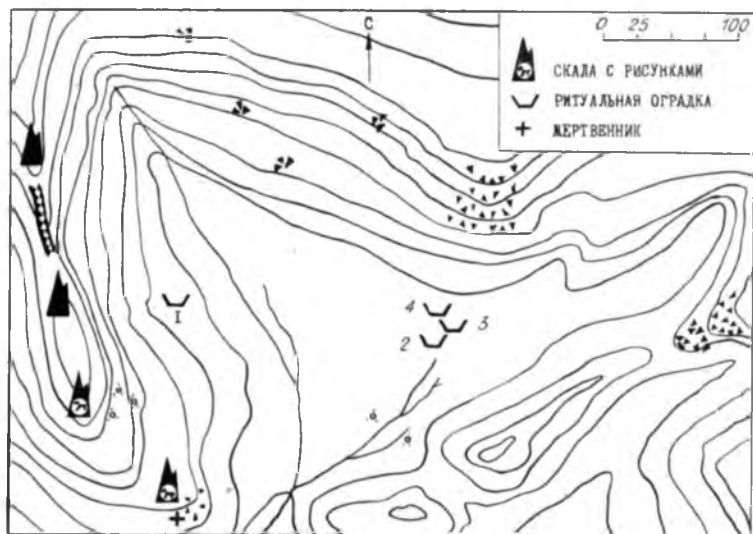

Рис. 99. Бараун Кондуй II. Схема местности.

Рис. 100. Бараун Кондуй II. Вид ритуальной оградки I до раскопок.

Рис. 101. Бараун Кондуй II. Зачистка ритуальной оградки I.

Рис. 102. Бараун Кондуй II. Зачистка оградки I до плит перекрытия.

Рис. 103. Бараун Кондуй II. Жертвенная ямка оградки I.

Рис. 104. Бараун Кондуй II. Зачистка ритуальной оградки 2.

Рис. 105. Бараун Кондуй II. Ритуальная оградка 2, зачищенная до плит перекрытия.

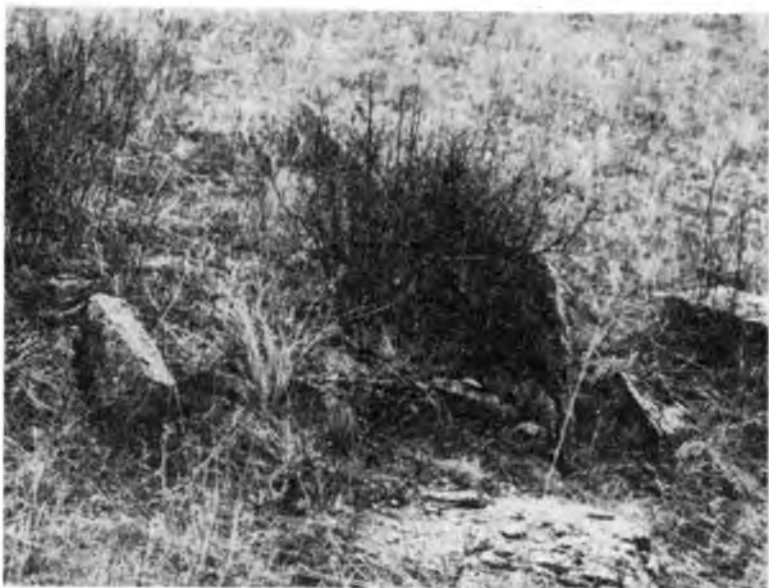

Рис. 106. Бараун Кондуй II. Вид ритуальной оградки 3.

Рис. 107. Бараун Кондуй II. Вид ритуальной оградки 4.

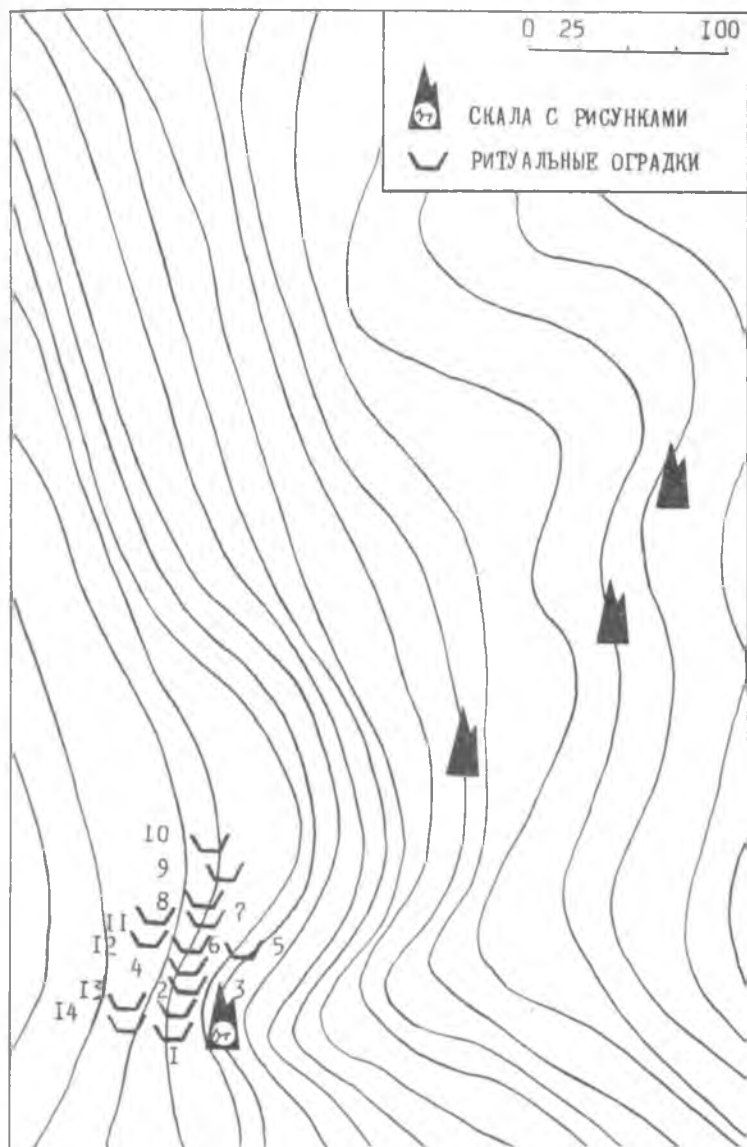

Рис. 108. Могойтуй. План местности.

Рис. 109. Могойтуй. Ритуальная оградка 1 до начала работ.

Рис. 110. Могойтуй. Ритуальная оградка 1 после снятия дерна.

Рис. 111. Могилей. Ритуальная оградка 1, зачищенная до плиты перекрытия жертвенной ямки.

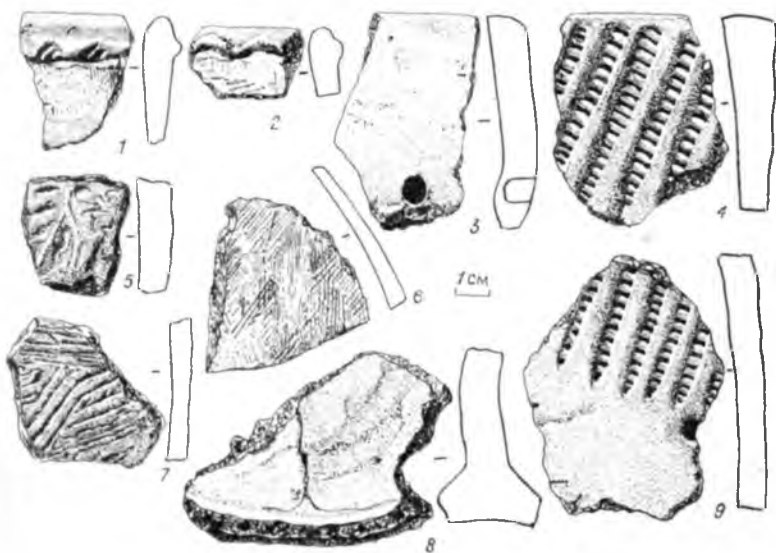

Рис. 112. Могилей: 1, 5, 7 — оградка 2; 2 — оградка 4; 3, 8 — оградка 12; 6 — оградка 1; 4, 9 — оградка 9.

Рис. 113. Могойтуй. Ритуальная оградка 4, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 114. Могойтуй. Жертвенная ямка оградки 4.

Рис. 115. Могойтуй. Ритуальная оградка 5 после снятия дерна.

Рис. 116. Могойтуй. Ритуальная оградка 5, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 117. Могойтуй. Ритуальная оградка 5 после полной зачистки.

Рис. 118. Материалы из
 ритуальных оградок: 1 —
 Малый Улистай; 2 —
 Урулжонгуй; 3, 4 — Мо-
 гойтуй.

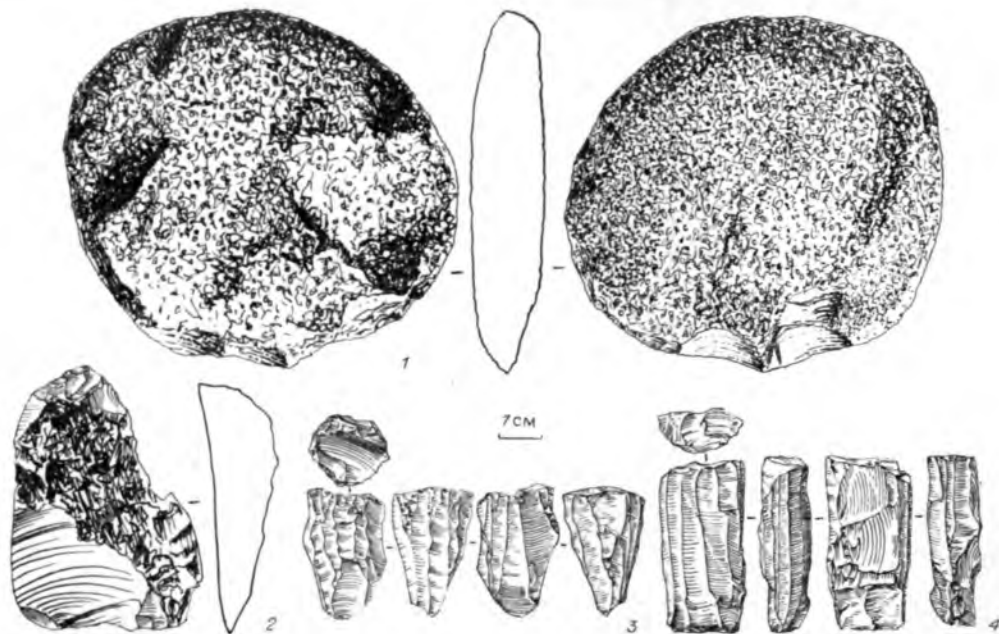

Рис. 119. Могойтуй. Ритуальная оградка 6 после снятия дерна.

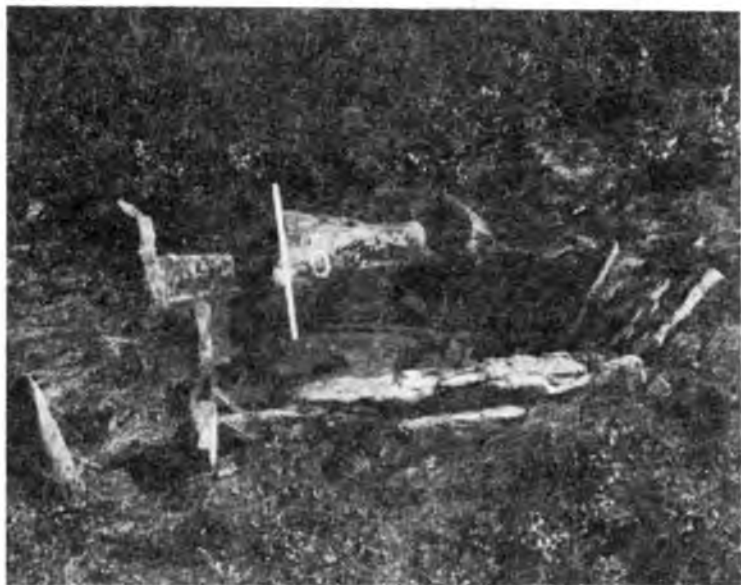

Рис. 120. Могойтуй. Ритуальная оградка 6, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 121. Могойтуй. Жертвенная ямка оградки 6.

Рис. 122. Могойтуй. Череп ребенка из жертвенной ямки оградки 6.

Рис. 123. Могойтуй. Ритуальная оградка 7 после снятия дерна.

Рис. 124. Могойтуй. Жертвенная ямка оградки 7.

Рис. 125. Могойтуй. Ритуальная оградка 8 после снятия дерна.

Рис. 126. Могойтуй. Ритуальная оградка 8 после полной зачистки.

Рис. 127. Могойтуй. Ритуальная оградка 9 после снятия дерна.

Рис. 129. Могойтуй. Жертвенная ямка оградки 9.

Рис. 128. Могойтуй. Ритуальная оградка 9, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 130. Могойтуй. Ритуальная оградка 10 после полной зачистки.

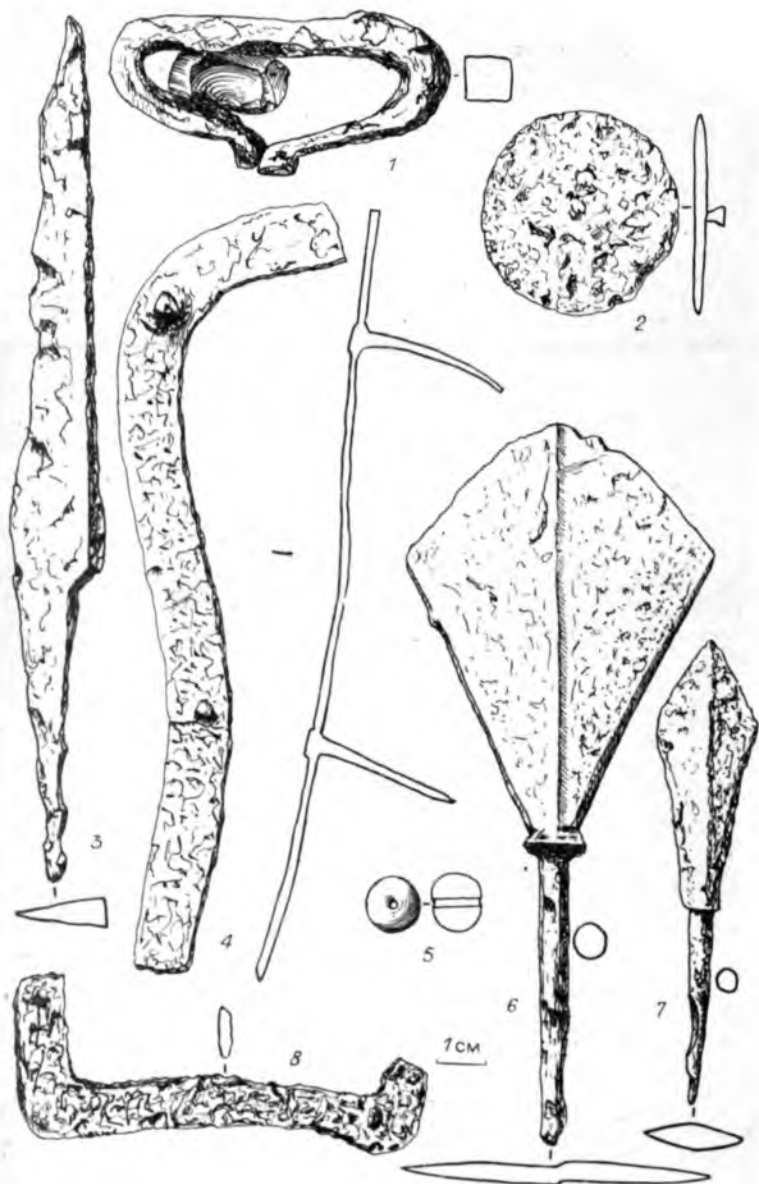

Рис. 131. Могойтуй. Материал из вторичного захоронения ритуальной оградки 10.

Рис. 132. Могойтуй. Ритуальная оградка 11 после снятия дерна.

Рис. 133. Могойтуй. Ритуальная оградка 11 после полной зачистки.

Рис. 134. Могойтуй. Фрагмент жертвенной ямки оградки 11.

Рис. 135. Могойтуй. Фрагмент жертвенной ямки оградки 11.

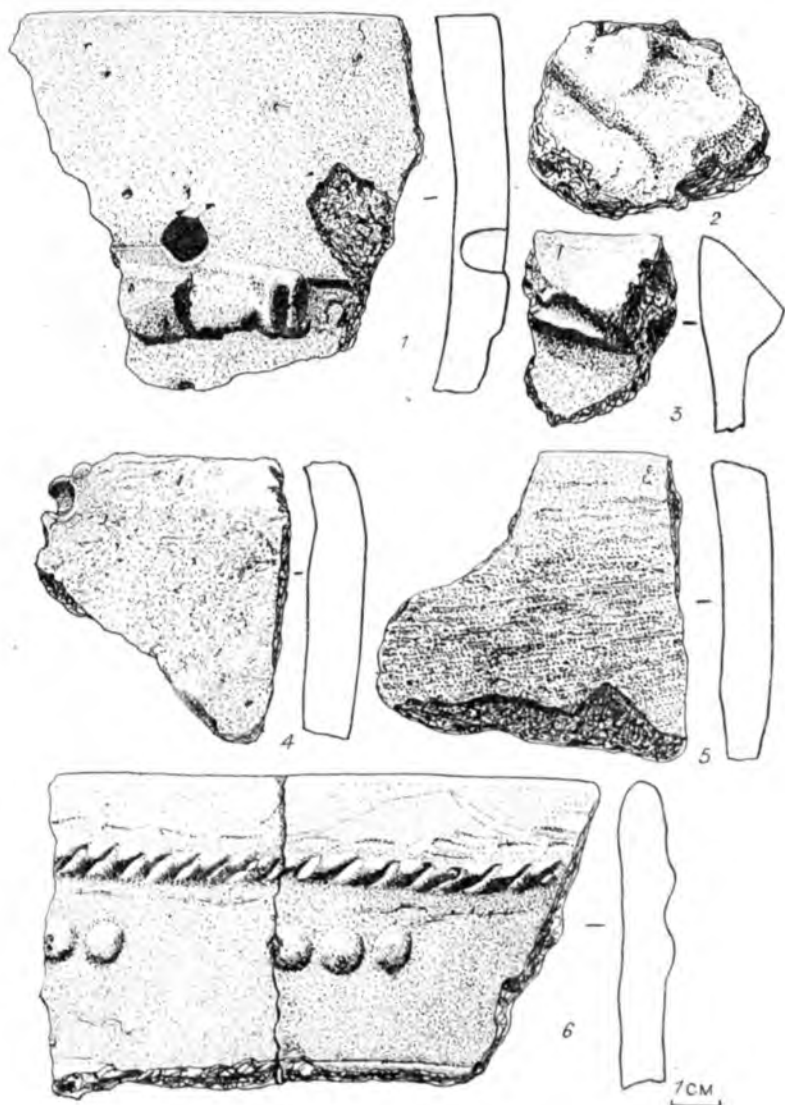

Рис. 136. Материалы из ритуальных оградок: 1, 4, 5 — Могойтуй, оградка 12; 2 — Могойтуй, оградка 5; 3, 8 — Калашниково, оградка 1.

Рис. 137. Могойтуй. Ритуальная оградка 14 до раскопок.

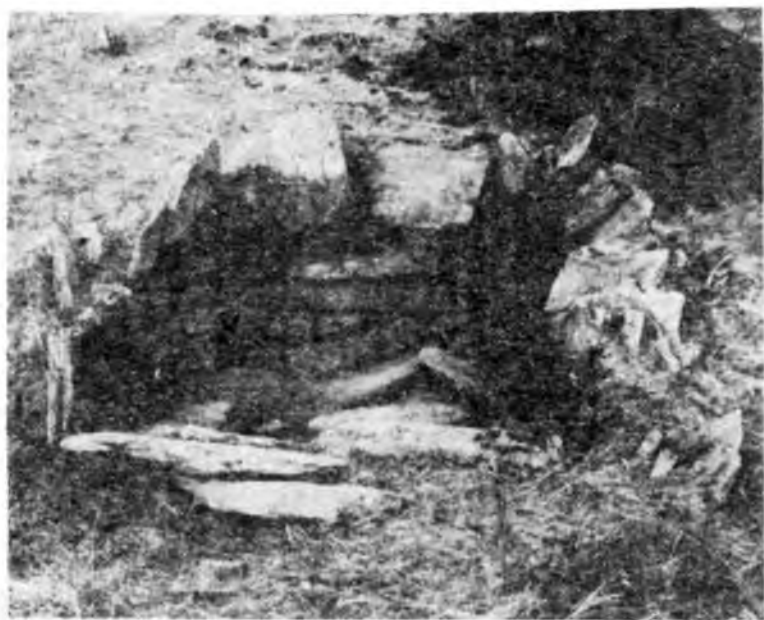

Рис. 138. Могойтуй. Ритуальная оградка 14, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 139. Могойтуй. Ритуальная оградка 14 после полной зачистки.

Рис. 140. Могойтуй. Фрагмент жертвенной ямки оградки 14.

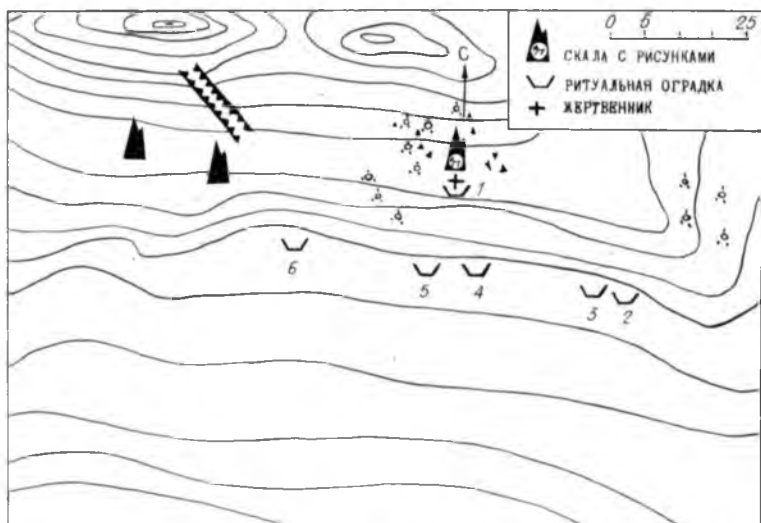

Рис. 141. Калашниково. Схема местности.

Рис. 142. Калашниково. Ритуальная ограда 1 после снятия дерна.

Рис. 143. Калашниково. Ритуальная оградка 1, зачищенная до плит, перекрывающих жертвенную ямку.

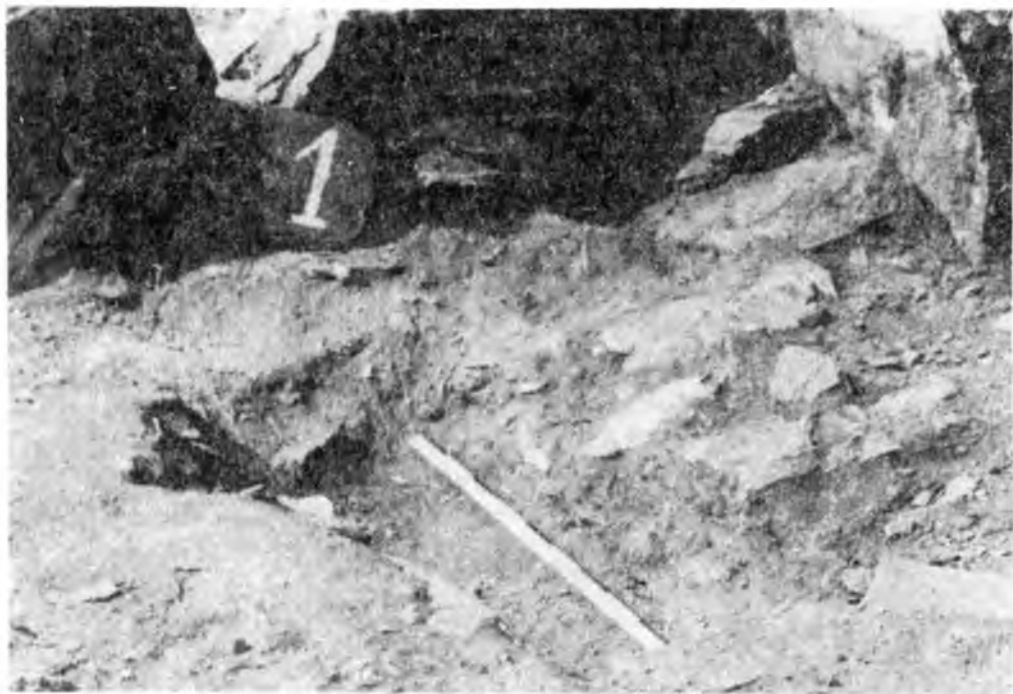

Рис. 144. Калашниково. Жертвенная ямка оградки 1.

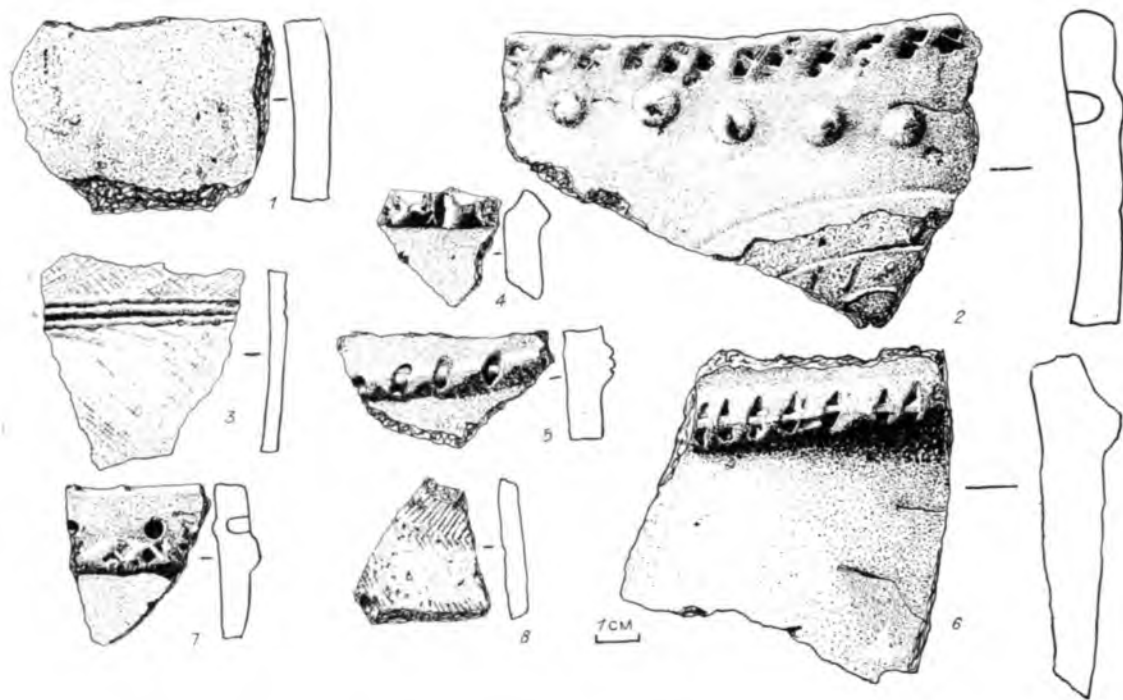

Рис. 145. Материалы из ритуальных оградок: 1—4, 6 — Калашниково; 5, 7, 8 — Малый Улистай.

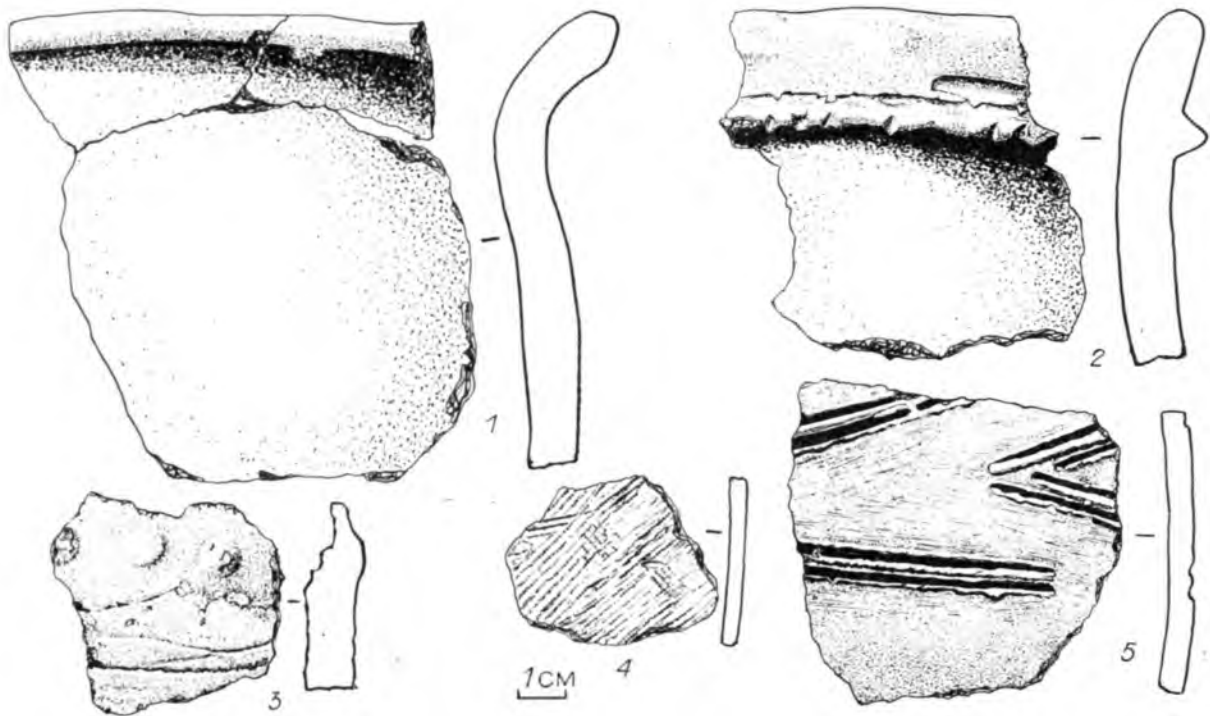

Рис. 146. Калашниково. Керамика из ритуальной оградки 1.

Рис. 147. Калашниково. Ритуальные оградки 2 и 3 после снятия дерна.

Рис. 148. Калашниково. Ритуальная оградка 2, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 149. Калашниково. Жертвенная ямка оградки 2.

Рис. 150. Материалы из жертвенников и ритуальных оградок: 1—3 — Калашниково; 4, 5, 7, 8 — Малый Улестай; 6 — Нортуй I.

Рис. 151. Калашниково. Ритуальная оградка 3 после снятия дерна.

Рис. 152. Калашниково. Ритуальная оградка 4 после зачистки.

Рис. 153. Калашниково. Вид жертвенной ямки оградки 4.

Рис. 154. Калашниково. Ритуальная оградка 6 до раскопок.

Рис. 155. Калашниково. Ритуальная оградка 6, зачищенная до плиты перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 156. Калашниково. Ритуальная оградка 6 после полной зачистки.

Рис. 157. Калашниково. Жертвенная ямка оградки 6.

Рис. 158. Калашниково. Фрагмент жертвенной ямки оградки 6.

Рис. 159. Калашниково. Фрагмент жертвенной ямки оградки 6.

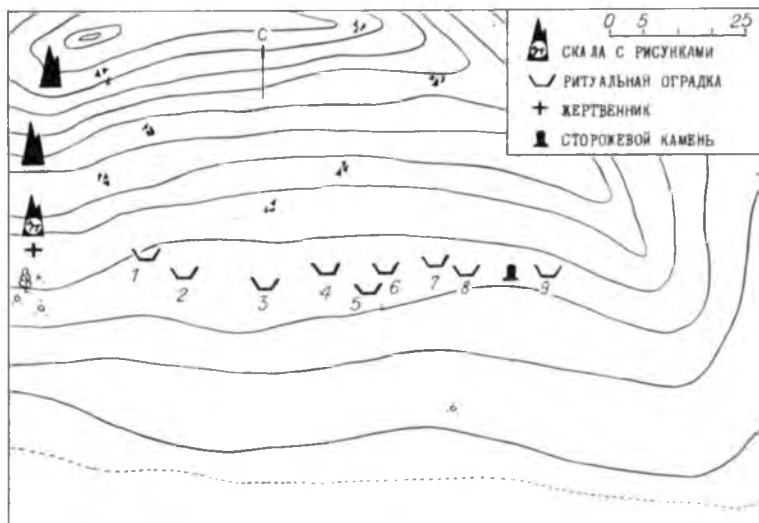

Рис. 160. Малый Улистый. Схема местности.

Рис. 161. Малый Улистой. Фрагмент погребения после зачистки.

Рис. 162. Малый Улистой. Фрагмент погребения после зачистки.

Рис. 163. Малый Улестай. Сосуд из первого культурного горизонта жертвенника.

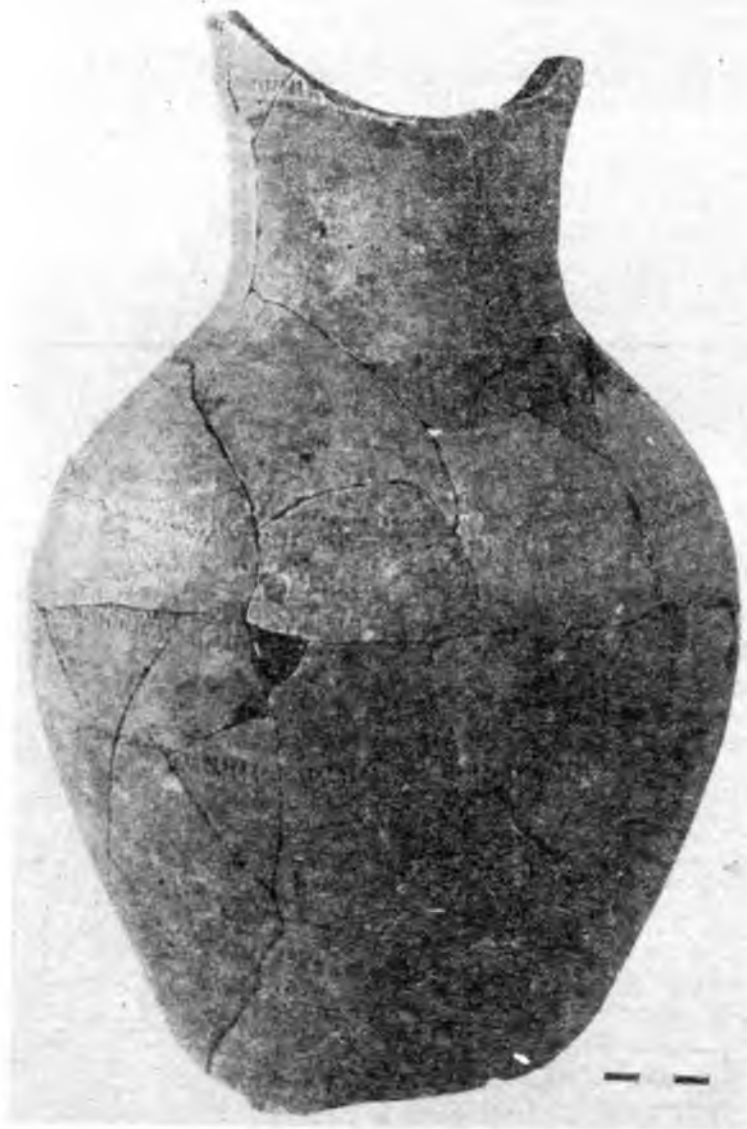

Рис. 164. Малый Улистой. Фрагмент сосуда из первого культурного горизонта жертвенника.

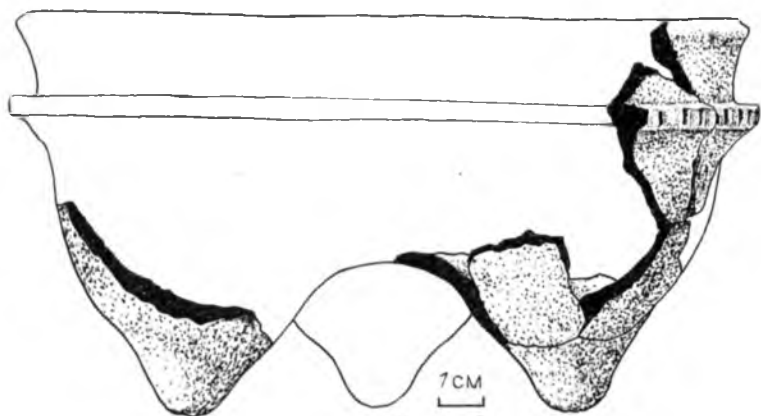

Рис. 165. Малый Улистай. Фрагмент сосуда-трипода.

Рис. 166. Малый Улистай. Сторожевой камень.

Рис. 167. Малый Улистай. Ритуальная оградка 1, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 168. Малый Улистай. Жертвенная ямка оградки 1.

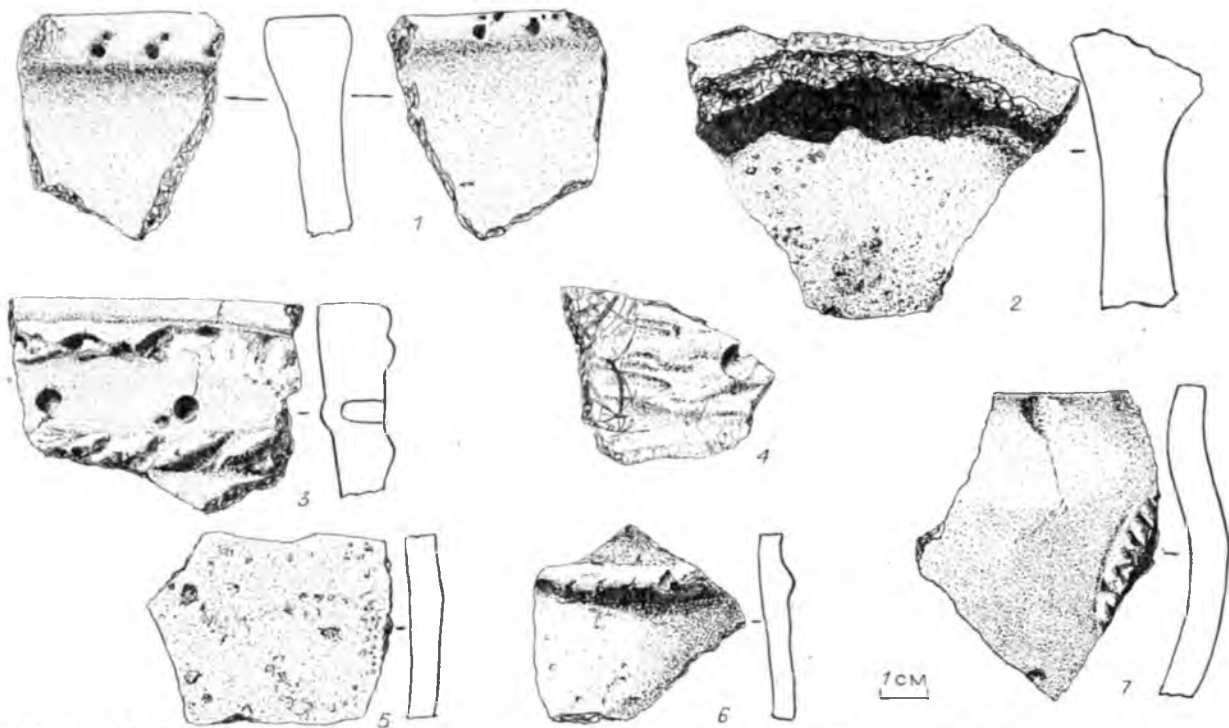

Рис. 169. Малый Улустай. Материалы из ритуальных оградок: 1, 2 — оградка 8; 3, 5 — оградка 5; 4, 6 — оградка 3; 7 — оградка 1.

Рис. 170. Малый
Улистой. Ритуаль-
ная оградка 2 после
снятия дерна.

Рис. 171. Малый Улестай. Ритуальная оградка 2, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

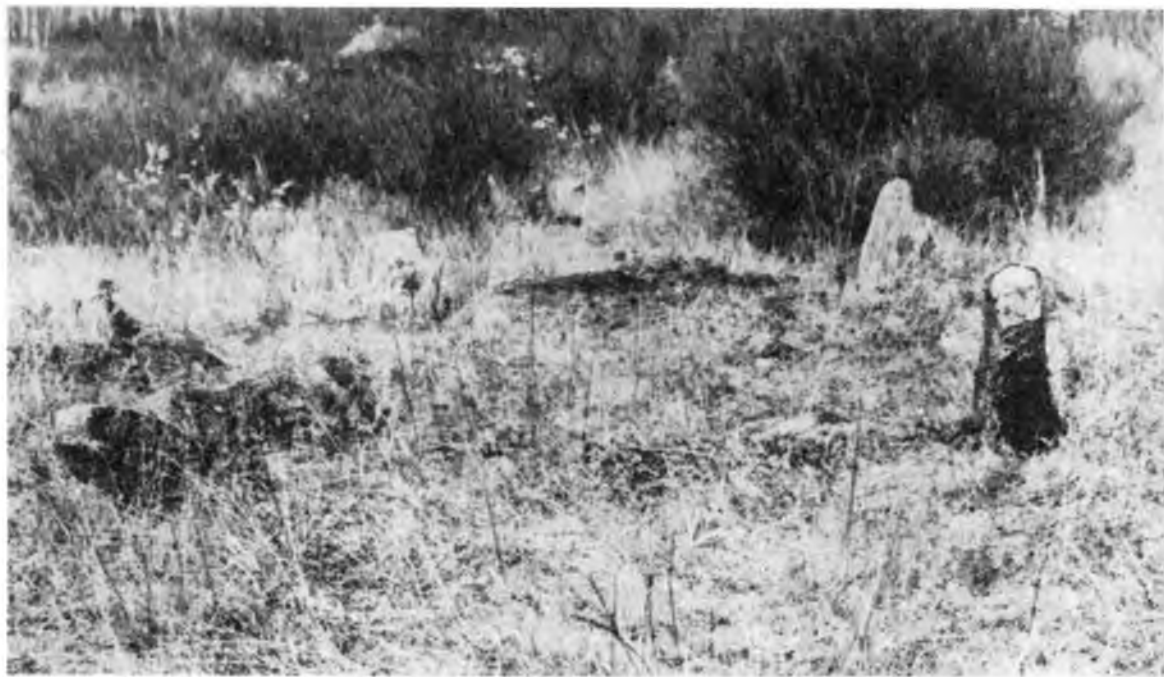

Рис. 172. Малый Улистой. Ритуальная оградка 3 до раскопок.

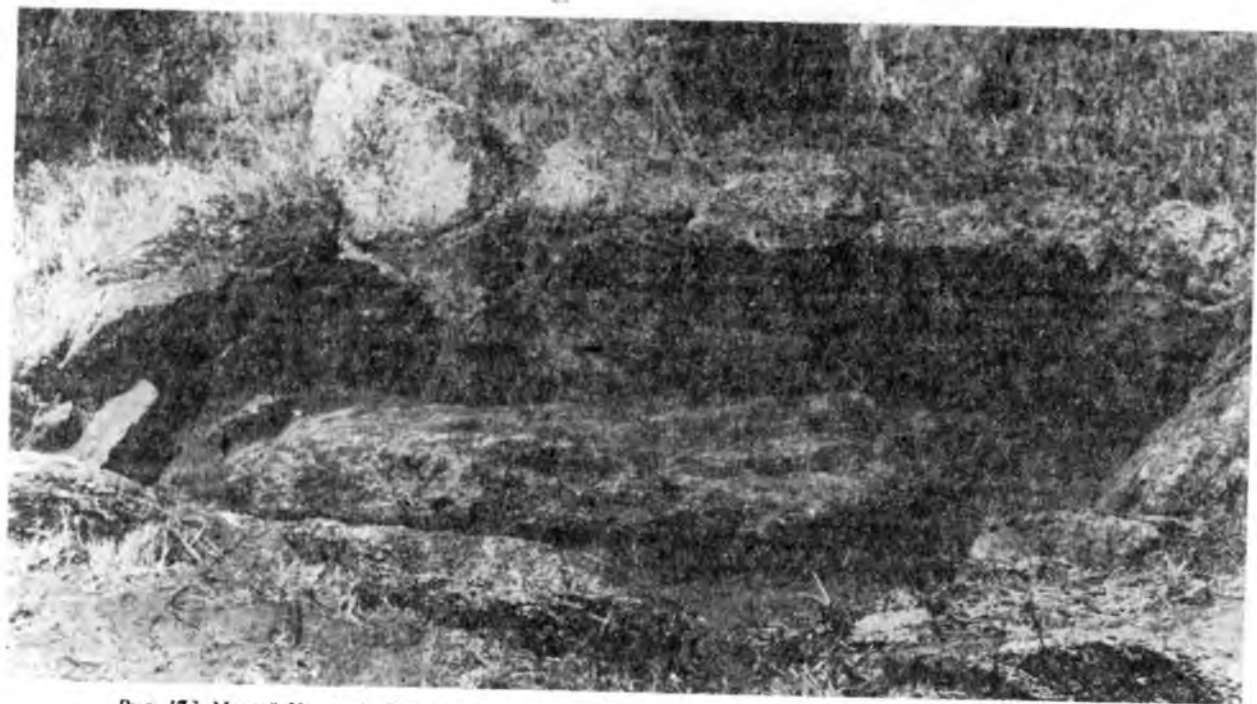

Рис. 173. Малый Улистой. Ритуальная оградка 3, зачищенная до плиты перекрытия жертвенной ямки.

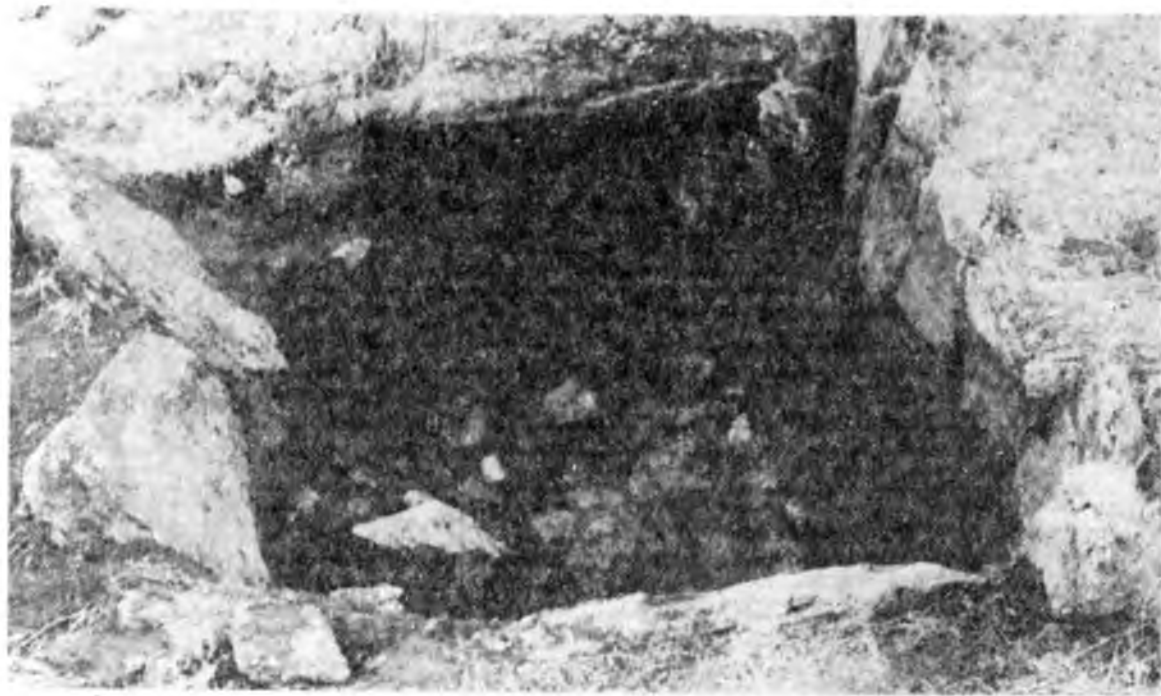

Рис. 174. Малый Улистой. Вид ритуальной оградки 3 после раскопок.

Рис. 175. Малый Улистой. Жертвенная ямка оградки 3.

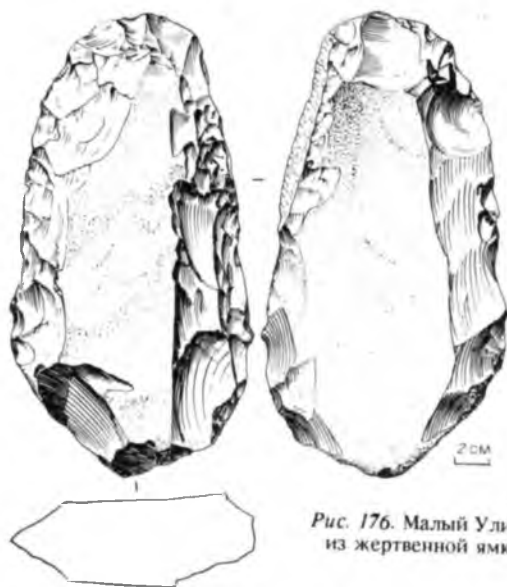

Рис. 176. Малый Улистой. Орудие из жертвенной ямки оградки 3.

Рис. 177. Малый Улистой. Ритуальная оградка 4 после снятия дерна.

Рис. 178. Малый Улистой. Ритуальная оградка 5 после снятия дерна.

Рис. 179. Малый Улистай. Ритуальная оградка 5, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 180. Малый Улистай. Жертвенная ямка оградки 5.

Рис. 181. Малый Улистай. Ритуальная оградка 7, зачищенная до плиты перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 182. Малый Улистай. Ритуальная оградка 8 после снятия дерна.

Рис. 183. Малый Улистой. Ритуальная оградка 8, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 184. Малый Улистой. Жертвенная ямка оградки 8.

Рис. 185. Малый Улистай. Ритуальная ограда 9 после снятия дерна.

Рис. 186. Малый Улистай. Ритуальная ограда 9, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 187. Малый Улистой. Ритуальная оградка 9 после раскопок.

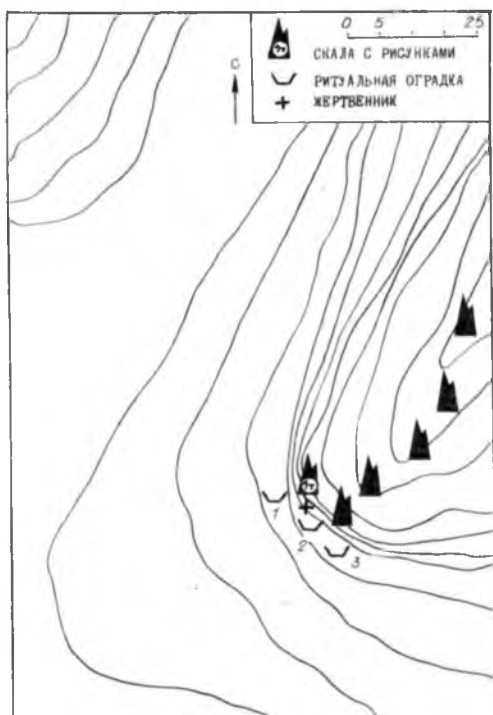

Рис. 188. Урулжунгуй I. Схема местности.

Рис. 189. Урулжонгуй I. Ритуальная оградка 1 до раскопок.

Рис. 190. Урулжонгуй I. Ритуальная оградка 1, зачищенная до плиты, перекрывающей жертвенную ямку.

Рис. 191. Урулюнгуй I. Ритуальная оградка 2 до раскопок.

Рис. 192. Урулюнгуй I. Ритуальная оградка 2 после снятия дерна.

Рис. 193. Урулжонгуй I. Ритуальная оградка 2, зачищенная до плиты перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 194. Урулжонгуй I. Жертвенная ямка 2.

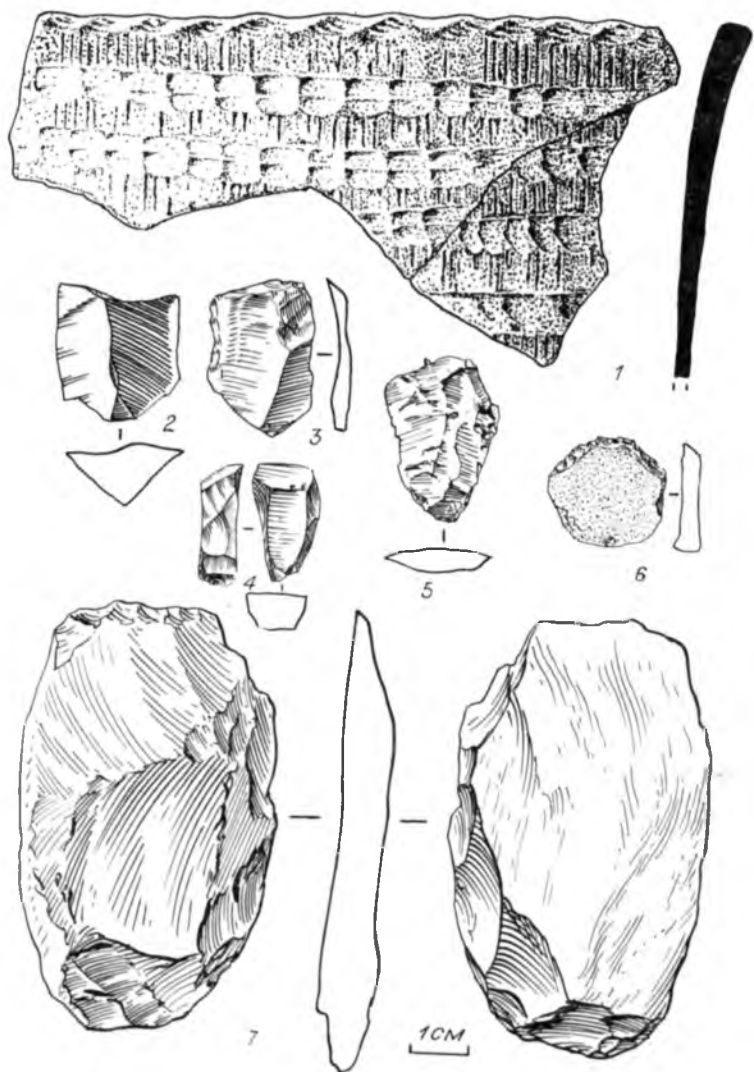

Рис. 195. Материалы из жертвенников и ритуальных оградок: 1, 7 — Маргусек; 2—4 — Урулюнгуй I; 5, 6 — Малый Улистый.

Рис. 196. Урулюнгуй I. Ритуальная оградка 3 после снятия дерна.

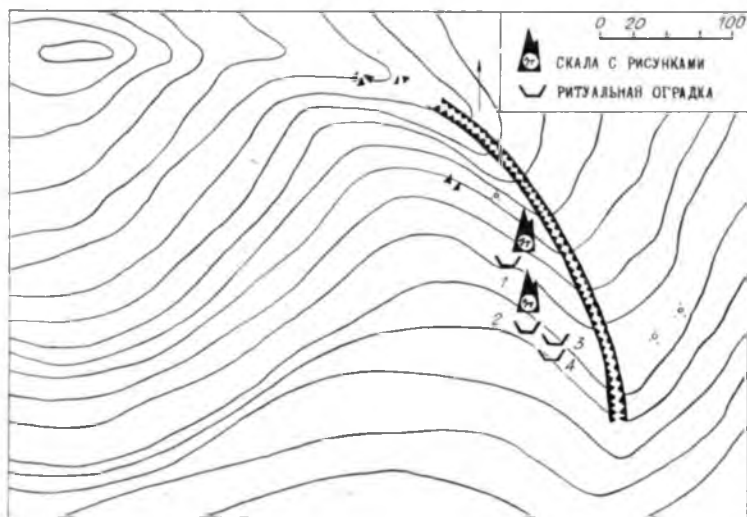

Рис. 197. Нортуй I. Схема местности.

Рис. 198. Нортуй I. Ритуальная оградка 1 после снятия дерна.

Рис. 199. Нортуй I. Углистое пятно в оградке 1.

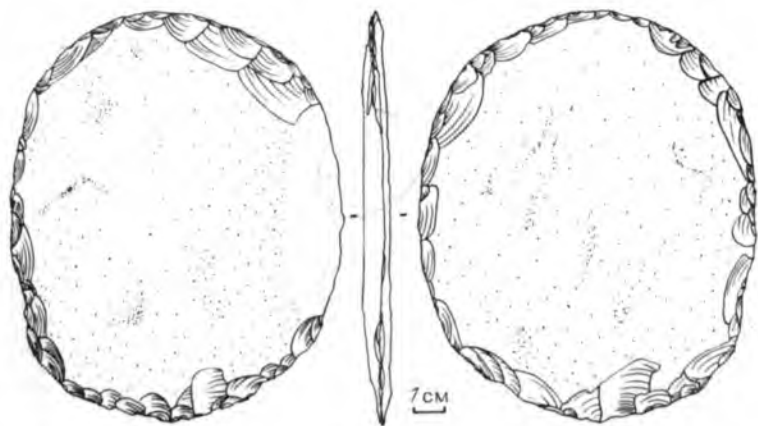

Рис. 200. Нортуй I. Дискovidный нож из жертвенника.

Рис. 201. Нортуй I. Ритуальная оградка 2 до раскопок.

Рис. 202. Нортуй I. Ритуальная оградка 2 после снятия дерна.

Рис. 203. Нортуй I. Ритуальная оградка 2, зачищенная до плит перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 204. Нортуй I. Ритуальная оградка 3 до раскопок.

Рис. 205. Нортуй I. Ритуальная оградка 3 после снятия дерна.

Рис. 206. Нортуй I. Ритуальная оградка 4 до раскопок.

Рис. 207. Нортуй I. Ритуальная оградка 4, зачищенная до плиты перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 208. Нортуй I. Плита перекрытия жертвенной ямки оградки 4.

Рис. 209. Нортуй I. Ритуальная оградка 4, полностью зачищенная.

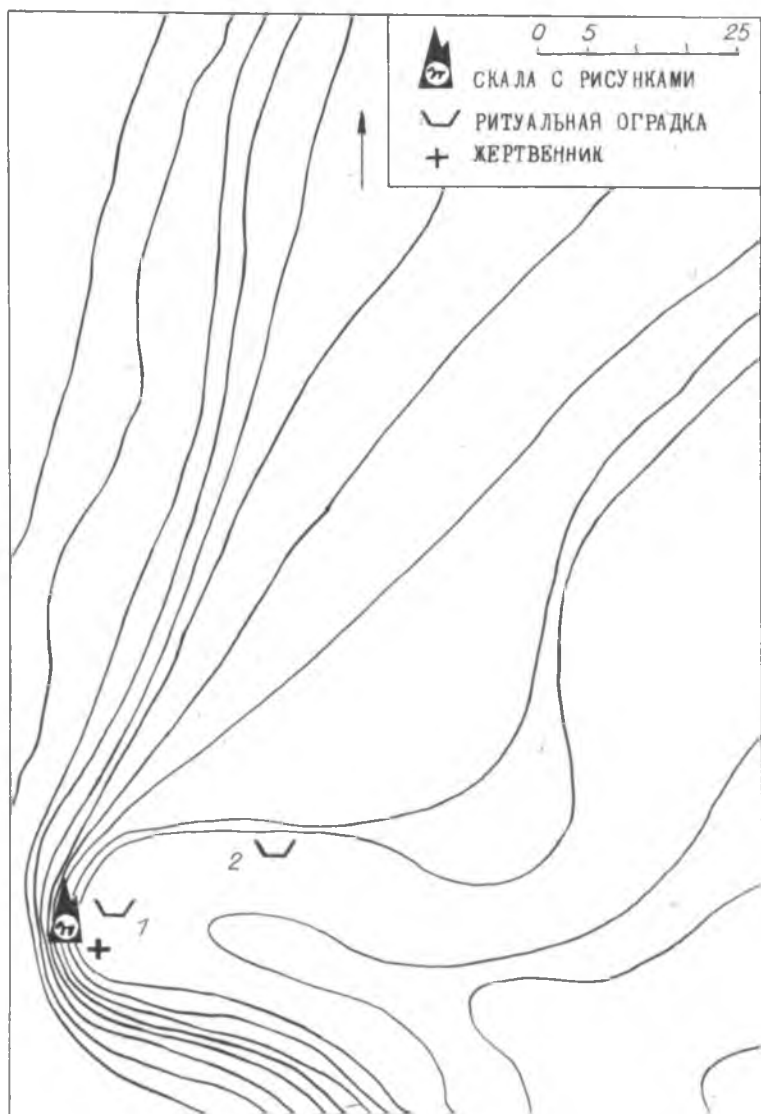

Рис. 210. Портуй II. Схема местности.

Рис. 211. Нортуй II. Ритуальная оградка I до раскопок.

Рис. 212. Нортуй II. Ритуальная оградка 1 после снятия дерна.

Рис. 213. Нортуй II. Ритуальная оградка 1, зачищенная до плиты перекрытия жертвенной ямки.

Рис. 215. Нортуй II. Ритуальная оградка 2 до раскопок.

Рис. 214. Нортуй II. Жертвенная ямка оградки I.

Рис. 216. Бырка. Стратиграфический разрез жертвенника.

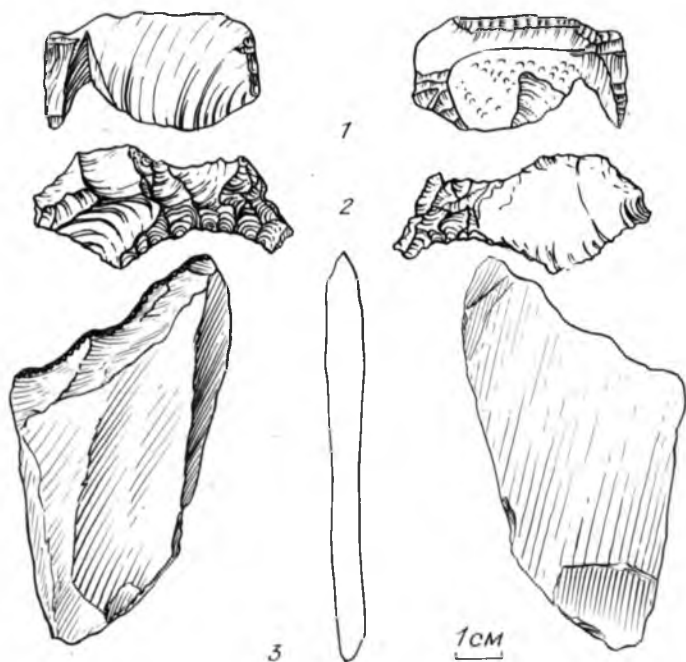

Рис. 217. Материалы жертвенников: 1 — Нюкжа, 2, 3 — Ырка.

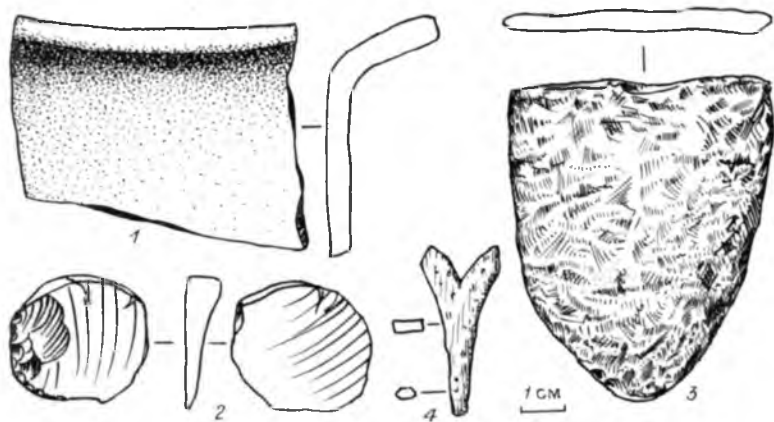

Рис. 218. Материалы из онёнского жертвенника.

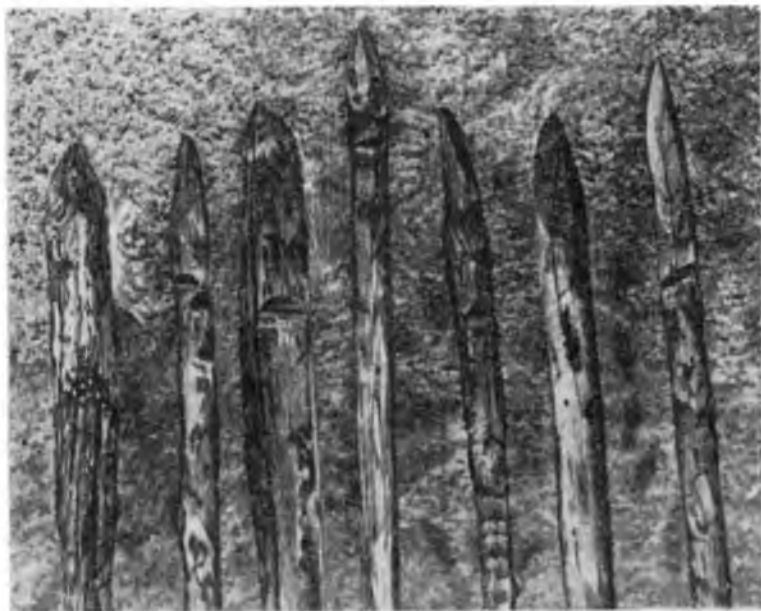

Рис. 219. Геткан. Деревянные идолы-ментая, обнаруженные у плоскостей с рисунками.

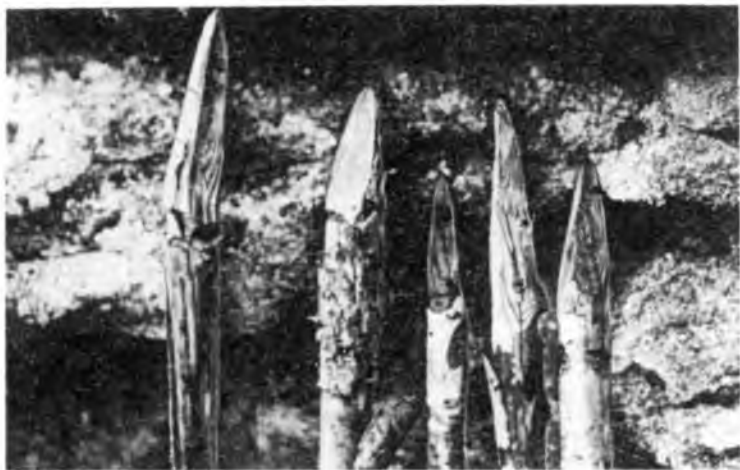

Рис. 220. Большой Онон. Деревянные идолы-ментая, обнаруженные у плоскостей с рисунками.

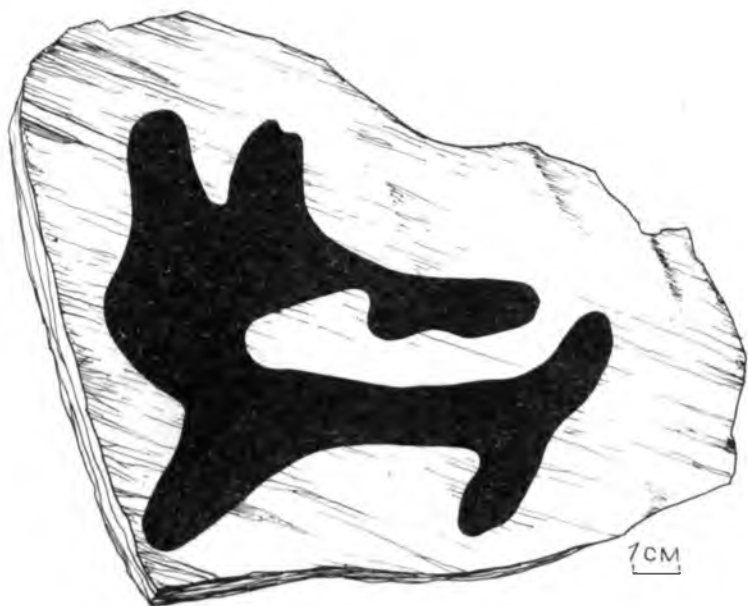

Рис. 221. Арби. Плитка из жертвенника.

Рис. 222. Арби. Фрагмент жертвенника после зачистки.

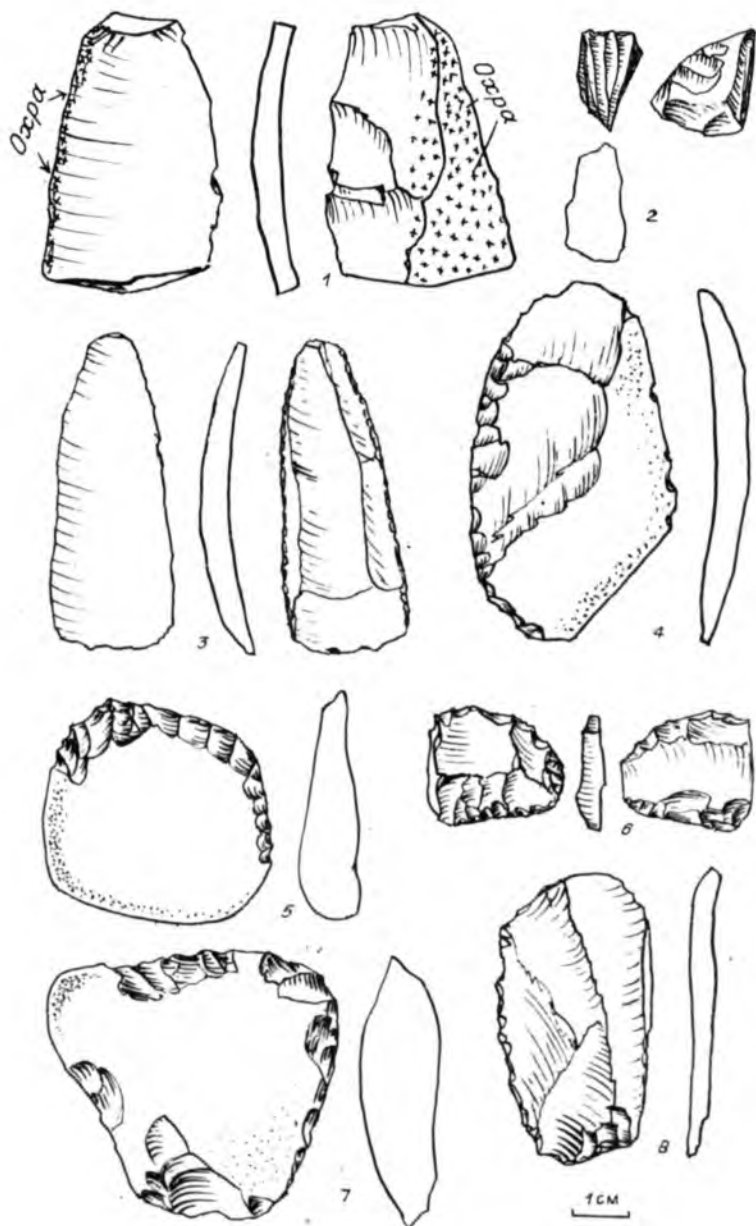

Рис. 223. Материалы из нокжинского жертвенника.

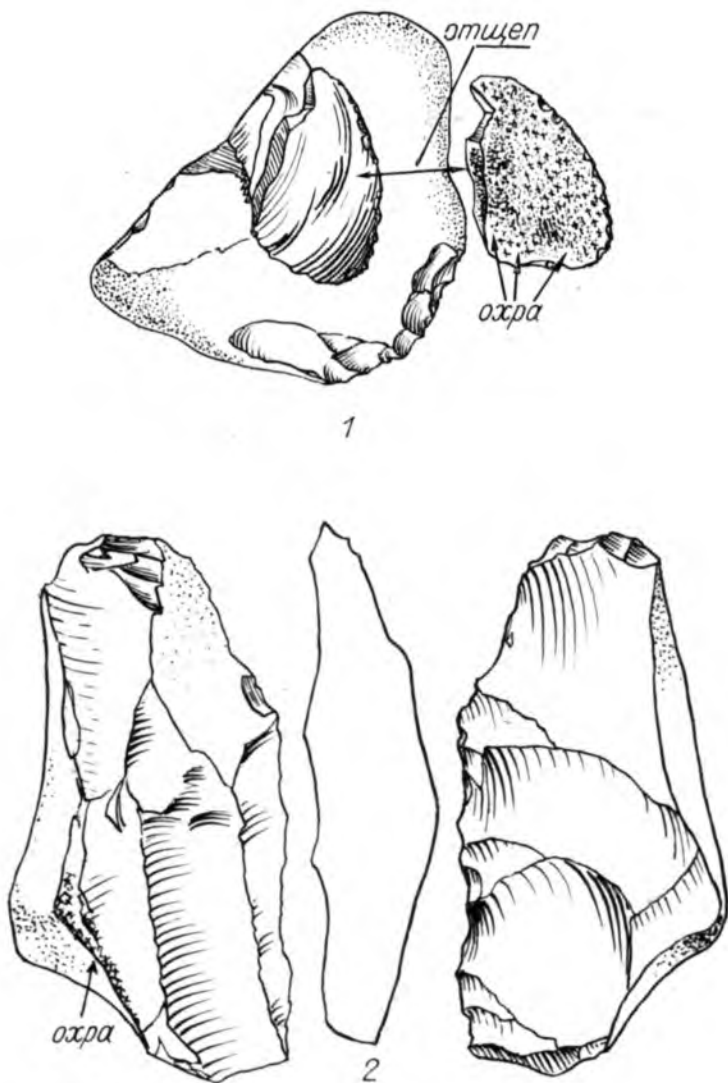

Рис. 224. Материалы из нюкжинского жертвенника.

Рис. 225. Нюкжа. Камень с изображением животного, перекрытый материалами жертвенника.

Рис. 227. Средняя Нюкжа II. Ритуальное сооружение 2.

Рис. 226. Средняя Нюкжа II. Ритуальное сооружение I.

Рис. 228. Средняя Нюкжа II. Фрагмент ритуального сооружения 2.

Рис. 229. Средняя Нюкжа II. Ритуальное сооружение 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Краткий очерк природы Приамурья в голоцене	6
Глава II. Общая характеристика стилистических особенностей писаниц	14
Глава III. Жертвенные места у писаниц	36
Глава IV. Классификация жертвенников и материалов жертвоприношений	66
Глава V. Хронология писаниц	75
Памятники позднего плейстоцена и раннего голоцена	76
Памятники эпохи неолита и раннего металла	81
Памятники раннего железного века и средневековья	88
Заключение	93
Литература	97
Список принятых сокращений	102
Приложение	103

Научное издание

Мазин Анатолий Иванович

ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА ПРИАМУРЬЯ

Редактор Л.В. Острожская. Художник В.И. Шумаков. Художественный редактор М.П. Рудакова.
Технический редактор Н.М. Остроумова. Корректоры С.М. Полунина, Л.А. Шербаковы. Оператор
электронной верстки Н.М. Лаптева

ИБ № 629

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 06.09.94. Подписано в печать 25.11.94. Бумага типографская. Формат 84 × 108 1/32. Усл.печл. 12,6. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 660 экз. Заказ № 207.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО "Наука". Сибирская издательская фирма. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе

Новосибирская типография № 4 ВО "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

